

Рудольф Штейнер

**Образование судьбы и жизнь после
смерти**

7 лекций, прочитанных в Берлине с 16 ноября по 21 декабря 1915
года

GA 157a

2010
«НОВАЛИС»
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Первая лекция

Берлин, 16 ноября 1915 года

6

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ФИЗИЧЕСКОМ МИРЕ И ЖИЗНЬ МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ

Актуальность вопросов по поводу присутствия духовного мира в современности. Всеобъемлемость духовного мира и человека как микрокосмоса по сравнению с земным ⁰⁰знанием об этом. Жизнь между смертью и новым рождением и краткий срок земной жизни. Упорядоченное охватывание и индивидуализация общечеловеческих основ ⁰⁰потребности наследования при вступлении в земную жизнь; ⁰⁰необходимость непрерывного «я»-представления для ⁰⁰здоровой дневной жизни. Упорядоченность жизни после ⁰⁰смерти. Сохранение «я»-сознания через особый характер ⁰⁰обратного обзора жизни. Значение момента смерти для ⁰⁰укрепления «я»-сознания. О духовнонаучном исследовании сна и связи с существом и длительностью состояния камалоки. Посмертная память для переработки во сне. Характер ⁰⁰посмертной жизни умерших в юном возрасте; их ⁰⁰помощь годовым к инкарнации душам; их более крепкому ⁰⁰спиритуально просвечивающему обратному обзору. Значение ⁰⁰смерти большого числа молодых людей для развития ⁰⁰человечества: освежение спиритуальной жизни будущего.

Вторая лекция

Берлин, 18 ноября 1915 года

17

ПЕРЕЖИВАНИЕ ДЕЙСТВИЯ ПОСЛЕДНЕГО ЗЕМНОГО БЫТИЯ И ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В СИЛЫ ДЛЯ СЛЕДУЮЩЕЙ ИНКАРНАЦИИ

Смерть руководителя мюнхенской ветви Антропософского общества госпожи Софии Штинде. Необходимые поиски глубоких связей в тяжелых событиях современности. Сравнение с великой борьбой в начале Средневековья: ⁰⁰чужданка вида Европы для последующих веков, как в ⁰⁰политическом, так и духовно-культурном отношении. Сравнение ⁰⁰духовной силы катакомбного христианства с ⁰⁰разворачивающейся силой интимной духовнонаучной работы в ⁰⁰современности. Значение и задачи жизни антропософской ветви. Осуществление «я»-сознания после смерти через «столкновения» в жизненной панораме ранее пережитого, произошедшие во время земной жизни в физическом теле.

Жизнь в камалокке: проживание в душевном мире и мире существ как внутреннее переживание человека. О познании других душ. Обратное текущее переживание воз⁰⁰_{1F}действия прошлых земных поступков. Развитие сил для выравнивания кармы. Жизненное состояние, проявляю⁰⁰_{1F}щееся более активно наружу, и укрепленная внутренняя жизненная позиция и их связь со смертью, произошед⁰⁰_{1F}шей до или после 35-летнего рубежа в последней земной жизни. Времена расцвета и умирания в истории челове⁰⁰_{1F}чества: смерть многих людей как семя для позднейшего духовного процветания.

Третья лекция

Берлин, 20 ноября 1915 года

28

ПОДОСНОВЫ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ СМЕРТИ

Охватывание членов существа человека в послеатлантические эпохи. Образование души сознательной в совре⁰⁰_{1F}менности через связь, в которую входит «я» со своим физическим телом. Скрытое становление глубокой мудро⁰⁰_{1F}сти эфирного тела, ясновидческого знания астрально⁰⁰_{1F}го тела и высших сил ясновидения истинного «я». Раз⁰⁰_{1F}витие человека как персонального завоевателя и разра⁰⁰_{1F}ботчика этих сил. Значение большого числа жертвен⁰⁰_{1F}ных смертей. Обратное внесение в земную жизнь не исходящих от нее сил эфирного тела, астрального тела и «я». Разница «бытия» в земной и посмертной жизни: там «есть» (существует) только то, что будет деятельно вне⁰⁰_{1F}сено в имажинацию; протекающее предметно бытие зем⁰⁰_{1F}ного служит там помехой. Идеализм в земном: сила, про⁰⁰_{1F}тивостоящая материализму, свидетельство не бытийного, но долженствующего быть. Души, прошедшие через жерт⁰⁰_{1F}венную смерть, как «идеалисты духовного мира»: вестни⁰⁰_{1F}ки высшей духовной задачи земной жизни. Их связыва⁰⁰_{1F}ние со всеобще-человеческим Земли, также и в течение посмертной жизни. Воздействие жертвенной смерти на последующую инкарнацию. Зависимость земного буду⁰⁰_{1F}щего от плодов жертвы жизни.

Четвертая лекция

Берлин, 7 декабря 1915 года

39

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДУХОВНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО МИРА В ОТНОШЕНИИ ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Глубокая перемена, происходящая у человека после смерти. Разница воспоминания о чем-то, произошедшем в земном прошлом, и об умершем. Восприятие умершего в связи с земным миром, связанными с умершим душами и воспоминаниями этих душ о нем. Вопрос о значении последних для умерших. О жизни с великим вопросом внутри. Сущность художественного представления: духовное наколдовано в необходимом ходе земного. Внутреннее сопротивление этому для умерших: переживать воспоминания земных людей в закономерности посмертной жизни как сияние красоты. Глубокая связь между земным и духовным миром. Обобщающее «знание» астрального тела по сравнению со знанием и точкой зрения верхнего слоя сознания. Действие ангела-хранителя в астральном теле. Тонкая подвижная граница между правящей высшей мудростью и сознательным отношением человека. Опасности для жизненного водительства, когда в глубинные области астрального тела проникает эгоизм. Преодоление эгоизма через расширение интересов и духовное усилие. «Старение» физического тела и «омоложение» эфирного тела.

Пятая лекция

Берлин, 14 декабря 1915 года

50

О ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫХ ДУШЕВНЫХ ИМПУЛЬСАХ

Двоякая природа человека: поскольку он имеет обычное сознание благодаря физическому инструменту и поскольку в нем живет глубокое, создающее связи сознание «внутреннего слушателя»; подвижная граница между этим. Воспоминание в обычном сознании и его преобразование через присоединение к глубинному человеку. Обсуждение новеллы Альфреда фон Бергера «Советник Эйзенхардт»; пример имеющегося, но оставшегося нереализованным в новелле стремления к духовному и возможность просматривать внутренние связи. Два направления к духовному: прорыв внешней дымки природных явлений, погружение в процесс образования восприятий — с одной стороны. Прорыв дымки душевной жизни — с другой стороны. Взаимосвязь духовного укрепления и процессов смерти; телесность как «конец путей Бога» (Этингер) и исходная точка будущей жизни. Задачи современности — охватить духовные связи; остающееся в подсознательном препятствие: страх перед духовным и упорное внутреннее сопротивление по отношению к охватыванию сверхчувственными силами.

Берлин, 19 декабря 1915 года

63

ИДЕЯ РОЖДЕСТВА И ТАЙНА «Я»*Перевод И. Маханькова*

Враждебность среди людей и идея объединяющей связанности с Христом Иисусом. Связь истории Творения с тайной Рождества. Легенда о Древе Познания и древе Креста. О превращении благодаря Мистерии Голгофы люциферического принципа, который не был предопределен в развитии Земли и человечества. Тайна «я». Его «остановка в развитии» в духовном мире после самых первых лет детства. Воспоминание человечества об этой человечески-божественной доли благодаря празднику Рождества Всемирного дитяти. Возникновение рождественского действа и его представлений. Книга Э. Геккеля. Возможность прийти сегодняшним мышлением как к бессмысленности земного бытия, так и к пронизанию духовным смыслом существования Земли. Силы детства, присущие отдельным людям; И. Г. Фихте. Об импульсах, полученных благодаря идее Рождества.

Седьмая лекция

Берлин, 21 декабря 1915 года

78

ЗАТМЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ И БЕСПОРЯДОЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Введение перед рецитацией «Сновидческой песни об Олафе Эстесоне». Силы смерти и зачаток жизни в сущностном ядре человека. Современное затемненное кульгурное время в отношении к духовному познанию: вера в авторитет ученого-специалиста; беспорядочное мышление; тупость и ограниченность критицизма; абсурдность «Критики языка» Ф. Маутнера и его учения о случайных чувствах; самодовольство в этом мышлении; взаимодействие в нем Люцифера и Аримана. Необходимость вовлечения становления в это скованное мышление. Событие Христа; апостол Павел. Недоказуемость события Христа для исторически-материалистического мышления; стяжание этого события только через духовный опыт. Мистерия Рождества. Новелла А. Штифтера «Горный хрусталь».

«УЛАФ ОСТЕЗОН. ПЕСНЬ О СНЕ»

93

Русский перевод 1929 года с немецкого перевода Рудольфа Штейнера

В годы Первой мировой войны перед каждой своей лекцией, прочитанной внутри Антропософского общества в странах, участвовавших в этой войне, Рудольф Штейнер произносил следующие слова памяти.

Мои дорогие друзья, мы памятуем об охраняющих духах тех, кто находится во внешнем мире на великих полях событий современности:

Духи ваших душ, деятельные стражи,

Ваши крылья могут донести

Нашу молитвенную любовь

Вверенным вашей защите земным людям,

Чтобы соединенное с вашей властью

Наше моление помощью лучилось

Душам, которых оно с любовью ищет.

Мы обращаемся и к охраняющим духам тех, кто вследствие этих событий, исполненных страданий, уже перешел через врата смерти:

Духи ваших душ, деятельные стражи,

Ваши крылья могут донести

Нашу молитвенную любовь

Вверенным вашей защите людям сфер,

Чтобы соединенное с вашей властью

Наше моление помощью лучилось

Душам, которых оно с любовью ищет.

И тот Дух, к которому в течение ряда лет мы стремимся приблизиться путем духовной науки, тот Дух, который ради спасения Земли, ради свободы и развития человечества прошел через Мистерию Голгофы, да пребудет Он с вами и вашим тяжким долгом!

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 16 ноября 1915 года

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ В ФИЗИЧЕСКОМ МИРЕ И ЖИЗНЬ МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И НОВЫМ РОЖДЕНИЕМ

Так как после долгого отсутствия, к моей глубокой радости, я снова могу находиться в вашей среде, то в ходе трех лекций этой недели я хотел бы направить наши взоры на ту область познания духовного мира, которая находится в большей или меньшей связи с тем, что так близко затрагивает и интересует нас в значительных, глубоко решающих событи⁰⁰_{1F}ях нашего времени. Не на сами эти события должен быть прежде всего направлен наш взор, но на то, что во всех душах возникает как вопрос о загадке, связанной с этими события⁰⁰_{1F}ми, порождая робость, с которой человечество вглядывается в ту судьбу, которая предстоит людям и миру. В первую очередь именно на это должен быть направлен наш взгляд. На ту дальнейшую судьбу человеческой души, которой она подчи⁰⁰_{1F}няется в области миробытия, на ту судьбу, которую можно созерцать благодаря духовной науке, на ту судьбу, которая не исчерпывается земным материальным бытием. В настоя⁰⁰_{1F}щее время, мои дорогие друзья, мы так близки к возможно⁰⁰_{1F}сти постучаться в те врата, через которые проходит челове⁰⁰_{1F}ческое существо, когда оно так или иначе покидает земное тело. Нас влечет к тому, на что может взирать человеческое существо, когда оно нуждается в утешении более высоком, в источнике сил более могучем, чем могут быть получены только в материальной жизни. Тысячами способов стучится в наше время голос духовного мира в наши сердца, в наши души, даже и для тех людей, которые часто не хотят проник⁰⁰_{1F}нуть своим сердцем в духовный мир, тем сердцем, которое все-таки и для этих людей является окном в духовный мир. В наши дни тысячами способов явственно вступает духов⁰⁰_{1F}ный мир в эти окна. И как важно нам снова, но с особой точки зрения рассмотреть, свести воедино то, что мы можем знать о духовном мире.

Тот, кто вышел из тесно ограниченного круга материалистических предрассудков, скоро должен будет признать наличие духовного мира, а тесно ограниченными предрассуд⁰⁰_{1F}ками материализма я называю то, когда совершенно отрица⁰⁰_{1F}ется существование духовного мира. Немного шире уже взгляд тех людей, которые не отрицают возможности его существо⁰⁰_{1F}вания, но утверждают, что человеческими средствами об этом мире ничего знать нельзя. Как сказано, если не стоят на почве материалистических предрассудков первого рода и путем

жизненного опыта дозрели до того (а до этого можно быстро созреть), чтобы допустить существование духовного мира — хотя и отрицая возможность его познания, — тогда такие люди уже недалеко от того, чтобы понять, что знания, которыми можно обладать, и жизненные результаты, которых можно добиться средствами обычного материального мира, ничто по сравнению с великим богатством духовного мира, находящимся за физически-чувственным миром.

Конечно, в наше время существуют материалистические души с ограниченными сердцами, которые хотели бы загнать все человеческое существо в тесные границы, рассматривая человека в его развитии лишь не намного выше животного — в смысле развития человека из животного. Конечно, такие люди есть. Однако их будет становиться все меньше и меньше, потому что, как мы часто видели, сама наука, обычная наука не дает развиваться этим предрассудкам. И если только начинают признавать, что в человеческом существе есть нечто, что возвышается над внешне-природным, тотчас же возникает познание того, насколько мало и узко ограничено то, что охватывает физически-чувственный мир по сравнению с тем более могущественным и великим, что охватывает весь мир. И если затем взглянуть на самого человека, если осознать то, что живет и может жить в человеке, то следует признаться: как бы далеко ни простирался духовный мир, как бы ни было велико его богатство, человек сам является своего рода микрокосмом в себе самом. Может быть, это считается еще неведомым: то, что в его существо проникает все богатство духовного мира. Как сказано, пусть для чувственного взгляда эти глубины души, куда достигают высшие области духовного мира, будут еще скрыты, но все-таки они проникают во все существо человека. Человек есть не только его физическое тело, взаимодействие внешних физических сил и субстанций, человек есть результат воздействия всего мира, истинный микрокосм. И многое, что мы делаем, многое, что мы исследовали, было предназначено к тому, чтобы мы до мелочей уяснили себе следующее: поскольку человек есть результат духовного мира, в нем действительно можно найти не только силы этой Земли, но и всего Неба.

Если бы хоть однажды удалось проникнуться мыслью об этом, тогда стало бы ясно, что посредством обычного знания, по сути, получают лишь толику настоящего знания о человеке. С помощью обычного знания можно узнать что-то только о законах природы, только то, что добывается этим знанием между рождением и смертью. Но уже при малом погружении в духовную науку, не говоря о глубоком знании, а только когда начинают ставить вопросы и пробуют решать загадки жизни, уже тогда понимают, что, для того чтобы познать человека, надо обратиться к чему-то

другому, чем только та капля внешнего знания, которую можно добыть внешним познанием во время между рождением и смертью, познать внешними средствами тела, внешними чувствами и тем рассудком, который связан только с физическим мозгом.

Теперь, мои дорогие друзья, свяжем эту мысль с другой, которая красной нитью проходит через все наши рассуждения: с мыслью о повторных жизнях, о перевоплощениях. Тех, кто немного знаком с нашим мировоззрением, при вопросе о повторных жизнях более всего удивляло, что время, которое человек проводит на Земле, так кратко по сравнению со временем, которое он проводит после смерти в духовном мире до своего нового рождения. С различных точек зрения мы рассматривали и обсуждали, что это время, которое человек проводит между смертью и своим новым рождением, как правило, во много, много раз превышает то время, которое человек проводит между рождением и смертью здесь в физической жизни.

Между двумя мыслями, которые я высказал выше, есть связь: то малое, что как знание и жизненные плоды мы приобретаем между рождением и смертью, по отношению к тому богатству духовных знаний в мирах, с которыми человек встречается после смерти, находится в такой же соразмерности, как краткое время, проводимое им на Земле между рождением и смертью, к тому долгому времени, которое проводит он между смертью и своим новым рождением. Потому что действительно много раз уже указывалось, что задача человека между смертью и новым рождением такова: усвоение его душой новых познаний и сил, совершенно иных, чем те, которые он приобрел между рождением и смертью здесь, в физической жизни. Можно действительно сказать, мои дорогие друзья, что, когда мы вступаем в физическую, земную жизнь, нисходим из духовного мира и воплощаемся в тело, которое достается нам по линии наследования от наших предков, тогда, чтобы организовать это тело, нам нужны все тонкие разветвления сил, развиваемых в духовном мире.

Смотрите, наше тело, каким мы его получаем, дают нам родители. Но с этим телом связана наша духовно-душевная сущность, которая до того провела много времени в духовном мире между смертью и своим новым рождением. Если бы можно было увидеть — если было бы, вообще, возможно принимать в расчет эту гипотезу только на одно мгновение, — чем является человек, наделенный только тем, что он получил благодаря силам наследования, благодаря силам, которые обладают субстанцией, передающейся нам от родителей, то мы увидели бы, что человек не был бы таким, каким он является сейчас. В те силы, которые представляют наше внешнее физическое бытие, в эти субстанции и

органы мы должны влить то, что наша душа принесла с собой из духовного, влить это в ту форму, которую мы получаем от родителей, и сделаться из абстрактного той индивидуальной личностью, которой мы являемся.

А теперь представьте, пусть это всего лишь безрассудная гипотеза, но все же можно попробовать ее принять, чтобы нечто уяснить: подумайте, что могло бы возникнуть, если бы все мы родились только от своих родителей? При этом мы не принимаем во внимание карму, а также и то, что нам доведется, естественно, родиться в определенных семьях. Сейчас мы имеем в виду только физическое наследование. Тогда все мы были бы одинаковы как люди. Тогда мы имели бы общий физически-человеческий характер! То, что все мы индивидуальные личности, происходит именно от того, что общее человеческое лекало до тонкости расчленено, выточено духовной индивидуальностью, которая приходит из духовного мира и погружается в то, что дается матерью и отцом. Точно так же, как требуется иметь пальцы, чтобы брать предметы физического мира руками, точно так же, как нужно иметь органы и учиться владеть ими, чтобы вообще что-то брать (ведь ребенок сперва не умеет брать предметы, он должен сначала научиться этому), точно так же нужно научиться присоединяться ко всем отдельным органам, которые составляют наш организм физически.

Не правда ли, все мы имеем «в общем» уши, но слышим индивидуальным образом. Все мы имеем «в общем» глаза, но каждый видит по-своему. Для внешних органов это воспринимается меньше всего, для внутреннего содержания человека это становится уже сильно заметным. Поэтому наше духовно-душевное мы должны вводить, двигать во все эти имеющиеся общие органы, мы должны их индивидуально образовывать, придавать им облик, должны то, что мы имеем как уши, глаза, мозг и все то, что получаем как органы по наследству, преобразовывать индивидуально. То есть, когда мы вступаем в физический мир путем рождения, мы должны иметь знания, и не просто знания, а практическую возможность их применения в этом совершенно чудесном построении человека, о котором мы действительно так мало знаем из внешней науки. Например, тонкое строение мозга мы должны знать изнутри, потому что нам необходимо его тонко организовать изнутри. И все эти духовно-душевные приемы, все то, что, вообще, позволяет быть человеком в человеческом теле между рождением и смертью, все это мы должны вырабатывать себе совершенно так, как мы добываем себе умение и навыки в жизни. Точно так же, как мы должны усвоить разные навыки в период между смертью и новым рождением, мы должны усвоить способность, умение быть человеком в физическом теле.

Это следует иметь нам в виду, мои дорогие друзья, это должно быть нам ясно. И тогда мы сможем составить себе понятие о том, насколько, имея в своем распоряжении только физическую науку, мы не можем ничего точно знать о человеке и нам нужно узнать это тем, другим познанием, которое мы должны усвоить между смертью и своим новым рождением. Но мы знаем: то, что усваивается нами между смертью и своим новым рождением, основывается, выстраивается на том, что мы приобрели себе в прошлых земных жизнях. И так же, как определена наша земная жизнь здесь между рождением и смертью, точно так же определена в известной степени и наша жизнь между смертью и новым рождением. Не правда ли, мы вступаем в физическую жизнь, можно сказать, в полусне, грезя, как малое дитя. Мы еще не можем пользоваться своей памятью, нам еще предстоит этому научиться. Если внимательнее присмотреться, то оказывается, что в то время, пока развивается память, человек учится приспособливаться к внешнему миру. Ребенок сперва барахтается и лишь потом учится хватать. Так приобретаются определенные вещи, систематически приобретаются определенные навыки. В это время обучаются очень многому и гораздо больше, чем обычно замечают. Затем каждая отдельная эпоха жизни протекает так, что новое основывается на предыдущем. Человеческая жизнь между рождением и смертью выстраивается в своем течении так, что это касается не только физической организации и построения. Точно так же планируется жизнь между смертью и новым рождением. И здесь надо вызвать перед своей душой нечто, с чем мы давно знакомы, и тогда мы обнаружим, каким образом регламентирована эта жизнь.

Видите, мы часто подчеркивали, что здесь, в этой жизни для нашей душевности в физическом бытии нам нужно представление о «я», которое образовалось после того, как оно утвердилось на втором, третьем, четвертом году жизни в тот момент, с которого мы себя можем вспомнить. У людей, у которых «я»-нить обрывается, наступает нарушение душевного равновесия. Как я часто уже упоминал, такие люди встречаются. И в итоге у них развиваются тяжелые душевные болезни. Случается, что человек бывает внезапно вырван из своего «я». Он не помнит своей прошедшей жизни, не помнит того, как жил. Он идет, допустим, на вокзал, покупает билет для поездки в какое-то место. Его рассудок работает хорошо, на пересадках он делает все, что положено. Но он не помнит того, что было прежде. Его воспоминание простирается лишь до того момента, когда он решил купить билет и совершить путешествие. Он ездит по свету, его рассудок совершенно в порядке. Затем наступает мгновение, когда он знает: он есть «он». До сего момента его душевная жизнь по отношению к памяти была погашена. Рассудок может быть в порядке, а память погашена. Тогда его «я» разорвано, и человек подвержен тяжелой душевной болезни.

У меня самого был знакомый, который занимал довольно высокое положение и вдруг внезапно «заболел» именно так. После того как он вдруг все забыл, забыл, кем был, на него напала тяга к перемене мест. Он ездил с места на место, я бы сказал, вслепую, пока наконец не очутился опять в Берлине, в приюте для бездомных. И здесь он внезапно вспомнил, кем является. Он снова пришел к тому, что «ты есть тот, кто ты есть!» Время, которое было между состояниями ясного сознания, полностью подчинилось его рассудку, но не было связано с его предыдущей жизнью. Потом болезнь напала на него вторично, и, находясь в состоянии сознания, когда его память была еще отключена от его «я», он покончил жизнь самоубийством.

Вы видите, как «я» человека в этой жизни между рождением и смертью должно непрерывно жить и не прерываться в дневном сознании никогда, давая возможность воспоминания всей жизни с того самого момента, когда в детстве рождается память — так должно быть и в жизни между смертью и новым рождением. Там у нас тоже должна иметься возможность сохранять свое «я». Эта возможность дана нам именно тем, что первое время после смерти протекает так, как уже мы часто описывали его. Сразу после смерти перед человеком, как на огромном табло, разворачивается вся прожитая им жизнь. До известной степени на этом табло можно рассматривать и отдельные дни, но так, что при этом обзоре тут же находится и все остальное. Прожитая жизнь возникает перед нами как панорама. Если всмотреться в это повнимательнее, тогда видно, что те дни, в которые мы вглядываемся, в прошедшей жизни уже имели определенный оттенок наблюдения. В эти дни рассматриваешь свою жизнь с точки зрения «я», особо рассматриваешь то, в чем участвовало наше «я». Можно сказать: если рассматривают отношение к какому-нибудь человеку, то главным образом оно выступает в том ракурсе, что видят плоды, которые это отношение принесло нашему «я». Это происходит не совсем объективно, а видят все, что принесло тебе плоды. При этом чувствуют себя всегда как бы центральной точкой, центром происходящего, и это очень нужно и важно. Потому что из этого исходит вся твердость и сила, которые нужны во все времена нашего пребывания между смертью и нашим новым рождением, для того чтобы суметь удержать там теперь «я»-мысль. Способность сохранять неразрывность нашего «я» исходит из этой картины прожитой жизни, последней жизни на Земле. И особенное значение, мои дорогие друзья, — я хочу подчеркнуть это еще раз, как я уже высказывал это здесь ранее, — имеет момент смерти.

Смерть есть нечто, что тотально имеет две совершенно противоположные стороны. Смерть, видимая отсюда, из физического мира, имеет, конечно, безутешные горестные стороны. И действительно, глядя отсюда, видят только одну сторону, но

когда человек проходит через врата смерти, то ему открывается и другая сторона смерти. Там она сама радость, совершенное событие, какое, вообще, можно перенести, она — живой факт. Потому что здесь для нашего чувства, для нашего ощущения она является доказательством того, как преходяща и брэнна наша земная жизнь. Смерть, если взглянуть на нее из духовного мира, ясно доказывает, что дух всегда побеждает⁰⁰_{1F} недуховное, что дух есть вечно живое, непреходящее, есть неиссякаемая жизнь. Смерть является доказательством того, что в действительности ее нет. Смерть есть только нечто кажущееся, майя. В этом огромная разница между жизнью, происходящей от смерти до нового рождения, и жизнью здесь, на Земле, от рождения до смерти.

Видите ли, ни один человек не в силах припомнить собственное рождение обычными физическими средствами познания. Своего собственного рождения никто не может доказать, сославшись на свой опыт, поскольку собственного рождения никто не видел собственными глазами. Рождение есть нечто, что не может быть наблюдаемо самим рождающимся⁰⁰_{1F} здесь в физическом мире. Для человека рождение предшествует⁰⁰_{1F} тому моменту, начиная с которого человек помнит себя. И само рождение не находится перед нами. А смерть — и этим она отличается от рождения в своем значении после смерти — всегда как самое значительное, великое, живое, совершенное событие возникает перед духовным взором в течение всего времени между смертью и новым рождением. Потому что смерть есть именно то, о чем мы имеем наше «я»-сознание после смерти. И как в нашей земной жизни мы не можем вспомнить момент нашего рождения, так в период между смертью и новым рождением мы с необходимостью помним тот момент, когда дух вырвался из тела, и это воспоминание стоит перед нашим душевно-духовным взором в течение всего пребывания в духовном мире. Потому что из этой смерти в связи с тем, что мы пережили здесь, вытекает для нас сила, которая нужна нам, чтобы чувствовать себя в качестве «я». Можно сказать, что если бы мы не могли умереть, то не могли бы пережить свое духовное «я». Потому что переживанием своего духовного «я» мы обязаны тому, что можем физически⁰⁰_{1F} умереть. Так обстоит дело для нашего «я». Это «я» усилено⁰⁰_{1F} и укреплено тем обстоятельством, что мы переживаем в первые дни после смерти, когда еще живем в эфирном теле. Затем это эфирное тело снимается, мы просматриваем свою жизнь в обратном порядке, можно назвать это прохождением души через духовный порог. Но эта жизнь длится уже гораздо⁰⁰_{1F} дольше, чем короткая (длящаяся всего несколько дней) жизнь, следующая непосредственно за физической смертью.

Сейчас распространено мнение, что тот, кто может видеть в духовном мире, видит сразу все. Я часто исправлял это бытующее мнение. Ничто так не заставляет быть скромным, как возможность

по-настоящему заглянуть в духовный мир. Потому что можно долго вглядываться в него, но исследования отдельных фактов духовного мира — это действительно большая и длительная работа, происходящая в духовном мире в отношении сил духовного мира. И часто возникает предрассудок, когда полагают, что тот, кто видит в духовном мире, может сразу обо всем рассказать. Совершенно так же, как здесь, в физическом мире, вещи исследуются лишь постепенно, от эпохи к эпохе, так и в духовном мире вещи исследуются постепенно. Но сейчас я хочу коснуться одного факта, одного пункта, который может оказаться важным для той или другой души, сидящей здесь. Речь идет об абсолютной согласованности отдельных духовных фактов, когда их постепенно исследуют и они выявляются снова и снова; это важно также и для тех, кто еще не видит в духовных мирах; итак, абсолютная согласованность отдельных духовных фактов может служить доказательством оправданности того, что добывается добросовестным исследованием высших миров. В моем «Очерке тайноведения» я уже приводил длительности отдельных отрезков жизни между смертью и новым рождением, подтверждаемые с разных точек зрения. Но существует еще одна точка зрения, которую я хочу привести сегодня и которую я не излагал в моем «Очерке тайноведения» по той простой причине, которую не собираюсь от вас скрывать, — из этого вы увидите, как добросовестно проводится здесь духовная наука, — тогда я еще не знал некоторых вещей и мог исследовать их лишь позднее. Итак, есть некоторая связь между жизнью, которая может разворачиваться на физическом плане как духовная жизнь, и той духовной жизнью, которая протекает в период между смертью и новым рождением.

Вы знаете, что нашу жизнь здесь мы проводим между сном и бодрствованием. С одной стороны, в бодрствовании мы пребываем в полном сознании, а потом для нормально человека некоторое время протекает в бессознательном состоянии в период между засыпанием и пробуждением. Из того, что изложено в книге «Как достигнуть познания высших миров?», вы знаете, что эту сонную жизнь можно пронизать лучом сознания и тогда можно заглянуть в то, что происходит между засыпанием и пробуждением. Если этого достичь, то можно все полнее и полнее узнавать жизнь, какую здесь между рождением и смертью человек проводит во сне, и тогда приобретается навык узнавать огромное богатство жизни. Это неслыханное богатство человеческой жизни для нормально человеческого бытия протекает в бессознательном состоянии между засыпанием и пробуждением. Но тут происходит чрезвычайно многое. И быстро замечается, что эта жизнь во сне гораздо более активна, чем жизнь, проходящая от пробуждения до засыпания.

Во время сна мы находимся в нашем «я» и астральном теле вне нашего физического и эфирного тела, последние находятся, так сказать, вне нас. Некоторым людям их внешняя жизнь кажется необычайно активной, но это потому, что мы не принимаем во внимание всю пассивность нашей внешней жизни. Если бы все, что несет с собой внешняя жизнь, должно было исходить из нашей инициативы, мы были бы удивлены, как все было бы иначе. Представьте себе: вот вы утром встаете. А ведь вы вовсе не принимаете решения вставать, а делаете это по привычке. И вы действительно не исходите при этом из точного познания взаимосвязей всего мирового уклада, чтобы в определенное время приводить свою жизнь в то или иное состояние, чтобы это колебалось подобно маятнику, да, если бы рассуждали и задумывались над тем, что обычно происходит по привычке!!! А теперь постарайтесь вдуматься, как многое протекает таким образом, что мы движемся по жизни наподобие автоматов. Тогда вы должны будете признать, как необычайно пассивна жизнь, протекающая между пробуждением и засыпанием, и как много активности присутствует между засыпанием и пробуждением. Там все исполнено активности, огромной активности. Интересно, что, будучи довольно вялыми в обычной жизни, люди становятся деятельными и активными именно между засыпанием и пробуждением. Там человек очень деятелен, только в обычной жизни он этого не знает. И если внимательнее всмотреться в то, что делает душа, то есть «я» и астральное тело, то видно, что эта деятельность тесно связана со всем бытием человека.

Когда мы идем по жизни, то очень мало принимаем из нее сознательным образом. Мы прорабатываем жизнь так, как она подступает к нам извне, но отнюдь не полностью. Я хочу привести сам собой напрашивающийся пример: вот вы слушаете сейчас лекцию, она длится, скажем, час. Не желая намекать на кого-либо из уважаемых присутствующих, скажу: в словах этой лекции можно было бы уловить гораздо больше, чем это слышат некоторые из присутствующих здесь... Ибо в моих словах можно было бы услышать намного больше того, чем я знаю сам о том, что мог высказать. Сейчас это сказано только для того, чтобы подчеркнуть другое, — после лекции вы вернетесь домой и пойдете спать, а завтра рано утром проснетесь. А во время вашего сна (конечно, для обычного нормального сознания это происходит совершенно бессознательно) вы проработаете многое из того, что сейчас были даже не в состоянии услышать. В вашем ближайшем сне, а может быть еще и в последующие ночи, вы проработаете это чрезвычайно точно. Можно видеть, как между засыпанием и пробуждением душа совсем в ином роде прорабатывает то, что было ею воспринято. И даже если случилось так, что кто-то слушал лекцию очень невнимательно, но проникся всей душой хоть к чему-то, то такая самоотдача свяжет с его душой то, что было заложено в этой лекции в качестве духовных импульсов, в качестве духовных

потенций. И во время сна это будет переработка⁰⁰_{1F}но так, как это нужно нам не только в этой жизни до смерти, но и за смертью.

И так мы перерабатываем всю свою жизнь, какой она протекает в бодрственном состоянии от пробуждения до засыпания. Все, что мы переживаем днем, потом мы перера⁰⁰_{1F}батываем ночью. Так что мы выносим из этого, так сказать, поучение, необходимое нам на всю будущую жизнь за смертью и вплоть до новой инкарнации. После погружения в сон мы являемся собственными пророческими «переработчиками» своей жизни. Эта жизнь во сне необычайно загадочна, потому что внутренне она гораздо теснее связана с тем, что мы переживаем, чем это может быть связано с дневным сознани⁰⁰_{1F}ем. Но мы прорабатываем все это с точки зрения плодот⁰⁰_{1F}ворности для последующей жизни. Что же можем мы сделать для себя, когда только что узнали о той огромной работе, которая происходит между засыпанием и пробуждением. Если в своей душе мы становимся энергичнее и сильнее или должны в чем-то упрекать себя, быть недовольными собой, тогда мы работаем так, что переживаемое нами таким образом становится плодом нашей жизни. Из всего этого видно, мои дорогие друзья, что эта жизнь между засыпанием и пробуж⁰⁰_{1F}дением необычно важна, что она глубоко вклинивается во всю загадку человека.

Однажды к духовному исследователю приходит намере⁰⁰_{1F}ние, пожалуй, можно даже сказать, что однажды у него возникает замысел, сравнить эту жизнь во сне с другой, вне-чувственной жизнью. И тогда само собой напрашивается идея сравнить ее с теми днями, которые следуют за панора⁰⁰_{1F}мой жизни и происходят в камалокке. И смотрите, мои дорогие друзья, только исследователю выявляется следующее: в то время, как в жизни «здесь» в памяти остаются воспомина⁰⁰_{1F}ния только о том, что произошло в дневной жизни, так после смерти, после того, как прошло время, отведенное созерцанию панорамы жизни, получают память обо всех своих ночах. И таким образом открывается одна очень важная тайна. Вспоми⁰⁰_{1F}нается вся «ночная» жизнь. Этот обратный ход памяти протекает так, что начиная с последней ночи, проведенной «здесь», действительно вспоминают ночь за ночью, переживая все в обратном порядке. Жизнь переживается в ее обратном ходе назад, но как бы увиденная с ночной стороны. Так что все, что думали и вспоминали в своей прошедшей жизни бессо⁰⁰_{1F}знательно, теперь переживают в памяти снова, но в обратном порядке. И таким образом снова проходят сквозь всю свою жизнь, но не с ее дневной стороны.

Как долго это может длиться? Представьте, что примерно треть своей жизни мы проводим во сне. Есть люди, которые спят гораздо больше, но в среднем они все же спят одну треть своей жизни. Поэтому и воспоминание обратного хода как воспоминание своих

ночей продолжается около трети прожитой на Земле жизни. Подумайте, как чудесно все это согласуется с другими точками зрения! Мы всегда говорили, что время камалоки продолжается треть прожитой жизни. Но если принять во внимание только что высказанное, то оказывается, что опять-таки речь идет о трети жизни. Так все согласуется. То есть все частности, отдельные вещи опять согласуются друг с другом. И как удивительно это при духовном исследовании: сначала узнают какой-то один факт и, когда он определен, потом узнают его и с другой стороны. Дело обстоит так, как если бы кто-то поднялся на гору и увидел оттуда нечто с одной стороны, а затем увидел бы то же самое, но уже с другой стороны. Несмотря на различия в увиденном им таким образом, существенное всегда совпадает и согласуется между собой. Так что можно сказать: здесь, в земной жизни между рождением и смертью свою жизнь переживают как бы в отрывках, она постоянно прерывается ночной жизнью, между тем в основном вспоминают дневную жизнь и те вещи, которые были пережиты во время дневной жизни. Но в ночной жизни теми же вещами занимаются иным способом, их, как говорится, только перерабатывают. О том же, что не могут вспомнить во время физической жизни, вспоминают в жизни, протекающей в камалоке. Это важное взаимоотношение, из которого можно постичь то, что постигается не сразу.

Видите ли, в наше время через врата смерти проходит сравнительно много молодых людей. Я уже с разных точек зрения указывал на то, какое это имеет значение для общей жизни человека. Рассмотрим теперь оба отрезка, которые мы только что охарактеризовали: (к другому мы еще подойдем в эти дни): речь идет о жизни в эфирном теле, которая длится только несколько дней, когда имеют перед собой жизненную панораму, а затем речь пойдет о жизни души в душевном мире. Когда проходит прожитая ночами земная жизнь, то легко можно увидеть, почему об этом должен высказаться исследователь духа: уже на этих двух отрезках жизни, проходящей между смертью и новым рождением, для человека, который преждевременно и слишком рано прошел через врата смерти, многое отличается от того, что переживает другой человек, который сделал это значительно позднее. Это близко касается нас, поскольку сейчас так много людей проходят через врата смерти в относительно молодом возрасте.

Дело в том, что отдельные отрезки жизни, указанные мною для физической жизни, действительно, имеют большое значение для этой жизни. Я указал следующие жизненные отрезки: первый — до семи лет, до смены зубов; следующий — до 14 лет, до половой зрелости; потом — до 21 года и так далее. Итого: семь раз по семь лет. И если вы серьезно примите то, что заложено в различиях этих

отрезков, то 35-й год — важный этап жизни. До этого времени мы, так сказать, как бы готовились, тогда как позднее свою подготовку мы уже закончили и строим свою дальнейшую жизнь на основе того, что было подготовлено нами до 35 лет. Этот 35-й год имеет очень большое значение. До этого времени длится не столько телесная жизнь, сколько душевное созревание и душевный рост человека, по-настоящему начинающийся лишь теперь.

Следует подчеркнуть, что многое из того, что является зрелостью жизни, достигается лишь после 35 лет. Но если рассмотреть этот 35-й год еще и с другой стороны, то мы увидим его значение и он покажется нам еще важнее.

Когда мы проводим перед своей душой эти семилетние эпохи жизни, то замечаем, что до семи лет происходит развитие физического тела, до 14 лет — эфирного. С 14 лет до 21 года образуется и формируется то, что мы называем астральным телом, затем формируется душа ощущающая — до 28 лет, душа рассудочная — до 35 лет, затем душа сознательная — до 42 лет. Затем мы приходим к Самодуху, что является как бы обратным развитием астрального тела и так далее. Дальнейшие эпохи жизни идут уже не по семилетиям, они протекают, так сказать, нерегулярно. Потому что равномерность сможет быть достигнута только в отдаленном будущем. Не принимая во внимание погрешности воспитания, речь идет о том, что до 35-го года у человека сохраняется известная закономерность.

Теперь может броситься в глаза глубочайшее значение всего жизненного развития именно тогда, когда приступают к рассмотрению жизни людей, которые умирают в разном возрасте. Представьте себе (пусть это будет пока только примером), что мы рассматриваем душу мальчика или девочки, умерших одиннадцати-, двенадцати- или тринадцатилетними, то есть перешедших порог смерти в 11, 12 или 13 лет. Согласно тому, что я приводил ранее, в таком случае представит следующее: эфирное тело, которое теоретически могло бы обслуживать человека еще долгие годы, содержит в себе неиспользованные силы. Но в остальном выявляется, что, по сути, человек во время всей своей жизни между рождением и смертью готовит себя к смерти. Потому что вся наша жизнь состоит в том, чтобы быть подготовкой к смерти, так как все время мы работаем над разрушением внешнего физического тела. Если бы мы не могли его разрушать, то никогда не могли бы привести его к совершенству, ибо это совершенство мы искупаем, так сказать, ценой разрушения внешнего физического тела. Если же человек переходит через врата смерти, допустим, тринадцатилетним, то он уже не осуществляет больше той разрушающей работы, которую еще долго мог бы производить. Он не испытывает того, что еще долго мог бы переживать. Это

выражается замечательным образом.

Если мы проследим такую душу, то в определенное время между смертью и новым рождением эта душа очень скоро будет находиться в духовном мире в некотором, я бы сказал, весьма замечательном обществе. Мы находим ее в окружении тех душ, которые готовятся в скором времени низойти на Землю для следующей жизни, среди душ, которые уже готовятся к новому воплощению. Среди них живут души, которые перешли через врата смерти на одиннадцатом, двенадцатом, тринадцатом, четырнадцатом году земной жизни. Они будут размещаться именно тут. И если отнестись к этому внимательнее, то странным образом выявляется, что души, которые должны скоро вновь вернуться в земную жизнь, нуждаются в том, что смогли принести им с собой с Земли эти молодые души, чтобы укрепить в них силы, которые нужны им для нового воплощения. Таким образом, молодые души оказывают большую помощь тем душам, которым скоро предстоит сойти на Землю. Такую помощь оказывают юные дети, которые в нормальных условиях были совершенно обычны, то есть не имели какой-то особенно исключительной духовной жизни, а были всего лишьмышленными детьми.

И такой помощи уже не могут оказать, если умирают, например, в более позднем возрасте. Тогда стоят совсем другие задачи. Каждый должен подчиниться своей карме и не должен думать: я хотел бы умереть в том или ином возрасте. Умирают тогда, когда это допускает карма. Той помощи, которую оказывают юные души душам, ожидающим воплощения, не может дать тот, кто умирает в более позднем возрасте. И это связано с тем, что в первой половине жизни люди находятся к духовному миру гораздо ближе, чем во второй. Конечно, если рассматривать это в другом отношении, то это будет совсем не так. Но в известной мере в первой половине жизни к духовному миру стоят ближе. Потому что вся жизнь проходит именно так, что, чем дольше мы живем в физическом теле, тем больше удаляемся от духовного мира. Дитя в возрасте одного года находится к духовному миру еще очень близко. Когда оно покидает физический план, то очень скоро оказывается внутри духовного мира. До 14 лет это тоже так. Тогда пребывание в физическом теле таково, что еще легко можно попасть прямо в мир душ, ищущих своего воплощения. При смерти в юном возрасте панораму жизни переживают иначе, чем при смерти в более позднем возрасте. И здесь 35 лет — важная граница.

Если умирают до 35 лет, то сначала переживают панораму своей жизни и затем возвращаются к жизни, связанной с ночным временем, и последовательно проходят сквозь ночи назад. Но во время этого обратного обзора прошедшей жизни духовный мир виден «как бы за зеркалом», как будто сквозь панораму жизни

прозревают духовный мир, который покинули, когда родились. Перспектива еще восходит к духовному миру. Если же рубеж 35 лет был уже преодолен, то все идет иначе. Уже не видят того духовного мира, внутри которого пребывали сами до рождения. Я сообщаю вам кое-что о том, что играет сейчас особую роль, поскольку в настоящий момент так много людей умирают молодыми. Ибо это «прозрение за покров», когда «позади еще просматривается духовный мир», это видение духовного мира имеет еще одно особое значение для людей, умерших до 35 лет. Во всяком случае, после смерти в 14—16 лет уже нет такого прямого видения, но все же, если умирают в возрасте от 14—16 лет и до 35 лет, то во время панорамы жизни и за обратным обзором повсюду еще как бы отражается духовная жизнь. Итак, если умирают совершенным ребенком, то собственно свою прожитую жизнь будут наблюдать совсем недолго; тут почти сразу откроется духовный мир.

Если умирают в 13 лет, то уже есть обратный обзор, но за ним лежит духовный мир. Он еще ясен, этот духовный мир. Если умирают позднее, то хотя и не видят духовного непосредственно, но оно содержится во всем, что видят как свою жизнь. Тот, кто умирает до 35 лет, в эти первые отрезки своей новой жизни, когда он видит панораму жизни и затем осуществляет обратный обзор сквозь душевный мир, при этом он чувствует как бы возвращение на родину, которую покинул при рождении и куда теперь возвращается. Он имеет непосредственное переживание: ты идешь в мир, из которого когда-то вышел. Это необычайно значительно. Тот, кто умирает так, будет перенесен в духовный мир гораздо более непосредственно и легче, чем тот, кто умирает позднее. При обратном обзоре, который будет у него после смерти, он вносит в свою будущую жизнь между рождением и смертью необычайно много духовных, спиритуальных сил. И с этой точки зрения умирающие теперь в таких огромных количествах преждевременно и слишком рано будут являться носителями глубоких духовных истин и духовного познания, когда в следующем воплощении они вернутся на Землю.

Из этого видно, что огромная скорбь, которая разливается теперь над миром, все-таки необходима для общего течения бытия. Потому что кровь, которая теперь проливается, будет символом определенного освобождения духовной жизни в некотором будущем, которое необходимо для общего развития человечества. Потому что те души, которые рано умерли теперь, потом вернутся иными. Когда они вернутся на Землю в своем следующем воплощении, то будут выступать носителями глубоких духовных истин и духовного познания. Очень многие придут на Землю совсем иначе, чем если бы они жили в материальном бытии до положенного им срока жизни и умерли в отведенное время. Сейчас мудрость мира отозвала в духовный мир так много душ, для того

чтобы уже в обратном⁰⁰_{1F} обзоре и при обратном переживании эти души могли созерцать глубокие духовные тайны способом, родственным земному. Мудрость мира состоит в том, чтобы эти души смогли потом увидеть события сильнее, когда они увидят это вновь. Они получают новые силы и укрепятся благодаря той более короткой жизни, которую прошли.

Такова истинная мудрость мира. Итак, надо сказать, что многое из того, что сейчас по праву заставляет нас скорбеть, когда мы рассматриваем это только с точки зрения земного бытия, может выявить свой примирительный образ с точки зрения духовного видения. И это касается, вообще, всего в нашей жизни. Да, мои дорогие друзья, наша земная скорбь не может уменьшиться, она должна быть пережита. Ее значение⁰⁰_{1F} состоит в том, что она может и должна быть заглажена. Если бы мы не переживали ее в физическом мире, то она не могла бы быть заглажена. И хотя в физическом мире мы должны от многого страдать, однако бывают мгновения, когда мы можем перенестись на точку зрения духовного. Тогда многое, что с низшей точки зрения должно казаться полным скорби, является нам как дань, которую необходимо⁰⁰_{1F} принести высшим духовным мирам с их великой мудростью⁰⁰_{1F}, для того чтобы человеческое бытие могло двигаться⁰⁰_{1F} вперед всеобъемлющим способом, а не только исходя из одной точки зрения.

Примирение для многих наших скорбей еще должно быть завоевано. Для этого и нужно пройти через скорбь. Избавить нас от страдания духовная наука не может. Но она может научить нас принести его на алтарь бытия, искать выравнивания⁰⁰_{1F} и познать мудрость мира, несмотря на всякую боль, которая должна причиняться нам ради высших целей. Вот это-то и есть самое важное, что может дать духовная наука для необходимого «рывка» вперед для бытия человечества. Таким образом, с этой точки зрения можно сказать, из тех ощущений, которые может дать нам духовная наука, взирая на скорбные события нашего времени, можем мы высказать то, что часто произносим в это время:

Из мужества бойцов,

Из крови сражений,

Из страданий покинутых,

Из жертвенных деяний народа

Вырастет духовный плод —

Если души в духовном сознании

Направят свои помыслы

В царство духов.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 18 ноября 1915 года

ПЕРЕЖИВАНИЕ ДЕЙСТВИЯ ПОСЛЕДНЕГО ЗЕМНОГО БЫТИЯ И ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В СИЛЫ ДЛЯ СЛЕДУЮЩЕЙ ИНКАРНАЦИИ

Вначале мне предстоит исполнить тяжелый, печальный долг: сейчас мне предстоит сообщить вам новость, что, обращаясь сегодня к людям сфер, нам следует причислить туда и нашу дорогую подругу, руководителя Мюнхенской ложи фрейляйн Штинде. Вчера вечером она покинула физический план. В первые мгновения этого события невозможно высказать, какая это чрезвычайно тяжелая и значительная утрата для нашего Общества. В начале сегодняшнего рассмотрения мне хотелось бы в нескольких словах коснуться этого причиняющего боль события.

Фрейляйн Штинде, разумеется, широко известна большому кругу наших друзей. Она принадлежит к тем людям, кто сопричастен нашему общему делу до самой глубины своей души, отдавая ему всем сердцем и полностью идентифицируясь с ним. В 1903 году в ее доме и доме ее подруги графини *Калъкрейт* (Kalckreuth) во время своих лекций, прочитанных тогда в Мюнхене, я впервые смог изложить некоторые глубокие и проникновенные мысли. И можно сказать, что с самого начала, когда фр. Штинде познакомилась с нашим делом, она служила ему не только всей своей личностью, а безоговорочно отдавалась ему всей полнотой души. Она оставила свое предыдущее художественное призвание ради полного и безраздельного служения нашему общему делу, отдавая ему все свои силы. И с того времени на редкость объективно и неличностно осуществляла она наше дело как в узком, так и широком кругу. Она являлась душой всего нашего мюнхенского круга. И она была такой душой, о которой можно сказать, что благодаря внутренним качествам своего существа она служила наилучшим гарантом того, чтобы в этом месте самым наилучшим образом могло развиваться наше дело. Вы знаете, мои дорогие друзья, что в связи с представлениями драм-мистерий и всем, что было связано с этим для Мюнхена в течение целого ряда лет, на работавших там личностях лежал груз огромной ответственности. Этот груз работы был принят фр. Штинде и ее подругой самым интенсивным, можно сказать чутким, образом, тем способом, который родился в недрах нашего дела из воли, которая могла возникнуть из внутреннего существа нашего дела. И еще позвольте указать на то, что интенсивная работа, которой занималась фр. Штинде, действительно очень сильно разрушала ее жизненную силу в последние годы. Так что действительно следует

констатировать: в последние годы эта драгоценная и, может быть, слишком быстро разрушаемая жизненная сила была самым прекраснейшим, глубоко удовлетворительным образом посвящена нашему делу. И, пожалуй, среди тех, кто знал фр. Штинде ближе, никто не мог избавиться от впечатления, что именно она принадлежит к нашим наилучшим сотрудникам. Определенно, мои дорогие друзья, в деятельности фр. Штинде в той или иной области было что-то недопонято, и остается надеяться, что те наши друзья и приверженцы нашего дела, которые судят о ее действиях из предубеждения, позже смогут полностью узнать солнечную силу, исходившую от этой личности. И друзья из самого широкого круга, которые могли наблюдать то, что фр. Штинде делала для нашего дела, вместе с теми, кто входил в круг ее ближайших сподвижников, будут сохранять самую преданную память о ней. Именно о ней совершенно по-особому может зазвучать слово, которое в эти дни должно чаще выговариваться в связи с уходом с физического плана некоторых наших друзей: при взгляде на деятельность фр. Штинде, при всех наговорах и враждебности, которые встречает наше дело в мире, следует подчеркнуть, что, честно и верно знакомясь с духовными мирами, мы причисляем к нашим самым сознательным, значительнейшим сотрудникам тех, кто лишь изменил форму своего бытия, но в качестве душ они объединяются с нами, несмотря на то что перешли сквозь врата смерти. Тот покров, который еще многократно окружает воплощенных в физических телах, постепенно спадает, и души этих наших верных умерших действуют — в этом мы уверены — среди нас. И мы нуждаемся, мои дорогие друзья, именно в этой помощи. Нам нужна эта помощь, которая более не тревожит физического плана, такая помощь, которая более лишена недостатков в отношении преград физического плана. И если у нас есть глубокая, серьезная вера в дальнейшее развитие нашего дела в мировой культуре, то это связано с тем, чтобы мы полностью осознавали: те, кто некогда принадлежал к нашему кругу, также и тогда, когда они действуют среди нас с помощью духовных средств из духовного мира, являются нашими лучшими силами. Доверие, в котором мы нуждаемся в наших душах, будет укрепляться благодаря тому, что мы знаем: мы благодарны нашим умершим друзьям, тому, что они находятся среди нас и мы можем соединить с их силами предстоящую работу по достижению духовной мировой культуры.

В этом смысле мне хотелось коснуться сегодня этого исполненного боли события и добавить, что кремация состоится в ближайший понедельник в час дня в Ульме.

Теперь я хочу продолжить рассмотрения, которые мы начали позавчера. Не правда ли, такие времена, как наши, когда загадка смерти так близко подступает к человеческой душе, — мы это уже

отмечали — они побуждают нас спросить: какую ясность может получить человек о духовных мирах. Времена, в которые человечество подвергается таким ужасным испытаниям, как нынешние, как раз и созданы, для того чтобы души людей задавались вопросами о существах духовного мира. Ибо, мои дорогие друзья, кто не хотел бы при взгляде на то, что происходит внутри большей части культурного мира, поставить вопроса о великой загадке жизни? И кому не пришло бы на ум, что за теми событиями, которые находятся теперь в нашем широком окружении, скрыто нечто огромное и как все это пронизывает души людей и их сердца страданием и скорбью, но также глубокой убежденностью и надеждой.

Конечно, тот, кто рассматривает мировые события близко, будет судить о них с точки зрения их недавнего прошлого и подразумевая при этом то, к чему они в ближайшее время приведут. Но если кто-нибудь, совсем не входя во что-либо эзотерическое, рассмотрит ход мировых событий даже только внешним образом и сравнит прошедшие времена с настоящими, то и тогда он может осознать, как бесконечно много может быть связано с тем, что совершенно иначе, чем ближайшее воздействие, разыгрывается в мире. Видите ли, многие сейчас говорят: современные военные события есть просто результат внешних политических противоречий, противоречий отдельных наций, отдельных народов. Конечно, это верно. И дело не в том, чтобы спорить против правдивости в узком смысле такого взгляда, но, мои дорогие друзья, если вы возьмете, например, средневековые войны, которые разыгрывались в начале Средневековья между средне-европейскими народами и народами, жившими на юге Европы, главным образом принадлежащими к Римской империи, то можете сказать: «Битвы, которые тогда велись, тоже происходили из имевшихся политических противоречий». Теперь эти битвы прошли. Они вызвали известную конфигурацию всей европейской жизни. Если вы обратитесь к истории и посмотрите, что произошло тогда благодаря войнам средневековых народов с Римской империей, то сможете себе сказать: «Ну, Да. Из старой конфигурации европейского мира возникла новая». Но если захотите полностью оценить то, о чем идет речь, надо принять во внимание всю последующую историю. Потому что она развилась бы совершенно иначе, если бы эти войны окончились не так, как это произошло. История Европы не смогла бы развернуться так, как она осуществилась, если бы в свое время борьба народов не приняла такого оборота, какой она приняла.

Что же принадлежит к этой европейской истории? Весь тот род и способ, каким в Европе распространилось христианство, связан с этим! И если вы рассмотрите все эти глубокие взаимоотношения, то сможете сделать вывод, что все, что произошло в последующие

столетия, все случившееся в течение столетий, обусловлено тогдашними войнами. Именно войны послужили тому причиной. Это значит, что с теми событиями, на которые мы указали, связана вся дальнейшая конфигурация европейского мира вплоть до духовных отношений. И, рассмотрев все это в его ведущем значении, вы скажете: да, от того, как распространялось христианство в Европе, какой образ получило оно благодаря тому, что молодые германские народы объединили свои молодые силы против состарившихся римских народов с тем, что как спелый плод, как христианская проповедь влилось в человечество, всем этим была создана известная европейская атмосфера, в которую были поставлены последующие души.

И то, как души жили в следующих столетиях, и то, какими они стали в последующих веках, связано с этими событиями. Если бы человек мог сказать себе тогда: «Что же дальше? Перед нами политические противоречия народов Южной и Средней Европы». И он был бы совершенно прав. Но тот, кто сказал бы: «Смотрите-ка, вся конфигурация духовной культуры всех следующих столетий исходит из того, что произошло тогда». И он тоже был бы прав. И был бы прав в более широком смысле. Для понимания всей значимости событий недостаточно объяснять их только ближайшими причинами, недостаточно и обращать внимание на ближайшие противоречия. Вещи этого мира связаны между собой внутренне. И если нам нужна внутренняя поддержка, чтобы найти, так сказать, истинные силы для представления нашего дела, тогда нам надо только вспомнить, что поистине в еще более меньшем кругу, чем наш, сидели те, кто вначале проповедовал христианство, защищая великую мировую истину христианства. Я уже не раз употреблял это сравнение. Но здесь мы воспользуемся им еще раз.

Было время, которое можно описать так: мы видим древнее римское царство. Мы видим его живущим в атмосфере древнего языческого мировоззрения. Мы видим это царство с его людьми, которые до некоторой степени образуют его высший свет. А там, внизу, поистине намного ниже, чем наше сегодняшнее «внизу», и, действительно, даже в обычном смысле этого слова «внизу», в катакомбах под землей мы видим малочисленных христиан, объединенных чем-то, что совершенно чуждо мировой культуре, процветающей там, наверно, но в их сердцах находятся силы, способные перевернуть весь мир. И давайте, мои дорогие друзья, вообразим себе эти катакомбы с людьми, мысли которых направлены на импульс Христа, тех первых христиан... А наверху, над их головами, представим римлян — вы же знаете, как они обошлись с первыми христианами, мне не нужно вам об этом рассказывать. Но, если представить себе картину мира пару столетий спустя, как все выглядит уже иначе! Сметено то, что было

наверху, снизу поднялось то, что было скрыто и презренно. Конечно, времена и формы, когда такое совершается, изменяются, а сущность остается. О тех, кто теперь представляет внешнюю научную культуру, внешнюю духовную культуру, хотя это не надо понимать буквально, также можно сказать: они чувствуют себя находящимися «наверху», а то, что происходит в наших рядах, называют мировоззрением кучки сектантов, кучки чудаков. Но тот, кто по-настоящему проникает в существо нашего мировоззрения и проникается им, может быть уверен, что и в данном случае однажды «низ» станет «верхом». И тогда мысли о преобразовании мира, которые выходят из тяжелых времен наших дней, смогут примкнуть к тому, что должно охватить человечество в духовном. Поэт⁰⁰_{1F}у в историческом развитии едва ли можно найти большее сходство, чем сходство между происходящим в наше время и тем, что происходило в то время, когда древняя римская культура была еще наверху, а христианство, представленное несколькими верными душами, внизу.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что мне не хотелось бы наши ощущения, которым в наши дни надлежит оставаться достаточно широкими, сужать слишком точным, педантичным указанием на эти вещи, и все же будет хорошо, если бы мы держали перед своей душой в качестве образца для нашей имажинации: нашу эпоху и Рим первых лет христианства.

Видите, мои дорогие друзья, многие люди, выступающие против того, что мы называем духовной наукой, несомненно должны ощущать, что духовная наука представляет собой нечто совершенно другое, чем то, что утверждается сейчас людьми, которые считаются теперь «нормальными». Но и здесь мы должны — если стремимся к правильному пониманию — обратить свое внимание на то, каким совершенно иным было первое провозвестие христианства по отношению к тому, что было в ходу у римлян и воспринималось ими как абсолютно нормальное. Нам надлежит освоиться с этой мыслью, когда мы снова и снова встречаемся с возражениями относительно того, что официально признанными средствами познания нельзя достигнуть духовного мира, о котором говорит наше учение. Но мы должны рассматривать нашу внутреннюю работу в наших ветвях так, чтобы быть уверенными в том, что эта работа далеко не бесполезна. Для всего нашего дела совсем небезразлично, что мы встречаемся в своих ветвях снова и снова, возобновляя не только теоретическое знакомство с данными нашего учения (не в этом дело), но у нас возникают теплые чувства и ощущения для конкретных вещей и существ духовного мира. Этим мы приучаемся к тому роду чувств и душевных ощущений, которые дают нам возможность воспринимать духовные истины легче, чем это возможно для тех, кто к этому не подготовлен. На этих встречах ветвей уже могут быть высказаны

кое-какие истины из высших, чисто духовных знаний, имеющих опору в уже освоенном и высказанном ранее; нельзя же все время начинать с самого начала. Это ознакомление с жизнью наших отдельных ветвей должно позволить большей части душ наших друзей воспринять в себя своего рода подтверждение наших духовных исследований относительно тех вещей, о которых я говорил позавчера.

Не правда ли, эти вещи не могут быть подтверждены так, как подтверждаются вещи внешнего мира, когда человек натывается на них взглядом. Но тот, кто ощущает такие вещи, как я указал на это в последний раз, хотя сам и не имеет ясновидения в духовном мире, все же может почувствовать, как повышается цена правдивости духовных истин, когда они подтверждают друг друга. Поэтому я хочу еще раз обратить ваше внимание на то, насколько это важно, если, с одной стороны, после многолетнего наблюдения установлена известная точка зрения, что треть нашей жизни, прошедшей между рождением и смертью, снова переживается после смерти. И теперь обнаруживается совершенно другая точка зрения. Нашу «сонную» жизнь мы переживаем в особой форме в то время, которое называется камалокой. И это время тоже составляет одну треть жизни, проведенной на физическом плане. Эти две точки зрения были найдены с различных исходных позиций совершенно независимо друг от друга. И мы указывали также, что и при других обстоятельствах часто приходят к одному и тому же результату, рассматривая дело иногда с трех или даже с четырех точек зрения. Так истина подтверждается различным образом и с различных сторон. Для этого, мои дорогие друзья, нужно приобрести одно чувство! Для духовного познания необходимо выработать как бы естественное элементарное чувство истины. Мне часто приходится апеллировать к нему, иначе на встречах ветвей нашего движения я не мог бы высказывать некоторые высшие истины. Третьего дня мы говорили о том, что настоящая цельность нашего «я»-сознания между смертью и нашим новым рождением создается подобным панораме обзором, который есть у нас после смерти, прошедшей жизни. Тогда мы обзираем нашу жизнь как бы в виде жизненного табло. Постарайтесь уяснить себе, что же тогда видят. Как люди мы привыкли здесь, на физическом плане, до известной степени находиться в центре горизонта нашего обзора мира, а вокруг себя видеть мир, который производит на нас, на наши чувства различные впечатления. Мы обзираем горизонт, который может произвести на нас впечатление. В этой обычной жизни на физическом плане мы смотрим не внутрь себя, но смотрим из себя наружу. Теперь важно, чтобы сейчас (если мы хотим усвоить понятие о жизни, возникающей и происходящей непосредственно после смерти) мы обратили внимание на то, что этот взгляд на жизненную панораму сразу уже совсем иной, чем тот, к которому мы привыкли при своих восприятиях на физическом плане. На физическом плане мы смотрим из себя и

видим мир вокруг себя как наше окружение. Мы смотрим из себя, мы не смотрим внутрь себя. Пару дней после смерти поле нашего зрения заполнено тем, что между рождением и смертью мы пережили на Земле. И тогда мы смотрим из своего окружения в центр. Мы смотрим на нашу собственную жизнь, на ее временной ход. В то время, как обычно, мы говорим: здесь находимся мы, а там — все остальное. После смерти мы осознаем, что этой разницы между нами и миром нет; и мы смотрим тогда из своего окружения на собственную жизнь. И на пару дней наш мир таков. Как на физическом плане видят горы, дома, деревья и так далее, так видят теперь то, что с известной личной точки зрения переживали в жизни как свой непосредственный мир. И это видение дает исходную точку для укрепления «я» в течение всей жизни между смертью и новым рождением. Это укрепляет, утверждает душу так, что в течение всего времени между смертью и новым рождением она знает: «я» есть «я».

Здесь, в физической жизни, — и я часто указывал на это — мы чувствуем свое «я» благодаря тому, что у нас есть известное отношение к своей телесности. Если же вы обратите внимание на сновидение, то признаетесь, что во сне не имеется точного чувства своего «я», а часто вы ощущаете себя там как бы разделенными. Это происходит оттого, что здесь, на физическом плане, человек чувствует свое «я» через соприкосновение со своим телом. Грубо говоря, это можно представить так: вы проводите пальцем по воздуху... а там — ничего нет! Вы движетесь дальше, и там — тоже ничего нет. Только, когда вы натываетесь на что-нибудь, тогда вы ощущаете себя. Вы обнаруживаете себя, когда касаетесь чего-либо. И таким образом мы обнаруживаем наше «я». Не само «я» как таковое — «я» есть сущность, — но обнаруживаем свое «я»-сознание, сознание о «я». Противодействие заставляет нас заметить свою самость. Итак, мы становимся «я»-сознательными в физической жизни благодаря тому, что живем в физическом теле. Для этого мы и получили свое физическое тело. В жизни между смертью и новым рождением мы имеем «я»-сознание, получая силы, исходящие от созерцания своей последней жизни. В известной степени мы натываемся на то, что дал нам пространственный мир, и благодаря этому достигаем нашего «я»-сознания для жизни между рождением и смертью. Таким образом, мы натываемся на то, что сами пережили между рождением и смертью в последней жизни, и благодаря этому у нас есть «я»-сознание для жизни между смертью и новым рождением.

Затем начинается совершенно другая жизнь, которая занимает треть времени от жизни, происходившей между рождением и смертью, и это состояние часто называют камалокой. Тогда, надо сказать, наступает расширение нашего созерцания. В то время как в первые дни наше созерцание было направлено лишь на нас

самих, на прошедшую жизнь, а не на личность, в последующее время это происходит совсем иначе. Конечно, сила осознания себя как «я» остается. Но наступает нечто совершенно своеобразное — я сейчас обобщаю то, что вы сами можете найти в моих книгах и циклах моих лекций, — а именно наступает то, к чему человек еще должен привыкнуть, так как там все мировоззрение совершенно другое, чем здесь, на физическом плане. Большая часть усилий человека после смерти должна быть направлена на то, чтобы приучаться к новому способу восприятия. Здесь мы видим вокруг себя природу⁰⁰_{1F}. Того, что мы видим вокруг себя как природу физического мира, совершенно нет в том мире, который является нашим миром между смертью и новым рождением. Чтобы видеть физическую природу, мы имеем физические глаза, уши, весь аппарат физического восприятия. И другими органами восприя⁰⁰_{1F}тия эта природа с ее богатством красок и особых свойств восприя⁰⁰_{1F}ята быть не может. Чтобы все это воспринимать, мы обладаем и снабжены нашим физическим телом. После смерти вместо того, что окружает нас здесь как природа, вокруг нас присутству⁰⁰_{1F}ет духовный мир, который мы описывали как мир Иерархий, мир чистых существ, мир душ. Там это самое важное. Поэтому вполне понятно возникающее изумление душ, особенно душ, которые здесь, в физической жизни на Земле, совершенно отрицали дух. Потому что те души, которые на Земле отрица⁰⁰_{1F}ли дух и не верили ни во что духовное, оказываются теперь перенесенными в тот мир, который отвергался ими и который будет для них совершенно неизвестным. Теперь им приходится⁰⁰_{1F} насильственно жить в мире, о котором они ничего не хотели бы знать, хотели бы, чтобы его не было.

Итак, в духовном окружении вокруг нас только существа, сплошь только души. И вот из этого общего духовного мира — нас ведь сперва окружают души, которых мы не узнаем, хотя и знаем: вокруг нас сейчас находятся только души, но мы еще не распознаем их в отдельности — постепенно все более определенно, все более конкретно выявляется, образовывает⁰⁰_{1F}ся какая-то одна душа, и таким образом перед нами выступа⁰⁰_{1F}ет та душа (или, может быть, несколько душ), с которой мы были связаны на Земле, на физическом плане. Постепенно мы научаемся узнавать их среди массы душ, окружающих нас, и распознавать: вот это — душа *того*, а вот — другая душа кого-то другого... Мы знакомимся с этими душами. Но прежде всего мы должны познакомиться с тем, что все отношение к миру здесь, между смертью и новым рождением, в существенном абсолютно иное, чем те условия, в которых мы находились на физическом плане, на Земле, еще и в другом отношении. Здесь, на Земле, мы знаем мир *вне себя*. После смерти у нас возникает сознание, что мир находится внутри нас, он — *в нас*. Это выглядит парадоксально, но это так. Представьте себе, что здесь, на Земле, вы на одно мгновение совершенно растворились как пар. И это облако-пар все растет и растет (допустим на минуту,

что небосвод — некое существо) — так вот облако пара, которым вы теперь являетесь, остановилось там, «где мир заколочен как бы досками». Теперь вы чувствуете себя этим небесным сводом и видите все внутри себя. Таким образом, вы со своим сознанием находитесь снаружи, а мир видите во внутреннем. Мы чувствуем себя так, что все, что выступает перед нами, выступает внутренне. Как здесь боль рождается внутри нас, так в духовном мире существа выступают внутри нас в качестве наших внутренних переживаний. Это создает бесконечную интимность переживаний между смертью и новым рождением, и такая связь с ними носит характер внутреннего переживания. Но мы замечаем и некоторую разницу. Видите ли, я сказал, что есть душа, которую начинают узнавать, о которой знают, что она определенно находится здесь, но она еще не имеет никакого образа, потому что еще не воспринимается нами, но она присутствует здесь. И чтобы ее воспринять, надо сделать внутреннее усилие, надо проявить определенную деятельность. Это можно перевести на духовный язык следующим образом. Как если бы я чувствовал кого-то находящимся за собой, но должен был что-то сделать, чтобы получить о нем представление. Можно сказать, что это сравнимо с тем, как после ощупывания предмета я делаю его рисунок. Чтобы возникла имагинация, нужна моя внутренняя деятельность. Я знаю, что некое существо находится здесь, но мне необходимо самому создать имагинацию, внутренне связавшись с этим существом. И это один способ, каким можно воспринимать души. При другом способе таких усилий употреблять не потребуется. Имагинация возникает сама и выступает перед нами так, словно мы здесь что-то увидели, но это перенесено, естественно, в духовное. Такова разница, происходящая при восприятии двух разных душ. Для того чтобы проявиться перед нами, одна душа потребует с нашей стороны большего усилия, а при восприятии другой имагинация выявляется сама, надо только быть внимательным. Надо признать, что это очень важное различие. Потому что, если вы узнаете душу, только употребив большое усилие со своей стороны, то это душа умершего. А та душа, которая как бы сама дается вам «в руки», это душа, которая еще находится на Земле и воплощена в физическом мире. Эта разница действительно существует. Человек (за тем исключением, о котором еще будет сказано) после смерти находится в связи как с такими душами, которые уже умерли, так и с теми, что еще живут на Земле. И разница заключается в том, что каждый раз знают, с какой душой имеют дело, то есть знают, надо ли проявлять деятельное усилие или можно вести себя более пассивно, чтобы возникла имагинация от души, перед которой находятся.

Но есть одно понятие, вернее, качество, о котором уже не раз упоминалось, но которое мы еще раз обобщим в отношении той жизни, которую мы называем жизнью в камалокке. Видите ли, если вы живете здесь, на Земле, и кто-либо вас толкает, то вы знаете и

воспринимаете происходящее однозначно: кто-то вас толкнул. И, естественно, есть разница: вы ли толкнули кого-то или вас толкнули; имеется также разница и в тех случаях, когда вам кто-то что-то сказал или вы сами кому-то что-то сказали. Но в камалоке, в которой переживают обратную жизнь, все происходит совершенно иначе. Там получается наоборот. Взяв примитивный пример, можно сказать так: если в своей жизни вы дали кому-то тумака, то теперь ощущаете именно то, что ощущал когда-то тот, кому вы дали тумака. Если кого-то вы обидели словом, то переживаете теперь то, что чувствовал обиженный вами. Теперь вы переживаете то, что было вызвано вашими действиями в душе другого. Другими словами, то, что другие люди во время жизни переживали от вас, при этом возвратном прохождении своей прошлой жизни теперь уже переживается вами. Если в своей жизни вы встречали сотни людей, то эти сотни что-то переживали от вас. Но на Земле в физической жизни вы не могли знать, что чувствовали эти люди при встречах с вами, вы сознавали только то, что сами получали от них. После смерти все происходит наоборот! И самым существенным при такой обратно проходящей перед нами жизни будет то, что мы переживаем все, что другие терпели от нас. Мы переживаем воздействия нашей последней жизни на других. И настоящая задача этих лет состоит в том, чтобы мы пережили эти воздействия.

И теперь, из-за того, что мы переживаем эти воздействия, само переживание этих воздействий становится в нас определенными силами. Это происходит таким путем. Представьте, что вы кого-нибудь обидели. У обиженного вами человека это вызвало горечь. Теперь, в камалоке, вы сами переживаете эту горечь как собственную. И, из-за того, что я переживаю теперь эту горечь, во мне что-то проявляется как сила, которая должна сказаться теперь как противоположная сила. То есть тем самым, что я переживаю сейчас эту горечь, я принимаю в себя силу, способную изгнать эту горечь из мира. В течение этой третьей части жизни, проведенной в камалоке, я принимаю в себя все силы, которые могут выражаться в душе, ныне бесплотной, как интенсивное стремление уничтожить все, что мешает совершенствованию, что отбрасывает душу в ее развитии назад.

Если вы задумаетесь над этим, то вам станет ясно, что люди сами создают свою карму, то есть у них возникает желание стать такими, чтобы суметь погасить все, что они считают достойным такого погашения. Как раз в это время готовится карма. Мы вносим в нашу душу силы, которые развиваем в нашей жизни между смертью и новым рождением, чтобы вызвать в будущей инкарнации такую конфигурацию своей жизни, которую мы рассматриваем из духовного мира как единственно правильную. Я даже хотел бы сказать, что такова техника образования кармы. Надо, чтобы

правильно поняли эти вещи, — не только теоретически, но поняли так, чтобы они вошли в силу наших чувств и воли, — ясно поняли, что направление чувств умершего совершенно⁰⁰_{1F}но другое, чем у живущих. Живой человек может легко⁰⁰_{1F}мысленно сказать: «Ах, мне жаль того или иного умершего, жаль, что ему приходится проходить через то или другое испытание⁰⁰_{1F}, против чего он уже ничего не может поделать!» А теперь представьте, что кто-нибудь нанес другому человеку при жизни тяжелое ранение, не ведая об этом. Конечно, можно пожалеть этого умершего, но делать этого как раз и не следу⁰⁰_{1F}ет, ибо умерший ничего так горячо не желает, как развить в себе силы, которые дали бы ему возможность загладить свой поступок. Как раз в этом он видит самое большое благо для себя. И своим пожеланием вы хотели бы, чтобы он не достиг того, чего он сам так страстно желает. Для этого он и должен пережить все это. Потому что положительное развивается на отрицательном. На видении того, что было сделано, развива⁰⁰_{1F}ются силы для заглаживания.

Так что, можно сказать: для человека после переживания своей последней жизни в конце камалоки будет уже установ⁰⁰_{1F}лено, как в последующем воплощении он вступит в жизнь, как он встретится там с тем или иным человеком, для того чтобы загладить то или другое. В основном уже намечается карма для той жизни, которая ему предстоит.

Для ближайшего отрезка времени это происходит так, что мы должны взять из духовного мира те силы, благодаря которым можем сформировать человека в целом, которые помогли бы нам создать тело, пригодное для нашей индивидуальности⁰⁰_{1F}. Поэтому прежде всего мы имеем как бы план нашей кармы. Затем согласно ему мы должны сформирова⁰⁰_{1F}ть (gestalten) человека. Впоследствии на это потребу⁰⁰_{1F}ется еще много времени. Из этого вы можете видеть, что самое существенное во время камалоки состоит в том, что нам предлагается возможность более правильно подготовить нашу следующую жизнь в моральном отношении. Мы должны уяснить себе, что наше следующее воплощение всегда зависит от предыдущего. Теперь мы видим, как подготавли⁰⁰_{1F}вается следующая инкарнация. И мы видим, что весь образ жизни человека зависит от того, как он провел свою послед⁰⁰_{1F}нюю жизнь. То, что это якобы противоречит свободе, — к этому я еще вернусь — большей частью просто увертки и отговорки людей, вовсе не понимающих сути дела. Свободе это ничуть не противоречит.

Если мы рассматриваем жизнь отдельных людей таким образом, то видим, как бесконечно разнообразны люди, видим, как много их на Земле и как все они отличны. Но можно различать категории. Видите ли, есть люди, которые поступают так, что с самого детства заметна их предрасположенность к тому или иному. Не правда ли,

такие люди есть. Уже в детстве можно сказать, что они совершат то или иное. Они равномерно входят в бытие, активны, имеют определенную задачу и развивают для этого свои силы. У других людей имеется интерес ко многому, и они не имеют определенного направления и склонности к чему-то одному. Они берутся в своей жизни за многое и, может быть, в результате приходят к определенной задаче, которая не вполне соответствует им; другую задачу они, пожалуй, могли бы исполнить намного лучше.

Короче говоря, смотря по тому, как люди действуют в жизни, по самому способу и образу своего действия они очень отличаются друг от друга. И это, собственно, делает возможной саму жизнь. Есть, например, такие люди, которые мало проявляют себя во внешней деятельности, но то или иное сказанное ими слово может сильно воздействовать на других. Эти люди больше действуют благодаря своему внутреннему. Другие люди больше действуют через свое внешнее проявление. Все это тесно связано с тем, как проходила их жизнь в предшествующей инкарнации. Есть люди, умирающие в ранней юности, скажем до 35 лет, давайте будем иметь эту границу. Люди с такой смертью находятся в настоящем воплощении совершенно в другом положении, чем умершие после 35 лет. Люди, умершие до 35 лет, находятся гораздо ближе к духовному миру, из которого они вышли при рождении. А 35-й год — важная граница. Здесь как бы переходят некий мост. Тогда мир, из которого вышли при рождении, отступает, и человек рождается из себя самого, изнутри нового духовного мира. Важно это различать. Теперь допустим, что умирает человек до 35 лет. Когда он воплощается потом, у него увеличивается та сила, которую он не использовал, которая служила бы ему после 35 лет. Те люди, которые в какой-либо инкарнации ушли через врата смерти до 35 лет и не израсходовали сил, предназначенных им, может быть, до 50 или 70 лет, накапливают эти силы для нового воплощения, в котором они вернуться на Землю. Такие люди благодаря особому устройству своих тел с самой своей юности могут получать от жизни очень сильные впечатления.

Иными словами: такие души, умершие в предыдущей инкарнации до тридцатипятилетнего возраста, воплощаются снова, получают самые сильные впечатления ото всего, что они встречают теперь. Они сильнее огорчаются, сильнее радуются, они более оживлены и быстрее приходят к волевым импульсам. Эти люди крепко стоят в жизни и имеют свою миссию. И ведь не напрасно люди умирают до 35 лет. Потом они бывают поставлены в жизнь совершенно особенным образом. Как раз тогда, когда умирают после 35 лет, — некоторые вещи скрещиваются между собой, но, конечно, смерть до 35 лет может принести и нечто другое, сейчас я привожу только пример, который не должен быть непременно, —

итак, это может привести к тому, что в следующей жизни такие люди уже не будут получать такие сильные впечатления от вещей окружающего мира. Не так быстро смогут они чем-то воодушевляться, не так скоро будут чем-то возмущаться. Они будут знакомиться с вещами медленнее, но глубже и через это будут вживаться в следующее воплощение в такую жизнь, в которой будут действовать более внутренне и не направляясь так определенно к какой-то очередной жизненной задаче. Они могут занимать такую жизненную позицию, что предпочли бы, пожалуй, исполнять другую задачу, но иногда им приходится проводить что-либо даже и против своей воли. Поскольку благодаря предшествующему воплощению они оказались способными действовать значительно тоньше, теперь они приобретают возможность более широкого охвата.

А если человек прошел врата смерти — я уже упоминал этот случай — в более ранние годы, в 11-13 лет, то у него будет очень короткий срок камалоки. Он еще очень близок к миру, который покинул при своем физическом рождении.

Тогда все оказывается по-иному. Видите ли, если иметь это в своей карме, тогда вслед за такой законченной в 12 лет жизнью также последует обратный обзор жизни в первые дни после смерти, но он осуществляется так, что больше подступает извне. В то время, как если умирают в возрасте 50—70 лет, то, для того чтобы получить этот обзор, придется многое делать самому. Его получают, проявляя собственную активность. И потому, что жизнь после смерти переживают различным образом, и встречаются люди, различно подготовленные для своей новой земной жизни. Может быть, кто-то в своей жизни был активен, деятелен. Если как особо активная натура он оказался рано вырванным из жизни, то в следующем воплощении он может быть поставлен своей кармой в условия для свершения определенной задачи, которую безусловно бы и исполнил. Если же активный человек дожил до старости, тогда эта сила уходит внутрь. И в следующем воплощении человек получает более сложную задачу. Внешняя активность отступает, и насущной необходимостью для души выступает развитие внутренней активности.

Насколько сложна жизнь человека в ее развитии от воплощения к воплощению! Послезавтра мы продолжим эти рассуждения. Теперь же я хочу закончить тем, что скажу вам: если мы стоим перед лицом такого времени, каким является наше время, в которое действительно чрезвычайно много людей проводится через врата смерти в краткие сроки ненормальным способом, значит, этим готовится нечто вне нормы. И это должно быть однажды подготовлено. Каждый год вы замечаете, что время цветения входит в мир порывисто, как бы толчком. Обратившись к истории можно

сказать, что и там «расцвет» происходит в некотором роде импульсивно. Большим расцветом было время Лессинга, Шиллера, Гёте, Фихте. Как в один узел были собраны все гениальные люди Запада. Затем это кончилось. Такими импульсами мир идет вперед. Говорят же о таком подобно удару, происходящему вступлению в мир гениев; затем снова происходит что-то другое. Так в области духа мы имеем импульсивно расцветающее особое прорастание. В наше время мы видим раннее умирание на физическом плане, тоже происходящее как бы рывком, в виде такого импульса. Здесь опять-таки имеются две вещи, которые можно поставить рядом как образы, которые необыкновенно много говорят. Огромные потери, многочисленные жертвы, такое умирание на физическом плане — это семя для позднейшего духовного расцвета. Все вещи имеют две стороны. Выскажемся с этой точки зрения снова в поисках силы и утешения, но также и обретая уверенность в наших надеждах, в связи с нашим временем и непосредственно из сознания нашей духовной науки:

Из мужества бойцов,

Из крови сражений,

Из страданий покинутых,

Из жертвенных деяний народа

Вырастет духовный плод —

Если души в духовном сознании

Направят свои помыслы

В царство духов.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 20 ноября 1915 года

ПОДОСНОВЫ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ СМЕРТИ

Дни, проведенные здесь вместе, мы использовали, для того чтобы с той или другой стороны осветить взаимоотношения между жизнью человека здесь, на физическом плане, и жизнью, которую мы проводим между смертью и новым рождением, а также чтобы бросить взгляд на взаимоотношения отдельных, следующих друг за другом земных жизней, которые проходит человек. Вы видели, что если попытаться входить в эти отношения более подробно, то исследование становится более сложным, но зато поистине и более плодотворным, потому что такое подробное исследование может открыть нам путь к решению отдельных жизненных вопросов, жизненных загадок. В нашем рассмотрении мы пойдем немного дальше, но сначала нам нужно немного заняться структурой человека, которую мы знаем, но которую нам придется обсудить повторно в отношении тех свойств, которые будут нам важны в последующем.

Мои дорогие друзья, как люди мы живем здесь на Земле в совершенно определенную эпоху земного развития. Об этом вам известно из различных циклов лекций, книг и докладов. И из всего духа наших рассмотрений вы уже могли понять, что есть внутренний смысл, определенное внутреннее значение в том, что мы проводим свою душу сквозь разные эпохи земного развития. Из описаний, которые уже давались, вы могли видеть, как не только внешняя, но и вся жизнь человека здесь на Земле в различные эпохи была различной.

Если мы возьмем послеатлантические эпохи, то иной была вся жизнь души - прежде всего хотелось бы обратить внимание на жизнь души - в древне-индийскую эпоху, иной - в древне-персидскую, иной - в египетско-халдейскую, иной - в греко-латинскую, иной - в наше время. Мы провели наши души через все эти эпохи. Во все эти эпохи наши души искали — для большинства людей это происходило в одной эпохе повторно — тела, которые предоставили бы им возможность воспринимать мир так, как можно воспринимать его как раз с помощью сил, развиваемых именно в этой эпохе.

Если вы вспомните, что было сказано об особенностях душевной

жизни в отдельные эпохи, то получите еще более ясное понятие об этом. Например, если мы рассмотрим жизнь в первой послеатлантической эпохе, то найдем, что в земной жизни человеческая душа главным образом была занята тем, чтобы выработать взаимоотношение своего существа с эфирным телом, то есть правильным образом пережить то, что может быть пережито в земной жизни, когда здесь, в своей земной жизни, душа входит по преимуществу во взаимоотношения с эфирным телом. Затем во второй послеатлантической эпохе душа изживала все, что могло быть изжито, когда она находится во взаимодействии со своим астральным телом. В третьей послеатлантической эпохе душа изживала все, что можно было изжить через душу ощущающую, в четвертом культурном периоде — переживала душу рассудочную (или душу характера), а в наше время — изживает все, что взаимодействует с душой сознательной. Но благодаря тому, как душа двигалась в этих отдельных эпохах, в этих членах человеческой природы, благодаря тому, что она переживала то или другое, она продвигалась со всем мировым движением вперед. То, что переживают в эти различные эпохи в отношениях своей собственной души ко всему миру, в основе своей различно. Можно было составить представление об этом уже по тому, что излагалось до сих пор. Итак, в наше время живут в душе сознательной, и вся культура нашего пятого культурного периода состоит в том, что человеческая душа, все человеческое «я» создали и присоединили ко всему миру такие отношения, которые определяются отношением к душе сознательной. В нашу эпоху переживают то, что могут переживать, когда направляют свою силу в душу сознательную.

Однако мы можем подойти к делу с другой точки зрения. Благодаря чему в общей космической связи происходит то, что живет в душе сознательной? Люди живут, конечно, не только в душе сознательной, но и во всех других членах человеческой природы. В более узком смысле в наше время создаются способности, которые через душу сознательную создают в нашем «я» условия, благодаря которым мы так основательно живем в организме нашего физического тела между рождением и смертью. В четвертой послеатлантической эпохе грек еще не находился в такой зависимости от своего физического тела, как мы. Грек жил в своем теле еще внутренним образом. Это было обусловлено тем, что он жил и работал еще в душе рассудочной (или душе характера). Поэту он был в состоянии наполнять свое тело иначе, чем можем это мы. Например, в каждом движении руки у грека присутствовал гораздо более сильный оттенок чувства, чем у сегодняшнего человека. В эти вещи не может и не хочет вдаваться ни одна внешняя наука, но тем не менее они существуют. Когда грек сгибал руку, то он чувствовал, как напрягаются отдельные мускулы, как образуется угол. Поэтому грек, как скульптор, мог творить совершенно иначе. Нынешний

скультурист работает по модели, он смотрит на модель и работает по ней. Не так делали это греки. Грек имел внутреннее чувство формы руки, лица и так далее. Это было у него внутренним переживанием. Таким образом, теперь человек, когда он живет в душе сознательной, вырван из того, что можно переживать в физическом теле. Хотя он погружен в свое физическое тело глубже, но зато он больше и сроднился с ним, чем мог сделать это грек. Однако из-за этого он сделался нечувствительным к тому, что дает физическое тело. Он пользуется органами физического тела в более высоком смысле, чем грек. Греки еще не могли видеть некоторые оттенки красок, потому что они были не так крепко помещены в свои физические тела, как мы теперь. Если вы перечитаете Гомера, то можете заметить, как мало красок он вводит. Итак, это изменяется в таком роде. Теперь у человека больше родства со своим физическим телом, но зато в этом теле он не прослеживает свое внутреннее. Лучше сказать, что более он не чувствует в физическом теле свое внутреннее, теперь он больше сталкивается с внешним миром. Короче говоря, сейчас у человека происходит борьба со способностями физического тела, в то время как в Греции это было борьбой, скорее, с формой. Так что можно сказать, что мы вырабатываем свою душу сознательную как раз тем, что входим нашим «я» во внутреннее родство с нашим физическим телом, плотно внедряясь в него. Благодаря чему и наступило время, в которое уже мало знают о спиритуальных вещах и событиях, — время материализма. Это происходит именно потому, что мы так крепко вошли в свое физическое тело.

Но в физическом теле находится, конечно, и тело эфирное. Грек намного больше знал о своем эфирном теле. Он мог проследить, хотя и в слабом отголоске, как эфирное тело всегда откликается на физические движения тела. Он еще ощущал, как его эфирная рука движется вместе с физической и лежит в основе физического движения. Теперь это знание потеряно. Но зато в греческое время человек проходил через все это так, что он гораздо интенсивнее чувствовал себя в эфирном теле, чем теперь. И это не пропало. Мы все прошли через это как души, и это осталось в нашем эфирном теле. Все это сохранилось в нем наподобие «законсервированных» мыслей. И когда мы выходим из мира, в котором пребываем между смертью и новым рождением, то как бы в забвении оставляем все то, чем когда-то владели в эфирном теле. Теперь, когда мы так крепко «засели» в своем физическом теле, мы оставляем без внимания все, что приобрели в своем воплощении в греческое время. Вы видите, что наше эфирное тело заключает в себе очень многое, что сейчас никак не осознается человеком. Теперь человек развивает свое сознание главным образом только в физическом теле. И этим он закрывает доступ к тому, что имеется в его эфирном теле. Если бы человек осознавал свою внутреннюю человеческую организацию и осознавал то, что скрыто в его эфирном теле, то он знал бы намного больше, чем знает теперь. Ибо

эфирное тело приобрело известное совершенство, которое гораздо больше, чем это осознается человеком сейчас. Вообще по отношению к эфирному телу многое оттеснено, потому что мы не доходим до него нашим сознанием и многого не знаем о нем.

Кроме того, как мы знаем, в этом эфирном теле работает астральное тело. Все, что делает эфирное тело, должно мыслиться пронизанным астральным телом. Если бы можно было внезапно извлечь наружу то, что заключено в эфирном теле, то люди стали бы намного смысленнее, чем сейчас, когда они погрязли в борьбе со своим физическим телом. Потому что эфирное тело заключает в себе (конечно, астральное тело тоже принимает в этом участие) бесконечно много сокровищ великой мудрости. Она глубоко скрыта в нашей душе, в эфирном теле. Прежде всего, в нем есть много умения и содержится великий материал знания. Например, в отношении геометрии. Я уже указывал здесь, как много знаете вы о геометрии, но это знание неосознанное. Это — абсолютная правда. Потому что когда вы знакомитесь с геометрией, то можете узнать ее отнюдь не из своего окружения, вы поднимаете ее из себя, приводя к осознанию то, что заключено в вашем собственном эфирном теле. Когда человек чертит фигуры внешним образом, то они действуют только как побуждение.

Если я начертил треугольник, о котором я знаю, что углы составляют в нем 180° , то я знаю об этом из своего эфирного тела. Тот факт, что чертится фигура, это только спекуляция на человеческой лени. В действительности вы уже знаете все, что можно выучить из геометрии. Вы знаете это бессознательно, это заключено в глубинах неосознанной душевной жизни. Вообще, трудно поверить, как мы смыслены в своей подсознательной душевной глубине. Если бы люди только догадывались об этом! Беда человеческого развития заключается не в том, что люди имеют мало мудрости в себе, а в том, что они не умеют поднять ее из глубин своей собственной души. Все развивающее воспитание основано на том, чтобы добыть скрытую истину из глубин души. Но если бы мы не извлекали эти вещи из собственной глубины, то не могли бы продвигать свое развитие вперед так, как это должно быть. Видите ли, если бы к своему физическому телу мы не относились так, как относимся теперь, то мы рождались бы страшно толковыми детьми и нам бы ничего не стоило бы сравнительно рано извлечь из эфирного тела все, что в нем скрыто. Но человек употребил бы тогда слишком мало усилий для достижения мудрости. И лишь в малейшей степени она стала бы его собственностью, его достоянием, а была бы стертым отпечатком мудрости. Личное же усвоение появляется, потому что сейчас, в пятую послееатлантическую эпоху, у нас есть такое особое отношение к своему физическому телу. Благодаря такому личному усвоению знание становится нашим личным знанием. И, получив

его таким способом, мы имеем его тогда у себя, оно становится нашим. Все, что мы обсуждали сейчас, касается эфирного тела.

По отношению к астральному телу имеет значение нечто другое. Там происходит следующее: если бы мы могли извлечь то, что находится в астральном теле, и то, что знает астральное тело, тогда для нашей настоящей жизни мы ничего бы не выиграли. Мы жили бы внутри человечества наподобие автоматов. Наше астральное тело — именно астральное тело, а не сознание, — например, фактически знает, каким образом оно стоит по отношению к каждому человеку в отдельности, к каждому, кого оно встречает в жизни. Таково сознание нашего астрального тела. Так что, если бы мы только могли! Тот, кто этого хочет, не может; а тот, кто может, тот и не хочет, и не делает этого для своего астрального тела именно потому, что это привело бы к выработке оккультного эгоизма худшего рода; но, если все, что знает астральное тело, мы могли бы осознавать, то благодаря астральному телу очень хорошо бы ориентировались, точно зная, что, встречаясь с одним человеком, наживешь себе одни неприятности, с другим же — встретишь только хорошее. Такое знание, конечно, изменило бы всю нашу жизнь, но для наших современных земных отношений совсем не в благоприятном смысле. Я мог бы еще много рассказать о том, что знает астральное тело, но оно вырабатывает и упражняет свое знание несознательно, как раз в такой области человеческой жизни, на которую меньше всего обращают внимание.

Представьте себе, что человек переживает какое-нибудь горе, несчастье. Не правда ли, нам кажется, что это несчастье постигло человека. Потому что человек по устройству своего современного сознания сам себе несчастья не ищет. Если же исследовать астральное тело, то мы не найдем ни одного несчастья, которого человек, поскольку он пребывает в астральном теле, сам себе бы не накликал. Потому что то, что является для обычного сознания необходимостью, выскивается астральным телом по свободному внутреннему выбору. Именно этого хотело и искало астральное тело. Если даже кого-то переехал поезд, то и это привлечено астральным телом с учетом всех жизненных обстоятельств и взаимоотношений. Это совсем не то, что просто так стряслось.

Итак, в своем астральном теле мы имеем не только отношения с остальными людьми, окружающими нас, но и наше действительное взаимоотношение со всей внешней жизнью, со всем, что происходит как явления природы или общественные отношения и явления, в которые вплетена наша жизнь. То, что это скрыто от нас, — это даже хорошо, иначе для своего дальнейшего развития мы бы так ничему и не научились. Но в астральном теле заключена настоящая мысль, то есть род знания для всего того, что

наше существо показывает в связи с различными событиями и человеческим элементом, в которые мы вовлечены. Как я уже говорил, в обычной жизни этого почти не замечают. Если с человеком что-то случается, то так и говорят, «это с ним случилось», но совершенно не принимают во внимание того, что было бы с данным человеком, если бы его не постигло то или другое. Например, в какой-то момент своей жизни человек был ранен. Обычно говорят: «он ранен», и этим ограничиваются. А над тем, что было бы с человеком, если бы он не был ранен, как-то особо не задумываются. А ведь из-за ранения в жизни этого человека все изменяется. Теперь все последующее в его жизни потечет иначе. Астральное тело человека заранее знает о его ранении, можно сказать, заранее прозревает это, поэтому астральное тело человека можно назвать ясновидящим.

Наше настоящее истинное «я», которое покоится в подсознании еще глубже, чем астральное тело, является еще более ясновидящим, намного более ясновидящим. Не правда ли, мои дорогие друзья, вы уже имеете ясное представление о том, что наше физическое тело мы образовали на древнем Сатурне, эфирное — на древнем Солнце, астральное — на древней Луне. Наше «я» — почитай, «младенец» среди членов существа человека, оно вполне разовьется только на Вулкане, когда уже закончится развитие Юпитера и Венеры. Тогда наше «я» будет развито до степени сегодняшнего развития нашего физического тела. При этом наше «я» покоится в лоне духовных миров. На Вулкане из этого «я» будет сиять преогромное знание взаимоотношений всей жизни. Но это знание заложено в нас уже и теперь, и развитие Венеры и Юпитера будет состоять в том, чтобы извлечь это знание, поднять эти способности наверх.

Итак, когда мы заглядываем в эти глубины душевного в нашей жизни, то удивительным образом замечаем нашу связь с духовным миром. Нам, людям, в обычной человеческой жизни дано только то, что мы получаем, когда наше «я» отражается в физическом теле. Но за этим покоится обширное знание, простирающееся на всю Землю, которое находится в эфирном теле. За этим стоит ясновидящее знание, которое находится уже в астральном теле, и, наконец, еще более ясновидящее знание, которое пребывает в нашем истинном «я». Прежде чем приступить к тому, о чем я собственно собираюсь говорить, будет хорошо, если сначала мы рассмотрим эти вещи.

Возьмем случай, которых теперь перед нами тысячи и которые так много говорят нашей душе. Допустим: какой-то человек погибает на поле боя, проходя врата смерти в молодом возрасте, как теперь это происходит постоянно. Посмотрим, что тогда происходит: глубоко лежащие члены человеческого существа —

эфирное, астральное тела и «я» будут вырваны из связи с физическим телом, но совершенно иначе, чем это происходит, когда человек, достигший старости, медленно умирает в своей постели. В первом случае отделение членов от физического тела происходит гораздо быстрее. Я уже говорил о пророческом качестве эфирного тела. Как говорилось, даже в образах сна — если бы только мы могли правильным образом растолковывать эти сновидческие картины! — мы узнали бы, что в нашем эфирном теле через сновидение, которое возникает от того, что астральное тело склоняется над эфирным и эфирное тело получает отражение того, что переживает тело астральное, в этих картинах находится нечто пророческое, что может указывать на нашу будущую жизнь.

Видите ли, для того, кто изучает эти вещи как духовный исследователь, возникает очень важный вопрос. Этот вопрос следует, наконец, поставить перед собой. Но сама постановка этого вопроса является путем к получению на него ответа, который должен выявиться из ясновидческого исследования, из ясновидческого наблюдения. Скажем, например, что человеку предназначено — если его жизнь протекает нормально — достигнуть здесь на Земле определенного пожилого возраста, медленно и постепенно изживая свою жизнь. Для этого приспособлено его эфирное тело, его астральное тело и его «я». Все они приспособлены к тому, чтобы все происходило обычным способом вместе с нормальным ходом жизни. И вдруг человека настигает пуля и разрушает всю эту связь. Тогда одни способности, например способности эфирного тела (рассмотрим пока одного человека), его силы, которые должны были бы пророчески действовать в течение всей жизни, могли бы провести человека еще через многие обстоятельства жизни, так вот эти силы были вырваны и отделены от физического плана. Представьте, что пуля не попала бы в него (конечно, в данный момент мы создаем гипотезы и не рассматриваем сейчас то, что является безусловной кармой данного человека), тогда этот человек использовал бы эту силу своего эфирного тела постепенно, возможно, в течение многих, многих лет. И эта сила остается в глубине души убитого человека. Эта сила «никуда не девается». То, что она находится там, можно видеть хотя бы потому, как такой человек, павший от пули, смотрит на свое жизненное табло в своем эфирном теле. Но я уже указал, что у таких людей это жизненное табло носит иной характер. Оно имеет такой характер, как будто бы оно приходит из внешнего мира, а не вызывается миром внутренним. Короче говоря, эта энергия, эта сила, которая была насильно обрезана, изменяет в человеке (и это видно ясновидческому наблюдению) всю его жизнь после смерти. Так же обстоит и с силой, которая находится в астральном теле. Ей тоже следовало бы быть в наличии, чтобы применяться в течение всей жизни. И она тоже остается у человека. Словом, человек проходит через врата смерти совершенно иначе, если он был насильно вырван с физического

плана, если он встретил пулю на своем пути и из-за этого расстался с жизнью. Для него это будет иначе, чем если бы он долго жил и умер в своей постели от старости.

И для духовного исследователя возникает большой вопрос: что это означает? Что значит для эпохи, когда человек, в результате насильственной смерти, вносит и приносит в духовный мир что-то совершенно другое, чем вносил бы и приносил бы туда, если бы прожил отведенное ему время и изжил свою жизнь полностью? Для такой эпохи, как наша, это имеет огромное значение, потому что в духовный мир вносится многое из того, что было описано. Ибо что означает это для духовного мира? Таков чрезвычайно важный вопрос, встающий при таком исследовании. Если рассматривать отношение духовного мира к физическому (об этом можно прочесть в венском цикле моих лекций «Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением»), тогда приближаются к тому, во что пока не могут поверить, но что является для духовного исследования совершенно ясным. Это касается того, что все понятия и представления действительно совершенно меняются, когда человек приходит в духовный мир. И это происходит не только тогда, когда приходят в духовный мир через посвящение, но и когда приходят туда через смерть.

Все более и более человечество развивается в определенном направлении, можно сказать, в направлении так называемого бытийного понятия. Ныне замечаются некоторые мощные признаки пристрастия к понятию бытия. Что же я подразумеваю под бытийным понятием, под понятием бытия? Теперь мало ценят то, что не дается как «бытие». Если кто-нибудь говорит теперь о том, чего нельзя потрогать руками, то его считают просто фантастом. Люди говорят и ведут речи о «действительном», а «голые» мысли для них ничего не стоят. Теперь имеется очень много людей, которые не обращают внимания на мысли, потому что они не могут их ухватить. «Сущее» означает для них то, что получают грубо и зримо, что воспринимается. Ничего не надо делать, чтобы оно было, ведь оно само является сущим. А того, что не выявляет себя подобным образом, этого люди ни в малейшей степени не допускают существующим, они отказывают ему в существовании.

В развитии духовного мира все как раз наоборот. То, что является сущим, что производит впечатление физического предмета, для человека в духовном мире всегда является чем-то враждебным, чем-то мешающим, тем, о чем он судит, как о ничтожном, которое должно исчезнуть и превратиться в ничто. И если быстро попадают в духовную область, где находятся мало развитые души, те души, которые так же наивны в отношении духа, как были наивны на Земле, то для умерших душ там встречается

противоположное суждение. Того, что эти души ценили на Земле и считали существен⁰⁰_{1F}ым для себя, того не «будет» в том смысле, как говорят на Земле о чем-то, что оно «есть». То, что является бытием здесь, в духовном мире ценности для этих душ не имеет. В духовной жизни мы встречаем чисто духовных существ и они воздействуют на пришедшего. Вот их-то и надо сделать для себя как бы видимыми. Душа попадает в духовный мир. За ним стоят души духовных Иерархий: Ангелов, Архангелов и других. О них знают, что они присутствуют здесь. Но если нужно сделать так, чтобы для кого-то они были, то надо еще пробудить их к тому, что называется «бытием» здесь в духов⁰⁰_{1F}ном мире. То, что в духовном мире воздействует на кого-то, должно быть еще доведено до имажинации. Непробужденное бытие, для которого ничего не надо делать, чтобы завоевать его, присутствует там просто в виде неотесанного «бревна», там это — не имеющее никакой ценности, не значимое бытие.

Здесь на Земле мы окружены природой. А духовного мира мы сможем достигнуть, только поднимаясь к нему, так запросто его не достигнешь. Природа вокруг нас не требует от нас больших усилий, она сама собой сказывается как бытие. Поэтому материалисты так и любят находиться на природе, быть в ее окружении. Но в духовном мире — ее нет. В духов⁰⁰_{1F}ном мире нет ничего, к чему не надо было бы прорабатыват⁰⁰_{1F}ся, прилагая усилия. Там надо быть деятельным всегда. То, что есть на Земле, — это другой мир, это мир, который мы покинули, это мир, который несет в себе преходящее, который всегда борется с ничтожным.

Если бы случилось так, что этот мир, столь любимый материалистами, на минуту исчез, так что люди ничего не знали бы о своем теле, тогда им пришлось бы сперва создавать имажинации: ведь стол сперва создавали бы в своем вообра⁰⁰_{1F}жении, а до того ничего не знали бы о столе. Ничего не знали бы, пока не создавали бы внутри себя какого-то представ⁰⁰_{1F}ления в мышлении. Поэтому, для того чтобы им представ⁰⁰_{1F}ал духовный мир, в своей жизни здесь людям следовало бы обращаться к тому, что они будут иметь там, в духовном мире. В духовном мире сделать мир видимым можно только своей собственной деятельностью. Посюсторонний мир, то есть наш внешний мир, всегда налицо. В то время как здесь небеса скрыты и только мир, который вокруг нас, всегда налицо, там мир, если не привести его к созерцанию собственной деятельностью, будет скрыт. Посюсторонность, наша стор⁰⁰_{1F}на бытия — это мир, в который не просто можно верить, а о котором можно знать непосредственно. Но то, что этот наш мир здесь, если рассматривать его с точки зрения другого мира, делает фатальным, так это то, что он насквозь пронизан бытием. И это обстоятельство — то, что этот мир пронизан бытием, — мешает, действительно мешает. Многие говорят: «Да, я хотел бы верить в духовный мир,

если бы только смог увидеть его здесь!» Это можно сравнить с тем, что говорят души в духовном мире: «Да, этот постоянно пребывающий внизу физический мир можно было бы терпеть, если бы он постоянно не «был», если бы он не нес в себе такого навязчивого бытия. Нельзя взглянуть вниз на Землю без содрогания, чтобы не увидеть во всех ее точках это ужасное «бытие».

И если имеется здесь какой-нибудь практический материалист, не верящий в идеалы, то он любит только наше бытие. Но, чтобы не распространялось мировоззрение, настроенное на плотность бытия, время от времени в жизни появляются идеалисты, которые заставляют людей верить в силу идеалов и их действительность в историческом развитии вперед. Эти идеалы нравственного, прекрасного, религиозного приносятся в жизнь. Разумеется, грубые материалисты этим не интересуются, в лучшем случае они отщелкывают парой фраз. Все то, что не является существующим в грубо материальном смысле, привносит в жизнь физического плана нечто ценное. И если рассматривать развитие человечества на Земле с высшей точки зрения, то говорят себе: конечно, природа велика и значительна, она «здесь». Но чем была бы человеческая жизнь, если бы было только это существование природы, как бы ни была она прекрасна, если бы человек не мог иметь идеала, если бы он получал побуждения только от существующего материально, и не получал бы их от всей религиозной, моральной, художественной и педагогической жизни? «Несуществующее», но «долженствующее быть» — это то, что проникает из духовного мира как идеалы человечества, это так называемое «несуществующее» и составляет ценность жизни. Это хорошо чувствует всякий, кто не увяз в болоте материализма. И тогда появляются те, кто выступают в ходе истории и являются в особом смысле носителями идеалов, они появляются, принося в жизнь самое ценное и сущее.

И для духовного исследователя выявляется, что из духовного мира оглядываются на земную жизнь подобным же образом, но так, что появляется высокое томление души по тому, чтобы внизу, на Земле, «было бы» не только одно земное, но среди того, что встречается на Земле, было бы также и нечто, что «является на Земле не слишком уж земного рода». Таким образом, к земному бытию должно быть примешано нечто, что не является обычным в земном смысле. И можно сказать, что это оказывается чем-то бесконечно значительным, когда оно выявляется при духовном исследовании тех жизней, которые были предназначены для долгого земного срока, но были насильно оборваны, так что осуществили на Земле только часть своей жизни. А другая часть этой жизни, если рассматривать все с такой позиции, была предназначена, собственно, для бытия, и это бытие не было изжито.

Например, какой-нибудь человек был сражен пулей на 25-26 году своей жизни, хотя по своим жизненным силам мог бы жить еще до семидесяти — восьмидесяти лет. Члены его человеческой природы были внезапно разделены. Его эфирное, астральное тело и «я» могли бы еще долго развивать свой дар поддержки физического тела. То, что могло бы следовать своим ходом, не будь рокового выстрела, было предназначено для земного бытия, и оно осталось неизрасходованной во время бытия силой. При взгляде «с той стороны» это выглядит так, что видно: там, внизу, к земному бытию примешано нечто, что было предназначено к бытию, но к нему не привело. Если рассмотреть это так, то видно: там, внизу, имеется не только сущее, там, внизу, к земному бытию немного примешано то, что было предназначено к бытию, но им не стало и не было изжито, то есть, там имеется бытие, которое осуществилось только как предрасположенность, как задаток. Нечто, что в известном смысле должно было быть. Поэтому тот, кто рано заканчивает свою жизнь из-за вмешательства внешних обстоятельств, проходя через врата смерти, для духовного мира подобен (только подобен, а не точно такой же) тем духовным посланникам, как те идеалисты, которые приходят на Землю, чтобы примешать к тому, что есть, также и то, что должно быть. Так поднимаются вверх те, кто рано проходит через врата смерти, чтобы принести на небо весть о том, что там внизу, на Земле, есть и то, что должно быть, а не только то, что есть.

К таким бесконечно глубоким, значительным открытиям, которые мы здесь сделали, приходят, когда достигается та ступень духовного исследования, на которой узнают обращенных к небу идеалистов, которые стали таковыми, потому что они насильственно ушли с Земли слишком рано. В наше время особенно важно соединять такие мысли со своей душой.

Когда вступают в область духовного мира, необходимо, чтобы наряду с теми душами, которые делают свое дело в духовном мире, узнавали и тех, которые, находясь там, указывают на Землю, потому что они как бы нечто привлекли в земное развитие, но и нечто изъяли из него раньше, чем по своим задаткам должны были бы это сделать. К этому можно также добавить следующее. Прошедшие через врата смерти являются для человеческих душ в духовном мире во многих отношениях теми, которые заставляют верить в высокое в земной жизни, которые по «ту» сторону заставляют верить, что земная жизнь содержит в себе также и духовные ценности. В духовном мире такие люди занимают то же место, что и идеалисты на Земле.

Мы должны также познакомиться с тем, что люди, живущие в духовном мире, не обязательно должны представляться нам такими, какими они были в последнее время жизни. Обычно

представляют себе дело так: кто умер ребенком, таким же он остается и в духовном мире. Это совершенно неправильно. Тот образ, который люди имели перед смертью, может являться как имажинация, но это не облик, а только его выражение. Может умереть ребенок, но человеческое существо, которое было воплощено в этом ребенке, может оказаться очень развитой душой и продолжать жить после смерти как высоко развитая душа. Я это часто упоминал.

Мы видим, что в духовный мир возносится нечто, что является связанным с Землею, но уже не находящимся на ней, нечто, что должно быть, «долженствующее быть» в духовном, по ту сторону. Это действует в развитии, которое проходит душа человека между смертью и своим новым рождением. И люди, насильственно прошедшие через врата смерти, проходят жизнь между смертью и новым рождением, так что, находясь по ту сторону, они в более широком и богатом смысле дают представление о человеческом Земли, чем те, которые изживают свою жизнь обычным образом. И, не правда ли, нельзя решить, что предопределено человеку его кармой. Потому что, если человек состарился — это карма. Если он умер молодым — это тоже карма. Но как раз так же, как нельзя сделать себя произвольно той или иной индивидуальностью из сознания духовного мира, так же из земных условий нельзя определить, как должна сложиться жизнь человека между смертью и новым рождением. Итак, если душа была насильно вырвана из физического бытия в духовный мир, то она имеет гораздо более интенсивное имажинативное созерцание всего человеческого, чем если вступают в духовный мир иначе.

Можно сказать так: люди, прошедшие порог смерти таким образом, в то время, когда они живут между смертью и своим новым рождением, особенно близки ко всему, что совершается на Земле в общечеловеческом смысле. Это можно видеть из следующего: если проследить жизнь человека, который в какой-либо момент своей жизни делает что-то особенно важное, то это определяется тем, что этот человек делает уже встречавшееся ему. Скажем, на каком-то отрезке своей жизни человек (это, конечно, можно видеть только оккультным зрением), например, на 49-м году своей жизни совершает нечто очень важное. Если исследовать это в обратном порядке, тогда в его предшествующем воплощении мы найдем, что, может быть, именно на 49-м году жизни он погиб от насильственной смерти. То есть смерти в той или иной степени произошедшей вследствие вмешательства внешних сил. Это значит, что благодаря этому он получил сильную связь с идеалами развития на Земле, он усвоил это «долженствующее быть», то есть то, что «должно быть» для духовного мира. Через это он получил большую силу, которую вложил во все свое душевное существо, чтобы в определенное время совершить то, что ему нужно

исполнить. И опять-таки можно увидеть, что люди — в прошлый раз я говорил об этом, — которые как-то особенно сильно должны проявить свою волю, которые живут больше для общечеловеческого, некоторым образом принесли с собой такую жизнь, которая «должна быть», из какого-то прежнего воплощения.

Это особенно трудно понять, если представлять жизнь в духе только как более тонкую земную жизнь, если примиряются с тем, что представляют духовную жизнь как продолжение физической жизни. Это совсем не так. Та жизнь, что происходит по ту сторону, совсем незнакома. И отсюда проистекает противоположность духовной жизни. Обычно не могут себе правильно представить, что если ничего для этого не делать, то в духовном мире, в духовной жизни все будет темно и мрачно, что сначала все надо привести к свету и все, что находится по эту сторону, видимое оттуда здесь (там — это наше «здесь») и имеющее значение, есть то значительное, что примешано, все это находится в «долженствующем быть». Таково должно быть представление, которое надо приобрести и овладеть им, если хотят правильно понять связь физической жизни с духовной.

Я уже говорил, что создание таких представлений действительно является большим благом для нашего времени. Потому что скорбящие души так часто спрашивают сегодня: почему так много людей цветущего возраста должно быть отозвано в духовный мир? Почему не могут развивать они свою жизнь здесь на Земле? И как ни странно это звучит (но, как сказано, Духовные истины часто могут казаться жестокими), итак, как ни странно это звучит, — это все-таки правда, что в духовный мир должна быть внесена возможность смотреть на Землю, чтобы Земля сама могла быть пропитана духом. Если бы все люди достигали нормальной старости и никто из людей не был бы в состоянии пожертвовать собой как мученик или как рано умерший, тогда из духовного мира казалось бы, что Земля подпала совершенно обесцененному бытию. То, что здесь примешано как идеалы, в то же время есть то, что постоянно приносит из прошлого лучшее будущее. И это связано с тем, что человек как бы приносится в жертву. Один человек в 26 лет отдает процессу развития всего человечества свою несостоявшуюся жизнь, которую обратил бы на внешнюю работу. Это живет дальше. Земное развитие нуждается в таких жертвах. В том, что сейчас находится в силах дальнейшего развития, живет то, что было пожертвовано человеком как своей жизнью, которую он мог бы еще прожить здесь. Можно видеть, как то, что в наше материалистическое время является, собственно, только отвлеченным понятием, становится бесконечно конкретным.

Еще в другом смысле, чем я говорил это здесь в июле, можно сказать, что не только эти эфирные тела действую

общей связи развития человечества, но это — также работа всех рано умерших. Работа этих индивидуальностей такова, что мы можем спросить: кто же те, кто главным образом работает для всего человечества? Кто ставит общие задачи для будущих воплощений? Это те, кто в своих предшествующих воплощениях прошли какую-то жертвенную смерть, именно они становятся преданными натурами, склонными к духовному на Земле, и получают значительные задачи за мученические жизни в одном из своих прошлых воплощений. Земля не могла бы двигаться в своем развитии вперед, если бы люди не жертвовали собой.

И если мы обдумаем это, то сможем бросить взгляд от настоящего в будущее. Так много приносится сейчас людских жертв. Как бы это ни было прискорбно с многих точек зрения, с личных точек рассмотрения этих событий, но это должно хоть немного служить утешением, если рассматривать эти события с точки зрения мировой мудрости. Сколько теперь принесено жертв — столько же в будущем прибавится сил дальнейшего развития, в которых человечество сильно нуждается. Сегодня это еще недостаточно учитывается, но об этом станут задумываться, когда пройдут даже не столетия, а десятилетия и люди смогут подняться над материалистическим развитием человечества. Материализм с большей быстротой выведет свои заключения. Внутренне высшей точкой развития материализма было XIX столетие, и человечество погрязло бы в материализме, если бы всему этому не дать новый поворот. И этот поворот может быть дан духовной наукой. Но он может быть дан только тем, что действительно будут задействованы большие силы, чтобы в земную жизнь вошли идеалы. Многие, которые теперь отозваны, послужат для Земли, чтобы она окончательно не впала в материализм, чтобы он не господствовал на Земле.

Прочтите, дорогие друзья, то, что в общих чертах дано в цикле лекций об Апокалипсисе, составьте себе из этого представление, как много плодов жертвенной смерти понадобится Земле в будущем, для того чтобы ей освободиться от погружения в материализм и во все, что с ним связано: в борьбу, ненависть, вражду. Земля должна быть освобождена настолько, чтобы продолжать свой дальнейший путь в Космосе. Наше время заставляет задумываться уже не только над тем, что совершается сейчас, но и над плодами совершающегося. А эти плоды мы можем предугадывать, если примем во внимание две стороны мирового бытия: жизнь «здесь», между рождением и смертью, и жизнь «там», между смертью и новым рождением. Мы очень пассивны в нашем внутреннем существе, и если хотим добиться видения в духовном мире, то нам нужно очень и очень много трудиться. Там необходимо, чтобы мы были активны, деятельны, чтобы то, в чем мы находимся, созерцать как непосредственно окружающий нас

мир. Напротив, как напоминание и предупреждение перед нами выступает «сущий» мир там внизу.

В этот земной мир идеалисты несут то, что является должным, «долженствующим быть» и делает земное бытие ценным. В мир, в который люди входят через врата смерти, входят и те, которые изжили свою жизнь, прожив положенный срок, и те, кто более или менее преждевременно умер как мученик, и они являются там показателем того, что внизу, на Земле, помимо материального, помимо ничтожного, помимо бренного и преходящего примешивается также и то, что удержали те, кто не полностью прожил отпущенный срок, а был насильственно вырван из жизни, чья жизнь была разрушена.

Нужно принимать такие вещи не только с рассудочным пониманием, но глубоко проникая в них своим ощущением, и тогда многое становится ясно. Определенно, в современности кроется много загадок, но некоторые из них можно попробовать выяснить, если все то скорбное, что совершается сейчас, сопоставить с великой мудростью мира.

И, если мы обратимся к нашему времени в смысле уже высказанного, это может открыть новую главу для воплощения важной истины:

Из мужества бойцов,

Из крови сражений,

Из страданий покинутых,

Из жертвенных деяний народа

Вырастет духовный плод —

Если души в духовном сознании

Направят свои помыслы

В царство духов.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 7 декабря 1915 года

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДУХОВНОГО И ФИЗИЧЕСКОГО МИРА В ОТНОШЕНИИ ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Духовная наука должна показывать нам во всех областях взаимоотношения между духовным миром и тем миром, в котором мы находимся здесь, на Земле, который мы воспринимаем нашими органами чувств и пытаемся понять с помощью мыслей нашего рассудка. Сейчас мы подробнее займемся рассмотрением некоторых связей, возникающих между жизнью, которую ведет человек будучи душой между смертью и новым рождением, и жизнью, которую он проводит воплощенным в физическом теле здесь, на Земле. Мы должны твердо усвоить мысль, что человек, пока он живет в физическом теле (вольно или невольно), направляет свои мысли к той сфере, в которой ему предстоит жить между смертью и своим новым рождением. Нам следует твердо придерживаться таких мыслей, и совсем не из простого любопытства, но и потому, что из своих духовнонаучных рассматриваний мы можем постоянно убеждаться, что проникновение мыслью из «того», другого, мира в этот приносит нечто возвышающее и укрепляющее нас в наших действиях, ощущениях и мышлении здесь. Мы должны твердо придерживаться мысли, что многие тайны жизни открываются лишь тогда, когда есть мужество приблизиться, что называется, к загадке смерти. Сегодня, чтобы с особой точки зрения подойти к вопросу о взаимной связи духовного мира с чувственным, мы поставим перед нашим внутренним взором простое рассуждение, заключающее в себе очень многое из глубоко расположенных в нас ощущений.

Мы начнем с того факта, который уже не раз обсуждали: как человек проходит через врата смерти. Для человека этот вопрос связан с самыми глубокими переживаниями, захватывающими его до глубины души. Когда мы находимся здесь, в физическом мире, перед каким-то человеком, у нас возникают о нем мысли, которые каким-то образом связывают нас с ним, мы получаем от него наши ощущения, испытываем чувство симпатии или антипатии, находимся с ним в дружеских или враждебных отношениях, короче говоря, создаем себе в физическом мире известное отношение к тому или иному человеку. Эти отношения могут быть даны связью по кровному родству, но также и по выбору дружбы. Все это может охватываться термином «отношения между человеком и человеком».

Если же такой близкий нам человек покидает физический мир и проходит через врата смерти, то у нас остается воспоминание о нем, то есть та совокупность ощущений, чувств, мыслей, которые зародились у нас по отношению к нему, которые мы оживили в себе. И теперь, когда этот человек ушел от нас через врата смерти, все эти чувства и мысли по отношению к нему живут в нас совсем по-другому, чем когда он был здесь с нами на физическом плане. Пока он был здесь с нами, мы всегда знали, что к тому, что в нашей душе живет в отношении его, в любую минуту может присоединиться внешняя физическая реальность, что нашими внутренними переживаниями мы всегда можем подойти к внешней физической реальности. Мы должны постоянно помнить, что живой человек всегда может изменить наше отношение к себе в ту или другую сторону. Мы часто не задумываемся о том, как это радикально отличается от той ситуации, когда человек (сразу или не сразу) становится для нас только воспоминанием. Мы уже не можем больше его видеть, не можем пожать ему руку. Тот образ, каким мы его создали, теперь остается для нас таким навсегда. Это нечто радикальное, что выступает в отношениях между двумя людьми. Это звучит очень просто, даже тривиально по мысли, но глубоко проникает в нашу внутреннюю жизнь, когда человек, который прежде в своем физическом воплощении производил на нас впечатление извне, становится для нас воспоминанием.

Но сравним теперь это воспоминание с другими воспоминаниями, которые мы создавали в своих переживаниях. Большую часть своей физической жизни мы изживаем в воспоминаниях. Мы знаем о том, что мы пережили, о событиях, которые протекали мимо нас, они сохранились в мыслях, и мы знаем, что этими мыслями мы можем обратиться к событиям, которые уже находятся в прошлом, к тем событиям, которые уже прошли. Теперь посмотрим на то, что мы несем в своих воспоминаниях, в большей части наших воспоминаний. В наших воспоминаниях и мыслях находится то, чего нет, — прошедшие события, которых в действительности во внешнем мире больше уже нет, и мы уже не можем их встретить, они принадлежат прошлому.

Но совершенно иным (если мы восприняли духовную науку) перед душевным взором является то, что мы называем воспоминанием об умершем, воспоминанием о душе, прошедшей вратами смерти. Это совсем другое. Мы несем в себе мысли, но для этих мыслей существует нечто действительное и, конечно, не в окружающем нас внешнем физическом мире, а в мире духовном. То, к чему относятся эти мысли, существует, хотя и не может войти в сферу нашего видения. Это совсем другое воспоминание, чем воспоминание о чем-нибудь, что произошло здесь, в физическом мире. И если мы хотим рассматривать этот факт в отношении ко

всему миру, находящемуся здесь, то мы можем сказать так: «мы несем в своей душе мысль о существе, которое находит⁰⁰_{1F}ся в духовном мире». Теперь мы знаем — и в особенности это должно быть нам ясно из рассматриваний, звучавших на наших общих трех последних встречах, проходивших по вечерам,— что не только страсти души, воплощенной здесь, переносятся в духовный мир, но и сознание тех, кто прошел врата смерти, сознание душ, живущих теперь в мире между смертью и новым рождением, простирается вниз на то, что происходит в физическом мире. Мы можем себе сказать: те души, которые живут в духовном мире бестелесно, получа⁰⁰_{1F}ют из физического мира наверх в свое сознание то, что они могут воспринять духовным созерцанием и своим духовным взглядом, направленным вниз. В одном из своих последних рассматриваний я указывал, как воспринимаются умершими душами те души, которые еще живут воплощенными здесь в физическом теле, в противоположность восприятию ими душ, которые находятся и живут между смертью и новым рождением. Я уже упоминал, как живущие в духовном мире души должны развивать деятельность, для того чтобы иметь восприятие. Они, например, знают, что сейчас вблизи них находится другая душа, но, чтобы «увидеть» ее, им нужно быть деятельными внутренне. Они должны создать себе образ. Он не возникает сам собой, как это бывает здесь в физическом мире. В духовном мире сперва появляется мысль о «присут⁰⁰_{1F}ствии», а чтобы возник образ, нужно внутренне пережить это «присутствие». Это — обратный путь.

Но есть существенная разница между построением образа в отношении тех душ, которые уже сами находятся в духовном мире, и тех, которые еще воплощены на Земле. В то время как человек в жизни между смертью и новым рождением должен создавать образ другой души, которая также уже находит⁰⁰_{1F}ся в духовном мире, полностью и всецело из себя, то, когда дело идет о душе, еще живущей на Земле, он чувствует себя более пассивным, и ее образ сам выступает ему навстречу. Итак, в отношении души, еще живущей здесь, на Земле, его деятельность будет незначительной по сравнению с усили⁰⁰_{1F}ями в отношении души, которая уже развоплощена. Таким образом, в первом случае ему потребуется совсем незначительное внутреннее усилие. В этом выражается разница для тех, кто живет между смертью и новым рождением. Если вы поймете и примете это, то скажете себе: если душа, перей⁰⁰_{1F}дя врата смерти, так вжилась в духовный мир, то в своем обозрении она имеет не только высшие Иерархии или души, живущие вместе с нею в духовном мире, но перед ней возни⁰⁰_{1F}кает и мир душ, живущих здесь, и именно тех, к которым она имела когда-то отношение до перехода через врата смерти.

Надо еще заметить важную разницу, что человек на Земле в сущности имеет вокруг себя все свое земное бытие всегда, и только

в духе (это «только» надо понимать лишь сравнительно), только в духе может постичь «другой» мир; если же душа находится в духовном мире, то происходит обратное. То, что она видит там сама по себе, не прилагая особых усилий, — это «наш» мир, это мир, который является потусторонним для «того» мира, и в то же время ей нужно напрягаться, чтобы постоянно конструировать, создавать свой собственный мир, в котором она сейчас находится и который она имеет как свое восприятие. Так что там «эта сторона» есть нечто, что надо все время вырабатывать, а по «ту сторону» находится то, что дается, получается всегда как бы само собой. Там мы встречаем души людей, с которыми были связаны, и именно с тем, что жило в их душах, с которыми мы были связаны душевно или духовно. Но внутри этого моря духовных восприятий, которые присутствуют там от другого мира и создаются в человеческих душах, выступают воспоминания о тех людях, которые прошли вратами смерти. Представьте это себе как можно живее. Представьте хотя бы гипотетически, что мы жили бы в такое время, когда ни одна живая душа не вспоминала бы об умерших. Умершие, конечно, видели бы души людей, но в этих душах не жили бы воспоминания о них, умерших. И это очень важно, когда в это море развоплощенных душ входят воспоминания об умерших. Эти воспоминания там живут. Это входит в духовный мир по свободной воле людей и через любовь людей присоединяется к тому, что умерший всегда может «видеть» со своей стороны. Итак, это нечто, что присоединяется.

Видите, мои дорогие друзья, здесь появляются вопросы, очень важные вопросы для духовного исследования. Духовный исследователь должен побуждать человеческие души к подобным вопросам. Что происходит для того, кто перешел порог смерти, если он «видит» в земных душах мир воспоминаний, которые посылаются ими умершему, и эти воспоминания он может воспринять! В духовном исследовании дело обстоит так, что если возникает подобный загадочный вопрос, то исследователь должен основательно этот вопрос пережить, должен вжиться в него. Если начать жить только догадками, то легко впасть в ошибку. Потому что напряжение обычного, связанного с физическим мозгом рассудка правильного разрешения многих вопросов обычно не дает. Внутренним усилием решение только подготавливается. Решения загадочных вопросов, которые относятся к духовному миру, действительно приходят так, что они являются из духовного мира как милость. Поэтому нужно ждать и ждать. Нужно уметь вживаться в подобные вопросы, мои дорогие друзья, снова и снова медитировать над ними, давая вопросу оживать в своей душе со всеми качествами ощущений, которые он может вызвать. Спокойно ждать (и это выражение как нельзя больше подходит к данному случаю) — пока будешь удостоен получить ответ из духовного мира. И обычно он приходит совсем с другой стороны, чем предполагают. Из духовного мира все приходит в надлежащий

момент, то есть тогда, когда душа достаточно подготовлена к принятию ответа. То, что ответ будет правильным, этого нельзя подтвердить никакой теорией или понятием, взятыми из физической действительности. Этого можно достичь лишь самим переживанием. Те, кто отрицают всякую духовную действительность, обычно так и говорят: «Но ведь ничего этого доказать нельзя, а все должно быть доказано обычными средствами познания». К таким людям я хотел бы обратиться с вопросом: «А можно было бы доказать кита, если бы его не видели?» Ничего нельзя доказать, что тем или иным способом не выявляется в действительности. Так же и в духовном мире нужно пережить что-то, что является действительностью.

Ну, конечно, то, что выступает как решение, как ответ, является в разных видах в зависимости от того, как подготавливалась к нему душа. Истина может выявиться многообразно: но все-таки она должна быть пережита как истина. Вот посмотрите, если дать жить в душе тому загадочному вопросу, который я поставил, то с другой стороны выступает как бы картина, внутренний образ, который является, можно сказать, внутренним состоянием, помогающим решить указанную загадку. Может возникнуть, например, образ человека, который фотографируется, который позволяет сделать свой портрет. В целом выступает изображение, копия какой-нибудь физической вещи. И наконец, выступает все, что может входить в область искусства и художественных постановок. Если вы представите, как протекает физическая жизнь, то можно сказать, что эта физическая жизнь протекает так, что человек противостоит природным существам и явлениям внешней природы, которые происходят. Так же протекают и человеческие дела: человек о чем-то заботится и что-то создает для своих потребностей и так далее, другое он осуществляет в истории. Но кроме этого человек видит нечто, что в сущности непосредственно не связано с нужным ему в мире для его потребностей. Человеческая душа видит, что, если бы природа и история существовали только для человеческой потребности, жизнь была бы совершенно пуста и холодна. Поэтому человек создает здесь, в физическом бытии, нечто, выходящее за пределы его потребностей. Он получил потребность не только видеть ландшафт, но и воспроизводить его. Человек старается устроиться в жизни так, чтобы другой мог получить от него какой-либо образ или что-то в этом роде. Исходя из этого, мы можем думать обо всем царстве искусства, что здесь человек творит, приподнимаясь над имеющейся действительностью, как бы высшую действительность по сравнению с природной и исторической действительностью. Задумайтесь, что было бы в мире, если бы в нем не было искусства, если из собственного источника оно ничего не прибавляло бы к тому, что существует само по себе. Искусство создает нечто, что не обусловлено только полезным. Если бы не существовало искусства, люди не имели бы многого. Если бы этого не было, то могло бы происходить только все

природно необходимое. Можно себе представить, как протекал бы ход жизни от начала до конца развития Земли без какого-либо отображения или художественного представления. Все, чего люди не имеют, можно представить в красках. Но теоретически возможно, что наша Земля могла быть наказана тем, что на ней не развивалось бы никакое искусство. В искусстве мы имеем нечто, поднимающее нас над жизнью. Только представьте себе все, что создано искусством, находящимся в мире, и людей, проходящих сквозь этот мир. Тогда вы имеете два параллельно проходящих процесса: есть природная и историческая необходимость и то, что находится перед нами как художественное течение.

До некоторой степени искусство вносит в физическую действительность духовный мир как волшебство, и точно так же воспоминание, которое живет здесь в душе, вносит своего рода волшебство в мир тех, что прошли через врата смерти. Для умерших мир мог бы существовать и без того, чтобы в душах жили воспоминания, которые родились из любви и других человеческих отношений. Но тогда для умерших в их мире все протекало бы так, как если бы для нашего земного мира не существовало бы ничего кроме повседневной необходимости. Это чрезвычайно значительное взаимоотношение, потому что мыслями, полными любви к умершим, в своих воспоминаниях мы создаем для них нечто подобное тому, что здесь, на Земле, является художественным творчеством. И как здесь человек свою художественную деятельность должен отдавать другим, отдавать физическому миру, так и для находящихся сейчас в духовном мире должно вноситься супротивное. Для них из другого мира душами, которые еще воплощены на Земле, от тех душ, которые они видят более косвенно, чем те, что уже находятся с ними рядом в духовном мире, должно быть принесено воспоминание! Как здесь было бы пусто и холодно человеку только среди природы и истории без искусства, без того, что человек образует помимо и сверх непосредственной деятельности, так и для умерших возник бы мир без воспоминаний о них людей, оставшихся на Земле.

Эти вещи обычно совершенно неизвестны людям во время физической жизни. Да, их не осознают обыкновенным сознанием, но для подсознательных, глубинных основ сознания эти вещи известны и знакомы. И жизнь всегда старается направить их к этому сознанию. Почему в различных общинах такое значение придавали поминовению умерших, так называемым родительским дням? И тот, кто не мог принять участие в общем торжественном поминании, обычно имел свой день поминовения. Почему это так? Потому что в подсознательном сознании людей живет то, что можно было бы назвать темным сознанием о том, что устанавливается в мире благодаря тому, что оживляются воспоминания об умерших, оживляются особенным образом. Когда

в такие дни поминовения открытая душа духовного созерцателя приходит на место, где собралось много народа для поминовения, то она воспринимает, что в этом принимают участие и умершие. Умершие принимают в этом участие, и для них это уподобляется тому, как если бы здесь, в земном кругу, люди посетили бы собор и увидели бы формы, которых иначе они не могли бы увидеть, если бы из художественной фантазии не было создано нечто в добавление к тому, что есть на физическом плане; или как если бы они слушали прекрасную симфонию или что-нибудь в этом духе. В таких воспоминаниях является нечто, выходящее за пределы обычного. И тем, чем в физически-историческом развитии человечества становится искусство, так же и наши воспоминания об умершем входят в ту картину, которую получают от своего мира души, находящиеся между смертью и своим новым рождением. В обычаях, сложившихся в человеческих общинах, подсознательно выражается то тайное знание, которое душа таит в своей глубине. И многие обычаи почитания связаны с этим подсознательным сознанием.

С еще большим восхищением мы можем замереть перед жизнью, которая благодаря духовной науке становится для нас все более и более проникнутой гармонией взаимосвязей. Каждый раз, когда умерший встречает воспоминание о себе тех людей, с которыми был связан при жизни, он испытывает нечто возвышающее и укрепляющее его. И как здесь для нас возникает красота из искусства, так для умерших возникает красота из того, что поднимается к ним как воспоминание и любовь в сердцах тех людей, которым они были дороги.

Это тоже является связью между духовным миром там и физическим здесь. Эта мысль тесно связана с другой мыслью, проводимой в духовной науке, мыслью о значимости, важности земной жизни. Духовная наука ведет нас не к тому, чтобы мы презирали земную жизнь со всем, что она может производить, но к тому, чтобы мы научились считать физическую земную жизнь как бы частью всей мировой жизни и частью, необходимой, для того чтобы земная жизнь могла воздействовать на духовный мир и без чего духовный мир не мог бы проявиться во всей своей полноте. И если мы направим свой взор на то, что из нашего физического мира должна струиться красота для умерших, то нам откроется, что этой красоты не доставало бы в духовном мире, если бы не было физического мира с человеческими душами, которые, еще находясь в теле, могли бы развивать проникнутые чувством любви мысли и направлять их к тем, кто уже не находится на физическом плане. Было очень важно, например, когда в древние времена целые народы на больших праздниках с любовью вспоминали своих великих предков, когда они объединялись в чувстве душевного обращения к какому-то великому предку. Было очень важно, что

они устанавливали эти свои праздники, эти памятные дни. Потому что это всегда было связано со вспыхиванием красоты для духовных миров, то есть для душ, находящихся между смертью и новым рождением. И если здесь, на Земле, нам не кажется слишком глупым, если кто-нибудь находит удовольствие, погружаясь в созерцание своего собственного образа, своего собственного портрета, (не правда ли, в этом есть что-то от глупости?), то для умершего совершенно особое значение имеет образ, созданный о нем в душах оставшихся. Мы должны твердо помнить, мои дорогие друзья, что наш земной человек становится для нас совсем другим, когда его, уже умершего, мы рассматриваем с точки зрения духовного. Это нами часто подчеркивалось. Здесь мы замкнуты в нашей коже. И для нас прежде всего ценно то, что мы обозначаем как «мы», как «я», и именно то, что заключено в нашей коже. И это верно также для «бессамостного» человека! И, может быть, для «совершенно бессамостного человека» это верно в известной мере даже больше, чем для тех, кто считает себя менее бессамостным! Для нас прежде всего имеют значение вещи, которые заключены в нашей коже, а уж потом все остальное, весь остальной мир. Мы смотрим на этот остальной мир как на внешний мир. И потому как раз важно, чтобы, когда мы находимся вне нашего тела, мы были бы объединены с внешним миром; мы живем в этом внешнем мире. Это выхождение из внешнего мира, расширение над внешним миром я уже много раз описывал. И то, что тогда относится к нам как внешний мир, это как раз то, что мы изжили здесь для себя между рождением и смертью. Внешний мир становится, так сказать, нашим внутренним миром; а то, что здесь есть наш внутренний мир, становится тогда внешним миром. Отсюда такой важный опыт, какого я коснулся в моей книге «Теософия», при вступлении в страну духа, который звучит так: «Это есть ты».

Итак, наш внутренний мир здесь, который охватывает наше «я», на который мы затем смотрим, это — внешний мир. И тогда получается, что душа, которая не может быть «там» так эгоистична, как она была эгоистична на Земле, оглядывается на мысли, которые идут ей навстречу как мысли о ней. Это то, что выступает перед ней как внешний мир и как то прекрасное, которое действительно может воплотиться в окружении, как то, что возвышает нас, как то, что может нас тогда возвышать. К тому, что есть внешний мир, — к воспоминанию о том, что мы проделали между рождением и смертью, — прибавляется то, что не живет в этой нашей жизни, но живет в других душах по отношению к нам. Это действительно добавление (Hineinstellen) чего-то, находящегося, так сказать, над нами, над нашим внешним миром, выходящее из него, как становление художественного произведения выступает здесь из обычной, само собой образующейся действительности в качестве такого добавления (Hineinstellen) к существующему. Как мало «приятного» в том, что человек влюблен не только в самого себя, но еще и в свое изображение, так

совершенно понятно, что там, в духовном мире, когда как образ из душ людей, оставшихся на Земле, туда приходит его «изображение», то оно присоединяется к тому изображению, которое он получает от себя. И то изображение, которое приходит к нему от земных людей, относится к нему там, как картина ландшафта относится к самому ландшафту. Так что если этот загадочный вопрос ставится перед душой, то получается образ человека и его образ в душах оставшихся внизу, и отсюда уже можно найти путь к ответу. Но различные рассуждения, как правило, ответа не дают, нужно только умение ждать, необходимо терпеливо ждать. Нам нужно стремиться, собственно, к тому, чтобы задавать духовному миру вопросы, а ответы приходят к человеку как милость, как открывающаяся человеческой душе милость духовного мира.

В течение этой лекции я обращал ваше внимание на то, как люди устанавливают время праздников поминовения умерших и другие праздники, которые связаны с глубоким знанием, не охватываемым обычным сознанием. Это связано с тем, что в глубине своей души человек вообще имеет смутное, но всеобъемлющее знание — и я уже обращал здесь на это внимание, — и даже то знание, которое он охватывает своим обычным сознанием, также извлекается из этих глубин знания. Я уже говорил о том, что мы были бы умнее, если бы верхним слоем нашего сознания могли охватить все, что знает наше астральное тело. Наше астральное тело идет по жизни с гораздо большими знаниями, чем полагают, и обладает гораздо более высокими знаниями. Но мы не ценим эти знания нашего астрального тела, так как ничего не знаем об этом. Однако мы можем создать себе представление об этом обширном знании нашего астрального тела, если поставим перед своей душой следующее.

Видите ли, мы живем, если можно так выразиться, одним днем. Мы судим о разных событиях, обычно мало учитывая их связи, совсем не вникая в них. Если бы мы рассматривали эти связи, то очень многое предстало бы нам совершенно иначе. Представьте себе, как это происходит, когда мы намерены что-либо предпринять. Например, человек задумал что-то сделать. Он задумал что-то с утра, чтобы сделать это вечером. Но в полдень с ним что-то случилось, что помешало ему исполнить задуманное. Это всегда вызывает досаду. Мы думаем, что все было бы гораздо лучше и правильней, если бы мы выполнили задуманное. Астральное тело со своим всеобъемлющим, но не доступным обычному сознанию знанием знает об этом иначе. Астральное тело заранее видит, что если бы данный человек выполнил задуманное, то оказался бы в таких обстоятельствах, что непременно упал и сломал бы себе ногу. Это может находиться в области возможностей, в которую мы почти не в силах войти. Если к вечеру

мы исполняем то, что задумали, то этому предшествует такая констелляция, согласно которой предстояло сломать ногу. Своим верхним сознанием (Oberbewusstsein) этого мы не знаем. А астральное тело это знает, и оно приводит нас в такую ситуацию, что мы сами себе мешаем исполнить то, что наметили. Таким образом, то, что вызывало нашу досаду, было, оказывается, к нашему благу. Но это рождается совсем не из случайности, а целиком из мудрости нашего астрального тела, которое остается вне досягаемости нашего верхнего сознания (Oberbewusstsein). Если бы мы могли видеть, почему мы делаем одно и не делаем другого, поскольку мы не сделали чего-то еще; если бы мы могли все это обозреть, то могли бы понять общую связь нашей жизни, исходящую из более мудрого в нас, чем является наше верхнее сознание.

В нашей жизни уже имеются эти взаимоотношения, но они не прозреваются во всей своей полноте. Но как только мы поставим перед своей душой мысль о том, как мы связаны с духовными мирами, то многое станет нам ясно. Над нами живет существо, которое в самом тесном смысле принадлежит к нам, существо из Иерархии Ангелов, наш защищающий дух. В начале наших рассматриваний мы уже обращались к духам-хранителям тех, кто непосредственно исполняет великие требования нашего времени. Этот дух-защитник видит общую связь. В человеческом сознании из некоего внутреннего чувства постепенно возникает мысль о том, что определенные связи, которые мы не прозреваем, доступны созерцанию этого духа-хранителя. Но иногда наступает следующее. Не правда ли, границы между тем, что мы видим, и тем, что не видим нашим сознанием, бывают изменчивы? Есть такие люди, которые идут по жизни с известным удовлетворением, потому что дают спокойно подходить в себе всему, что на них надвигается, потому что верят в правящую мудрость, потому что они проникнуты пониманием того, что даже то, что вызывает их досаду, и это проникнуто мудростью. Иной раз, когда случается что-то, что противоречит нашим намерениям, очень трудно бывает поверить в вершащее господство мудрости во всем. Однако именно в этом и состоит один из тех импульсов, которые приводят нас к взаимоотношениям с духовными мирами, с действиями духовных миров, для того чтобы, зная о правящей мудрости и доверяя ей, мы не становились вялыми и ленивыми, думая, что мудрость сама все сделает за нас. Итак, эта граница подвижна и сдвигаема. И различными действиями, поступками, образованием замыслов она может быть сдвинута в ту или другую сторону. Тогда-то и вступают в обычное сознание импульсы, которые несут в себе что-то нежное, интимное. И часто случается, что мы предполагаем действовать так, а не иначе, и вдруг врывается что-то, что мешает поступить нам именно так, как мы задумали. У нас появляется чувство, что мы поступаем по необходимости, но тут нельзя грубо братья за дело. Ибо мы знаем, что если мы начнем действовать неделикатно, то

дело сначала распадется, а потом — рассеется. Наряду с той областью, куда мы направляем нашу свободу, свои свободные поступки, наряду с этим более или менее отчетливо мы можем обнаружить внутри себя человека, который хочет прожить жизнь на ощупь и верит, что, двигаясь ощупью, он достигнет намного большего, чем своими точно отмеренными понятиями. Граница является сдвигаемой.

Граница, о которой я говорил, может быть очень подвижной, и тогда можно заметить одно явление, которое следует принимать во внимание по отношению к практике жизни. Есть люди — и в определенном отношении все мы подвержены тому, что руководит такими людьми, — которые очень хотят прожить свою жизнь, так сказать, прямолинейно, руководствуясь только своими желаниями.

Например, какой-то человек начинает дружить с другим человеком. Со стороны совершенно нельзя понять, что может их связывать. Только много лет спустя выясняется причина подобной дружбы, следствием которой было то, что именно с помощью этих отношений свершилось нечто важное, без чего это бы не произошло. Это невозможно понять, и лишь много позднее становится ясно, почему это произошло. Случившееся потребует этому человеку много позднее. Он заключил дружбу не потому, что сам этого хотел, не потому, что ощущал это как необходимость своей души, но как средство для того, что должно будет случиться много позднее. Таким образом, человек ставит в своей жизни все на свои места. Благодаря тому, что он заключил дружбу с каким-то человеком, он достигает того, что может помочь ему в какой-то ситуации значительно позднее. И последствия этого таковы, что с помощью вышеназванного друга действительно происходит то, что иначе случиться бы не могло.

Понаблюдайте жизнь, и вы увидите насколько широко распространено в жизни то, что люди, как бы предвосхищающая события, сами намечают себе то, чего они собственно непосредственно даже и не хотели, потому что подсознательно они действовали здесь для будущего. И тогда можно заключить, что некоторые люди в этой жизненной установке — в данном случае невозможно говорить о мудрости, ибо мы испытываем внутренний протест называть это мудростью, — поднатрели так, что они действуют с необычайной хитростью, чтобы уже на ранней стадии своей жизни сделать что-то такое, что пригодится им гораздо позже. И у нас возникает чувство: собственно говоря, этот человек не окажется столь уж хитрым, если я затею с ним разговор, попробую поделиться с ним своими мыслями. И, вообще, если я буду жить рядом с ним, то найду его намного глупее, чем он должен был бы быть, столь предусмотрительно организовав свою жизнь.

Видите ли, это происходит оттого, что астральное тело человека будет тем смышленнее, чем менее это проявляется у человека в его обычном сознании. Но здесь кроется известная опасность. Когда человек очень сильно загоняет свой эгоизм в бессознательное, когда он не живет в определенной изначальности, а позволяет своему эгоизму слишком сильно вырваться, перепрыгнуть на следующую стадию, то эгоизм берет перевес и захватывает его подсознательное существо. И тогда внутри него оживает человек, который есть в каждом из нас и который побуждает нас принимать жизнь в ее элементарном, непосредственном виде: он побуждает обустраивать свою жизнь так, чтобы изначально создавать условия тому, что будет происходить позже. Здесь видим мы правящим астральное тело с его смышленностью. Но мы видим его сейчас пропитанным не тем, что правит в жизни, а с помощью своего обычного сознания мы видим эгоизм, пронизавший астральное сознание. Эгоизм начинает действовать в астральном теле сильнее, и тогда у человека развивается вредная для него излишняя рассудительность, намного большая, чем требуется ему по степени развития его сознания. И здесь кроются многие опасности для развития души человека. И очень важно сознавать это, чтобы в момент приближения к тому, что обычно живет в нас неосознанно, мы не пытались бы слишком сильно увлекаться своим эгоистичным «достижением». Поэтому нужно снова и снова подчеркивать, что необходимо преодолевать свой эгоизм.

Под нашим обычным сознанием действует нечто, что может быть проникнуто сознанием нашего духа-хранителя из Иерархии Ангелов, и тогда как раз происходит то, что для обычного сознания людей может казаться необдуманым, что, однако, подчинено известному «правилу», которое в одной из мистерий устами одного персонажа я выразил очень просто: «Сердцам часто приходится указывать карму». Если игнорируют то, что сердце указывает на карму, когда дают господствовать рассудку, то к этому рассудку часто примешивается изрядная доза эгоизма. Или же этот эгоизм может действовать в человеке так, что мы находим человека намного хитрее, чем он является нам в обычном непосредственном сознании. Тогда это означает, что человек уже загнал свой эгоизм в астральное тело. И тогда у человека проявляется нечто, что действует не от правильных духовных существ из Иерархии Ангелов, а нечто люциферическое, действующее в его душе так, что оно позволяет человеку познать более широкую сферу, чем та, которая надлежит ему по уровню его развития. Это необходимо подчеркнуть именно тогда, когда мы подходим к духовно-научному развитию, которое является интимнейшей стороной развития человека, и поэтому нужно особенно внимательно следить за тем, чтобы, расширяя свое сознание, стараться при этом все время удалять помехи, которые обязательно возникают при подъеме или опускании (что одно и то же) эгоизма в более глубокую или более высокую сферу сознания.

Вы можете спросить: как же мы можем этого избежать? Ведь это легко сказать, что не надо выводить эгоизм из сферы обычного сознания. Как можно избежать этого выхода эгоизма из сферы обычного сознания?

Да, мои дорогие друзья, это не достигается по правилам, а только расширением своих личных интересов. Расширяя свои интересы, уже в какой-то мере побеждают свой эгоизм. Потому что с каждым новым интересом получают возможность как бы несколько «выйти» из самого себя. Поэтому мы стараемся заниматься духовной наукой так, чтобы не всегда обращать внимание на то, что людям приятно слышать из их эгоизма, а обращать внимание, скорее, на то, что может действительно расширить их интересы.

Мне часто приходится слышать такие требования: зачем вы пишете ваши книги так трудно и непонятно, нельзя ли сделать их более популярными? И мне даже дают советы, как именно надо сделать их более доступными и популярными. Приходится защищаться от такой популярности, ибо она только повышает эгоизм. Если вникать в духовную науку станет слишком легко, то каждый сможет достигать ее без преодоления своего эгоизма. А в работе, которую надо проделывать духовно, и так всегда имеется известная доля эгоизма. Поэтому нужно стараться эту долю эгоизма убирать и терпеливо, неэгоистично, с благоговением ждать того, к чему стремятся в духовной науке. Никакой «популярности» здесь не может и не должно быть. Видите, нам приходится признавать упрек, с которым часто обращаются к нам: «Да, есть люди, которые целыми днями работают. И когда вечером им приходится усаживаться за трудные книги, то они с ними не справляются, поэтому надо предоставить им что-нибудь полегче». И на это приходится отвечать: «Зачем же мешать этим людям, у которых, может быть, мало времени, употреблять его на чтение книг, которые преднамеренно написаны из духовных условий так, что надо сделать усилия, чтобы их усвоить? Разве не должны они тратить свое время на книги, которые читаются легко? Но поскольку такие книги упрощают все вопросы, опуская их почти до тривиальности, то и душу человека они не поднимают, а наоборот, опускают ее в повседневность, из которой ей как раз и надлежит вырваться, поднимаясь в другие сферы».

При изучении духовной науки особенно важно, чтобы принимали во внимание не только «что», но и «как», для того чтобы действительно постепенно приспособиться к вживанию в представления духовного мира, который совершенно иной, чем обычный физический мир, и этим мало-помалу учились бы создавать себе другие представления, чем те, которые с таким удобством создают, взяв их из физического мира. И здесь, в конце

лекции, нужно рассмотреть еще одно представление, которое понадобится нам через восемь дней для последующих лекций. Я хочу ввести его уже сегодня, чтобы было видно, что для составления понятий о духовном мире очень важно усваивать новые слова.

Для тех способов и образа жизни, которые ведет человек между рождением и смертью, у нас имеется слово, которое кое-что отражает в отношении этой жизни, выражает, принимая во внимание то, что мы видим. Это слово — «стареть». У ребенка, например, мы видим в его облике свежесть, округлую прелесть, потому что до известного возраста внутренняя изобильность его существа выливается в его внешнюю форму. Потом настает время, когда внутренняя жизнь уже больше не изливается так. Наступает старость, а с ней мы приобретаем морщины, а также многое другое, что с нами происходит. Короче говоря, мы прослеживаем и наблюдаем эту внешнюю жизнь от рождения до смерти согласно тому виду, который приобретает в течение жизни наше физическое тело. Это мы называем «старением» по той совершенно тривиальной причине, что наше физическое тело молодо, когда мы рождаемся, и старо, когда умираем.

Однако с эфирным телом дело обстоит совершенно иначе. Наше эфирное тело, когда оно направляется к новому рождению или зачатию, старо (если к нему вообще подходит это выражение) благодаря силам, которые его образуют. Оно уже старо, когда свою физическую жизнь мы еще только начинаем. Оно отчеканено и отгравировано, так как в нем отпечатано уже много, много различных внутренних форм — это движения, но они являются внутренними формациями, которые будут приниматься им в течение жизни. Но зато сила жизни в нем будет расти. И оно, как «дитя», когда мы умираем старыми. Эфирное тело совершает как раз обратное развитие, чем наше физическое тело. Если о физическом теле мы говорим, что оно «стареет», то об эфирном теле мы должны говорить, что оно «молодеет», и это верное выражение, когда мы говорим, что в отношении своего эфирного тела мы «молодеем». Мы действительно «молодеем» в отношении нашего эфирного тела, так что когда мы рождаемся, то все силы эфирного тела направляем на все, что заключено в физической коже. А в то время, когда мы в определенном возрасте проходим через врата смерти, оно имеет нечто родственное со всем Космосом. Тогда все те силы, которые были у него отняты, оно получает назад. Когда мы рождаемся, становясь детьми, наше эфирное тело теряет свою связь с Космосом, поскольку все свои силы оно должно посылать в единственное пространство, которое заключено в коже человека. Тогда оно сжато в одной точке мира. В то время как мы стареем (в той мере как стареет наше физическое тело), оно, наоборот, становится все более свежим и таким образом

все более и более возвращается в Космос. Мы даже можем выразиться так: в то время, когда внешне мы становимся все более и более морщинистыми и слабыми, наше эфирное тело толстеет, оно становится образцом творческой силы, изобилующей в детстве. Мы «молодеем» в отношении своего эфирного тела. Итак, приходит настоятельная необходимость постепенно создавать и вводить новые слова для определения отношений духовного мира, отношений совсем иного рода. Это очень важно — подготовить себя к пониманию радикального отличия того огромного своеобразия созерцания духовного мира по сравнению с физическим миром. С этого пункта мы и начнем наши рассуждения в следующий раз.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 14 декабря 1915 года

О ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫХ ДУШЕВНЫХ ИМПУЛЬСАХ

В наших последних рассматриваниях мы направили наше внимание на ту жизнь, которая протекает за жизнью человека в повседневности и заключена в рамки обычной науки, основывающейся только на физическом орудии посредством физического сознания. Эти рассматривания были сделаны с разных точек зрения. В сущности, все наше внимание направлено на ту жизнь, которая протекает под порогом обычного сознания. Однако мы пытаемся, как это и должно быть в духовной науке, подходить к этой жизни с разных сторон.

В то время как человек уверен в действительности внешнего физического мира просто через его созерцание и говорит: «Я знаю, что нечто существует, если я это вижу», то для человека, который даже особыми упражнениями еще не может достигнуть такой же уверенности о духовном мире, можно обрести ее, замечая, что все «точки» сходятся между собой, когда жизнь духовного мира рассматривают с различных точек зрения и в разных освещениях.

Я уже обращал ваше внимание на то, что человек идет по миру, обозревая его не только обычным сознанием, но под порогом обычного сознания протекает жизнь, которая не охватывается сознанием и может быть доступна лишь человеку, который, что называется, проходит через врата посвящения. Однако эта жизнь неосознаваема для обычного бытия. Это происходит и по отношению ко всему, что представляет из себя человек, и по отношению ко многому в мире — позвольте мне так выразиться, — и то, о чем знают, проходя по жизни в физическом теле, — все это лишь самая малая часть того, что, собственно говоря, происходит с человеком. И все усилие войти во взаимоотношение с духовным миром именно и состоит в том, чтобы хоть немного заглянуть в эту жизнь, которая проходит под порогом обычного сознания. Благодаря расширению нашего сознания мы можем переступить порог и заглянуть туда, где мы действительно находимся, но чего обычным нашим сознанием не охватываем. Итак, я сказал, что существует некий подвижный порог между обычным сознанием и тем, что проходит для человека — и это слово имеет для нас определенное значение — «неосознанно-сознательно».

В прошлый раз я приводил простой пример: человек с утра

задумал что-то сделать вечером. Он жил, так сказать, с мыслью, что вечером он непременно это сделает, но в середине дня случается что-то, что помешало ему вечером осуществить свое намерение. Обычному сознанию это представляется событием, которое называют «случайностью». Но если заглянуть в человеческую жизнь глубже, то за этой «случайностью» открывается мудрость, та мудрость, которая находится под порогом сознания. Собственно, эту мудрость не созерцают обычным сознанием, но именно в таких случаях часто открывается, что не будь этой «случайности», человек попал бы в очень неприятное положение. Если бы человек не встретил на своем пути препятствие в середине дня — если вернуться к нашему примеру, — то, может быть, вечером он сломал бы себе ногу или с ним произошло бы что-то подобное. Раскрывая эти связи во всей полноте, можно видеть, что душа этого человека сама искала препятствие и сама вызвала его, что во всем этом есть мудрость, неосознаваемая человеком. Конечно, такой пример еще тесно примыкает к обычному сознанию, но он указывает на область, к которой принадлежит человек скрытыми частями своего существа, которые проходят через врата смерти, после того как человек «снимает» свое физическое тело. Это принадлежит к тому правящему сознанию, о котором мы говорили как о наблюдателе наших волевых поступков. Этот «наблюдатель» всегда с нами. Он ведет и направляет нас, но обычное сознание не знает о нем. Многое, что присутствует среди жизненных событий, ускользает от обычного сознания. Во всех событиях нашей жизни на Земле — под порогом обычного сознания — подготавливается нечто, что как живое существо созревает в яйце, подготавливается то, чем мы станем, когда пройдем через врата смерти.

Теперь нам нужно привести в созвучие то, что мы провели перед своей душой в последних рассмотрениях предыдущей лекции, с тем, что нам известно из прежних рассматриваний. Я часто уже указывал на то, как важна и существенна для человека, пока он находится в физическом сознании, память, та память, которая не должна прерываться. Нам следует вспоминать свою жизнь, доходя в обратном порядке до определенной точки, по меньшей мере пытаясь вспомнить связи нашей жизни. Если мы забыли некоторые события, то должны хотя бы сознавать, что мы существовали, когда эти события происходили. Излишняя забывчивость — это уже некая душевная болезнь, на которую я указал здесь в последних рассмотрениях. Эти воспоминания принадлежат к переживаниям в физическом сознании здесь. Но в то же время эти воспоминания — покров, который в известном смысле закрывает те события, которые я имею сейчас в виду и которые стоят за обычным сознанием, но в сущности стоят за тем покровом, который соткан текущими воспоминаниями. Представьте: сначала все мы дети; и тогда мы находимся на определенной ступени развития нашего сознания, о которой потом не можем вспомнить. Далее наступает момент, начиная с которого

начинают помнить себя, человек начина⁰⁰_{1F}ет улавливать свое «я». Возникает некоторый замкнутый ряд воспоминаний, в котором мы можем проследить свое «я» до определенного времени. Это такая точка отсчета, начиная с которой мы можем помнить себя в своей более поздней жизни. Обычно это случается на втором, третьем, четвер⁰⁰_{1F}том году жизни, иногда позднее. Если мы оглядываемся на свою прошлую жизнь, если вглядываемся в самих себя, то наш душевный взор встречает это воспоминание, и поскольку⁰⁰_{1F} здесь мы являемся физическими людьми, то внутренне мы живем в этих воспоминаниях. Мы вообще не могли бы говорить о нашем «я», если бы у нас не было этих воспомин⁰⁰_{1F}аний. Благодаря такому рассмотрению мы познаем самих себя. Когда человек всматривается в себя, он наблюдает то, что охватывают его воспоминания. Итак, человек всматри⁰⁰_{1F}вается в табло своих воспоминаний. Если в этих картинах оживает не все, что мы пережили, нам известно, что воспомин⁰⁰_{1F}ания могут оживать до определенной точки во времени, и мы даже должны заключить, что своим «я» мы действитель⁰⁰_{1F}но могли сознательно присутствовать при этом и удерживать все эти воспоминания. Если бы это было не так, то связан⁰⁰_{1F}ность нашего «я» разрушалась бы и возникала бы душевная болезнь. Но за тем, что мы отмечаем в наших воспоминани⁰⁰_{1F}ях, за этим находится то, что мы видим духовным взором, что слышим духовным слухом. Это справедливо также для того, что я привел в своей открытой лекции. Ту же силу, которую мы употребляем для воспоминаний, мы применяем, когда вглядываемся в духовный мир при его созерцании. Но это, конечно, не значит, что надо потерять обычную память, чтобы достичь духовного видения, это означает — как я охаракте⁰⁰_{1F}ризовал это в открытой лекции, — что в своих воспомина⁰⁰_{1F}ниях живут по-иному, не так, как при духовном созерцании. И если что-то однажды увидели духовно, то, всматриваясь вновь и вновь, при этом всегда можно увидеть что-то новое.

Я уже часто говорил, что если кто-нибудь действитель⁰⁰_{1F}но читает лекцию из содержания духовного мира, то он берет его не из воспоминания, но должен постоянно «черпать» из духовного мира, создавая это заново. То, что живет в мышлении, нужно всегда заново создавать вновь. То, что живет в мышлении, должно постоянно возобновляться. Дух и душа должны быть всегда деятельными, в данном случае должны творить и творить вновь. Если ясновидящий смотрит в духов⁰⁰_{1F}ный мир, то обычный покров его воспоминаний делается как бы прозрачным и сквозь него он видит духовное. Благодаря⁰⁰_{1F} той силе, которая в другое время создает воспоминания, он видит сквозь покров и всматривается в духовный мир. Если делать свои упражнения строго и энергично, то можно заметить, что, когда употребляют свое мышление в обычной жизни на то, чтобы вещи и события могли воздействовать на нас, тогда поддержкой человеку служит физическое тело как инструмент, для того чтобы действительно можно было

представлять себе вещи; и тогда представления, поддержанные этой действительностью, живут потом внутри нас в качестве воспоминаний.

Если же вступают в духовный мир, то там все время надо быть деятельным, чтобы снова и снова вызывать представления. Начинается непрерывная деятельность, когда достигают того момента, который я охарактеризовал в своей открытой лекции как терпеливое ожидание раскрытия тайн духовного мира. Но при этом надо постоянно сотрудничать! Это подобно тому, как если вы рисуете, то, для того чтобы нечто выразить через рисунок, вам нужно все время вносить что-то от себя. Так, когда открывается духовный мир, надо все время деятельно создавать имажинацию. Имажинация появляется из объективной действительности, но надо участвовать в этом создании представлений. Таким образом приходят к чему-то, что все время происходит с человеком, с двойственным человеком, который, как я уже говорил, скрыто живет в нас внутри нашей физической оболочки, под порогом нашего обычного физического сознания. Если опираться на такое понимание человека, то можно заметить, что, с одной стороны, благодаря ему имеют твердую опору в физическом мире, видят другие вещи внешнего мира и связи между ними, приходят к определенным отношениям с людьми, которые делают то или другое, которые будут делать то или иное. В непрерывном понимании того, что мы развиваем таким образом, и лежит та жизнь, которую мы охватываем нашим обычным сознанием. Но мы замечаем и то, что в основе этой жизни лежит другая жизнь, совсем другая закономерность, в которую мы погружены, когда находимся в астральном теле и в нашем «я» между засыпанием и пробуждением. Наше сознание настолько притушено, что мы не можем ощущать обычными органами чувств, когда находимся в мире духа, который постоянно живет вокруг нас и вплетается в чувственно-видимое как невидимое-нечувственное. Этот мир, рассматриваемый духовно, мы не должны представлять всего лишь уточненным дубликатом физически-чувственного мира, а должны мыслить его духовным.

В наше время из кладезя человеческого познания должно быть извлечено то, что относится к духовному миру. Поистине не только из тех фактов, что открываются духовным исследователям, повествующим о духовном мире, но и из всего хода нашей культурной жизни — я уже обращал на это внимание, рассматривая это явление с разных точек зрения, — усматривается и чувствуется известное стремление людей подойти к своим душам, скрытой стороне своей жизни, стремление узнать об этих скрытых сторонах жизни. Я уже приводил примеры явлений научной и прочей жизни, которые показывают, как живет в современности это ожидание.

В наше сегодняшнее рассмотрение я хочу добавить один совершенно особый пример, из которого видно, что уже в наше время есть люди, которые до известной степени прикасаются к этим тайнам бытия, которые что-то предчувствуют, но которые не хотят (по причинам, которых я коснусь позднее), не хотят подходить к этим тайнам, как это пытаемся делать мы в нашей духовной науке. Конечно, если подходить к таким вещам так, чтобы все эти вещи как бы витали в воздухе, чтобы у людей оставалась приоткрытой дверь и можно было сказать им: «Вы можете этому и не верить, можете не считать это настоящей правдой», тогда они легче принимают духовное. Тому в наше время имеются многочисленные примеры. Я их уже приводил. Сегодня я хочу привести особый пример, относящийся к этой стороне жизни.

Я хочу рассказать об одной замечательной новелле из немецкой литературы недавнего прошлого, можно сказать, жемчужине среди немецких новелл. Она называется «Советник Эйзенхардт». И эта новелла по праву является одной из лучших новелл, которые имеются в нашей немецкой литературе. В ней необычным образом описана одна личность. А именно сам советник Эйзенхардт. Этот советник Эйзенхардт живет в Вене — в новелле очень точно указано, когда он родился: «Доктор Франц Риттер фон Эйзенхардт родился в Вене за несколько лет до начала революции 1848 года», — он стал юристом, позднее председателем окружного земского суда. Он стал значительным юристом своей земли, его боялись все, кому приходилось иметь дело с судом. Ему благоволили его начальники, поскольку он был исключительным криминалистом. Согласно его собственной диалектике, он был способен осудить любого, кто хоть когда-нибудь попадал в его лапы. Он безучастно относился к человеческим жизням и умел изучить свой «объект» так, что тот наверняка попадал в расставленные ему ловушки. При этом советник Эйзенхардт по образу своей жизни был примечательным человеком. В своем душевно-человеческом начале он не обладал даром примыкать к другим людям. Для обычной жизни он был своего рода отшельником. Человеком он был замкнутым, вел безупречную жизнь и старался быть всегда корректным. Он был резок с подчиненными. Не столько приветлив, сколько весьма любезен с любым начальником. Да, я мог бы привести еще много его качеств. Словом, он являл собой образец настоящего надворного советника. Но теперь нам не хотелось бы вдаваться в эти особые свойства его характера — они чудесно описаны в новелле через рассказ одного из его подчиненных, — нет, сейчас нам хочется обратиться к другому. Он был назначен вести процесс против одного удивительного человека, которого звали Марк Фройнд. Этого Марка уже судили за подобное преступление, но меньшее. В данном случае следователь не видел возможности осудить его. Но советник Эйзенхардт его осудил. И в некоторой рукописи, написанной самим советником для цели, о которой я расскажу позднее, он сам описывал, как вел себя

на суде этот Марк и что произошло после вынесения приговора.

Я прочитаю то место, где это описано: «Этот человек еврейского происхождения обладал свойственным данной расе чувством семейственности и питал особенную нежность к только что родившейся внучке, о которой он не уставал говорить своим товарищам по заключению. Он мечтал ее увидеть и был уверен, что его освободят. На следствии Марк все отрицал и был так остроумен, что ошеломил всех разъяснениями обстоятельств дела, и следователь, мягкий к тому же человек, был уверен в его невиновности. Но председателем суда был надворный советник, и хотя Марк проявлял свое остроумие, а защитник произнес трогательную речь, по заслугам оцененную потом газетами, результат процесса оказался для всех неожиданным». Советник Эйзенхардт пишет здесь о себе как будто со стороны, в третьем лице. «Марк Фройнд был единогласно осужден присяжными, а так как у него и раньше были судимости, то получил 20 лет каторги». Сам советник считал этот исход триумфом своей криминалистической практики. «Ибо присяжные явно имели благосклонность к Марку Фройнду из-за его поистине блестящих софизмов, хотя в то время общественное мнение людей было не очень-то благосклонно к представителям его расы, если бы председательствующий в суде своей превосходной и популярно изложенной присяжным диалектикой не обратил эти софизмы подсудимого в ничто. Воздействие обвинительного приговора на подсудимого было таково (это описывает сам советник), что нужно было иметь стальные нервы, чтобы не быть потрясенным и не усомниться в его правильности», все это советник излагает сам. «Сначала Марк пробормотал несколько слов по-еврейски, потом выпрямился, так что показался огромным, веки, обычно почти закрывавшие его глаза, поднялись и открылись его глаза, покрытые красными прожилками, а из его раскрытого рта с неистовым шипением и необычайной быстротой в председателя полетели проклятия и угрозы, которые никак не вязались с достоинством юстиции, поскольку выкрикивались на отвратительном жаргоне. Упомянем только первую фразу: «Господин председатель, вы также хорошо знаете, что я не виновен!» и последнюю: «Погодите, вам за это будет заплачено око за око!» И казалось, что был какой-то смысл в том, что он говорил, будто он, Марк, знает что-то о председателе, что он одного рода с ним, растоптанным человеком, который на этот раз совершенно невинен! Солдаты сопровождения тотчас взялись за дело, усмирили буйного, на которого председатель сейчас же наложил дисциплинарный штраф. Когда солдаты стали уводить его, он зарыдал, и в коридоре еще долго раздавались его возгласы о маленькой внучке, которую теперь он больше не увидит. «О, моя бедная, бедная малышка, ты уже никогда не увидишь своего деда!» Господа присяжные всем этим были очень взволнованы, некоторые плакали и просили своего старшину обратиться к председателю с просьбой, нельзя ли,

если это возможно, пересмотреть дело. Помимо недостаточных познаний в области законодательства у них не было достаточного опыта, чтобы знать, что подобные вспышки чаще бывают у закоренелых виноватых преступников, чем у невинно осужденных, которые встречаются значительно реже, чем рисует фантазия публики, начитавшейся романов. А следователь, столкнувшись в дверях с председателем, сказал ему, слегка качая головой: «Господин советник, я не завидую вашему таланту».

Далее все шло как полагается: Марк сидел в тюрьме, а советник спокойно жил на свете. О том, как он жил дальше и что далее произошло, он также рассказывает в своем повествовании. Прошло много времени, довольно много времени с тех пор, как Марк был заключен. И вот однажды произошло следующее.

«Совершенно так, как это происходило, — так пишет сам советник, который продолжает свой рассказ, — в два часа ночи с 18-го на 19-е марта советник проснулся с мыслью и ощущением, что давно позабытый им изрыгающий проклятия Марк, такой, каким он был на суде, стоит сейчас перед его душой. Ужас сковал его».

Итак, в ночь с 18-го на 19-е марта около двух часов советник пробуждается ото сна, вспоминает Марка, вызывая в памяти прошлое, и не знает, думал ли он в прошедшие годы хоть сколько-нибудь о Марке или нет. И у него возникает впечатление, что Марк встает перед ним как живой.

«И в то время, как названная личность недвижно лежала, вытянувшись своим телом, как в столбняке, его фантазия подобно молнии осветила все мельчайшие подробности прошлых воспоминаний. Но при этом он не осознавал точно: вспоминал ли он хоть раз за все эти годы об этих событиях или нет. Все это явилось ему в один миг, и ужас парализовал силу его мышления».

Итак, он, советник Эйзенхардт, проснулся посреди ночи и вынужден был думать о Марке Фройнде, должен был вспомнить о том, что тогда разыгралось, и не знал точно: а вспомнил ли он, вообще, в своей жизни об этом.

Опять цитирую: «Так он лежал с часто бьющимся пульсом и не мог, хотя ему этого очень хотелось, зажечь свет, поскольку от ужаса не мог пошевелить рукой. Тут ему показалось, что кто-то совсем тихо стучится в дверь. Скорее это было похоже на царапанье, как будто собака просит впустить ее в дом. Он невольно спросил: «Кто там?!» Ответа не последовало, и дверь не открывалась, но у него было точное ощущение, что в комнату что-то

вползло, послышался легкий скрип половиц от двери к кровати, как будто это невидимое существо приближалось и, наконец, остановилось совсем рядом. Было ясное ощущение чьего-то присутствия, и это был не кто-то вообще, нет, он ясно понимал, что это Марк, чей внезапно замерцавший образ только что вырвал его из сна. Ему даже показалось, что Марк склонился к самому его лицу. Но в это самое время советник опять заснул, сам не сознавая и не понимая этого, а во сне грезящаяся личность часто сливается с самим спящим (согласно идее Шопенгауэра о тайном единстве всех индивидуальностей, описанной в книге, которую советник читал на ночь перед сном), словом, в нем вспыхнула нелепая мысль, что он сам и этот Марк — одно и то же лицо, и как бы в подтверждение этого нелепого, противоречащего всякой логике допущения — чисто внутренне подключив свои органы речи, — это существо стало повторять все те угрозы и проклятия, которые когда-то изрыгал Марк, насколько все это можно было вспомнить годы спустя. Он проснулся с жутким чувством, что теперь эти угрозы будут сбываться, зажег свет и увидел, что часы у прикроватной тумбочки показывают 2 часа 10 мин. В комнате все было как всегда, но сейчас все казалось ему странным. Он выпил глоток воды, чтобы хоть немного прийти в себя».

Так рассказывает в этой новелле сам герой. «Все это происшествие сначала заставило его быть Марком Фройндом в мыслях. Потом у него возникло, скажем так, видение. Но оно, — так рассказывает он дальше, — произвело на него такое сильное впечатление, под действием которого он направился в суд и попросил достать ему все акты, относящиеся к делу Марка». Но ему никак не могли все это найти. Случилось нечто другое. В сущности, советник Эйзенхардт был свободным мыслящим человеком. Здесь он только повествует о том, как все это с ним происходило. Мы даже увидим, почему он все это рассказывает. Итак, ему показалось смешным и даже чем-то недостойным то, что он об этом упомянул.

«Упомянутый человек даже упрекал себя за свое недостойное и смешное поведение, за то, что с ним произошло, и что он придал всему какое-то значение, но в результате его железная воля была надломлена, он чувствовал себя скованным, и ему даже приходилось скрывать от окружающих свое угнетенное состояние. И однажды утром ему показалось, что он слышит в группе своих подчиненных, собравшихся в уголке темного судебного коридора, живую беседу, во время которой упоминается имя Марка Фройнда».

Итак, однажды он приходит в суд — собственно, он никогда бы не отважился на последующее повторно — и слышит, что какие-то люди в коридоре о чем-то оживленно беседуют. Проходя мимо них, он вдруг слышит, что кто-то произносит имя Марка Фройнда.

«Так как этот человек и это имя стало для него своего рода навязчивой идеей, ни на минуту не оставлявшей его в покое, он подошел и спросил окружающих, о ком они говорят». Он даже думал, что услышал имя Марка Фройнда из-за самообман⁰⁰_{1F}. И чтобы исключить последний, останавливается и задает свой вопрос. «О ком вы говорите, господа?» «О Марке, о Вашем Марке, господин советник, разве Вы уже не помните его?» — ответил тот самый мягкосердечный следователь, как раз оказавшийся здесь и который столь опрометчиво выска⁰⁰_{1F}зался в прошлый раз. «Что же с ним?» — спрашивает совет⁰⁰_{1F}ник. Он чувствует, что у него буквально замирает дыхание. «Слава Богу, Марк умер, теперь он свободен», — отвечает этот добряк. «Умер? Когда же?» «Две-три недели тому назад. Сейчас здесь есть господин N. Он советник земского суда и должен знать точно». «В ночь с 18-го на 19-е марта этого года около 2-х часов ночи», — отвечает последний.

Итак, нам рассказывается, что советник Эйзенхардт осудил Марка Фройнда. Прошло время. В ночь с 18-го на 19-е марта советник просыпается, сперва вспоминает его в мыслях, затем перед ним возникает видение, он испытывает невыносимый ужас, хочет заняться его делом вновь, но время идет, и он ничего не делает в этом направлении. Наконец из разговора сослуживцев он узнает, что в ту минуту, когда тот явился к нему, прополз в его дверь, как собака, пробрался в дом, как некий пудель, этот Марк Фройнд, и именно в тот миг он умер. Ну и для того чтобы все это понять, надо знать конец новеллы. Потому что в конце новеллы говорится, что стечением обстоятельств, которого нельзя было даже предп⁰⁰_{1F}ложить, советник как председатель суда по одному важному процессу о шпионаже был вовлечен как раз в такие отноше⁰⁰_{1F}ния с некоторыми личностями, что стал руководствоваться своими темными инстинктами. В связи с чем он совершает нечто, по поводу чего сам осудил Марка Фройнда. И теперь вовлеченный своей страстностью в это преступление, имея его уже за спиной, он совершенно особым образом вспом⁰⁰_{1F}нил то, что сказал ему Марк после своего осуждения: «Вам будет заплачено око за око, только подождите! Вам воздаст⁰⁰_{1F}ся око за око!»

Под порогом сознания советник пережил нечто, что указанным образом связано с его прошлыми действиями и что таинственным образом совпадает с исполнением того, чем пригрозил ему умерший. Да, это взаимосвязано еще более глубоко. Тот, кто написал эту новеллу от первого лица, как будто кто-то рассказывал ему про этого советника, сам бесед⁰⁰_{1F}вал с одним из его подчиненных. Этот подчиненный был остроумен, философски настроен и сказал: «Этот советник был столь способен в отношении всего этого, одарен способ⁰⁰_{1F}ностью входить в глубины подобных вещей, потому что сам имел предрасположенность к ним. И он проникал в какие-то вещи глубже всего, поскольку и сам имел

задатки ко всему этому». Это показано в новелле. Интересно, что около 2-х часов ночи с 18-го на 19-е марта у советника возникает мысль, что он составляет как бы нечто единое с Марком, это происходит именно в момент смерти последнего. Эта слитность, этот укол сознания проходят перед его душой, и ему открывается связь, которая обычно лежит под порогом сознания, сейчас он видит ее. Само собой разумеется, она открывается ему не произвольно, не как любому другому, а так, как она открывается именно ему.

И интересно, что писатель, сочинивший эту новеллу, расставил все вехи повествования так, чтобы сделать свое детище понятным. И в своем сознании мы должны вызвать это видение ночью, ведь советник, как сказано, был человек твердый, жесткий, не проявляющий душевности в жизни, а крепко и даже грубо стоящий на ногах, но внутренне вполне здоровый. И такой человек вдруг оказался совершенно сбит с толку. Ведь сбить с толку такого человека можно только благодаря какому-либо серьезному внешнему симптому. Точно он открыл, что у него шатается зуб и его легко вынуть даже пальцем, а затем к нему приходит мысль, что в его жизни что-то разрушается и идет под откос. Он думает: так теряешь ты часть за частью кусочки своего организма. Но это было бы еще не самое плохое. Хуже всего оказалось то, что слабела память, которая была необходима при его специальности более всего. Итак, с этого мгновения он начал терять свою память. Естественно, что сам он заметил это не сразу. Он фантазирует относительно разрушения своего организма, как излагает это в своем письме, когда описывает себя в третьем лице. И поскольку профессия требовала от него обладать хорошей памятью, которую он развил своими ежедневными упражнениями, то он начал бояться жизни. И действительно, он начал замечать, что уже не в силах вспомнить определенные вещи, которые прежде так легко всплывали в его памяти и которые он с такой легкостью объединял.

Представьте, как интересно, что новеллист связывает возможность частичного ясновидения с потерей памяти, вернее с ее ухудшением. Затем память у него восстанавливается, и он приходит к мысли все это записать. И он вспоминает себя: «Ты был таким!» Но, как человек свободомыслящий, он все же думает, что это являлось болезненным явлением, и боится сойти с ума. Он понимает, что избежал опасности помешательства, хотя и был близок к этому. Между прочим, такое вообще лежит в природе «свободомыслия». Он стесняется посоветоваться с кем-нибудь и наконец решает все описать в третьем лице и показать свои записи психиатру, как будто все происходило не с ним, чтобы услышать его мнение обо всем этом. Таким способом он хочет выведать у психиатра, что тот думает об этой ситуации. И благодаря этому вся эта история всплывает. Данным документом воспользовался

новеллист, чтобы кое-что сообщить о душевной жизни этого человека.

Видите ли, перед нами запечатленное художественно произведение, прекрасное произведение, которое по существу указывает на такие элементы, о которых нужно говорить в духовной науке. А именно на то, что говорится о связи между памятью и способностью воспоминания, и о возможности ясновидения в духовном мире. Это прекрасно делает новеллист, когда указывает на уменьшение памяти как раз тогда, когда советнику явились, можно сказать, обрывки этих таинственных связей. И поразительно, как строится весь рассказ, как постепенно составляется он. Видно, что автор говорил себе: да, за пределами нашей жизни бывают такие взаимоотношения. Он выразил эту мысль в форме новеллы. Так тонко мог написать только человек философского ума. Это г-н Альфред Фрейхерр фон Бергер — многолетний директор Гамбургского драматического театра, затем он стал директором Венского городского театра. В действительности, эта новелла относится не только к тому лучшему, что написал Бергер, но поистине она принадлежит к жемчужинам немецкой литературы в области новеллы. Разумеется, я говорю это не потому, что в новелле разрабатывается тема столь близкая нам, но потому, что только тонко мыслящий человек мог сделать такое тонкое наблюдение в таком кажущемся «ненормальным» вопросе. Когда я говорю о значении и ценности этой новеллы, то имею в виду чисто художественную точку зрения. Действительно, это новелла написана так, что каждый читатель осознает: человек, написавший такую историю, еще лучше мог бы написать биографию советника Эйзенхардта, ибо он пишет это так, что возникает чувство полной реальности повествования, как если бы добрый г-н Бергер сам был знаком с персонажем своего рассказа и просто описал ход его жизни. Нужно сказать: такому человеку, как Альфред Фрейхерр фон Бергер, легко приблизиться к духовному миру и насколько близок он к тому, чтобы познакомиться с этими отношениями через духовную науку! Насколько значительным могло бы это стать для господина Бергера, если бы, познакомившись с духовной наукой, он мог, например, сказать себе: «Как же этот советник, после того как засудил невиновного Марка Фройнда, будет жить в то время, которое непосредственно следует за переходом через врата смерти, которое мы называем камалокой?» Я уже говорил, что тогда человек живет результатами своих действий, тем, какое значение имели они для других, по отношению к которым были совершены. То, что совершил советник во время суда, вероятно, очень радовало его, и он гордился тем, что своей диалектикой преодолел софизмы подсудимого и так убедил присяжных своей речью, что они обвинили Марка. Свое глубокое удовлетворение он выразил одной фразой: «Можно посчитать его заслугой, что, выступив против софизмов подсудимого и одновременно произнеся свою

речь, он убедил присяжных вынести обвинительный приговор, хотя после судебного разбирательства они захотели пересмотреть его ввиду его воздействия на обвиняемого». Так это выступает со стороны советника. Со стороны же Марка Фройнда дело выглядит так, что нам нужно сказать: «Мы видим воздействие на него приговора. И в том, что подействовало на душу Марка Фройнда, «в этом» воздействии *должен* будет жить советник в камалоке». Именно отражение его собственной кармы и открывается советнику в момент смерти Марка Фройнда, в миг его перехода через врата смерти. Эта картина открывается ему так, что он видит себя единым с Марком, идентичным с ним, он чувствует себя сейчас единым с ним. Мы видим, что советник получил предчувствие камалоки. И это действует на него настолько сильно, что он переживает сейчас не только то, что было когда-то в прошлом, в нем начинается нечто, что связано со всем делом, и лежит под порогом его сознания. Здесь имеет значение каждый отдельный штрих. Я сказал, что на некоторое время, когда ему приоткрывается этот краешек духовного мира, где он заново наделяется великой силой природной памяти, он потерял свою память. Но затем, когда он ведет дело о шпионаже, память у него восстановилась. Но именно во время этого процесса он оказался вовлечен в такое же преступление, за которое когда-то осудил Марка при помощи своей диалектики. Сила, которая прежде исходила от памяти, теперь превратилась в силу инстинкта, и он тотчас впал в ошибку, так как теперь уже не видел связи, которая скрывается под порогом сознания, связи между тем, что он делал теперь, и тем, что приписывал Марку. Это привело к тому, что в конце процесса, который должен был стать его триумфом, он вернулся на службу, в свою контору, чтобы сделать следующее.

«Вернувшись к себе в контору, ключ от которой он носил с собой, Эйзенхардт зажег на письменном столе две свечи, вымыл руки, лицо и волосы, затем сменил свою служебную униформу на гражданский костюм и долго ходил по конторе взад и вперед. Потом из верхнего ящика письменного стола вынул новый револьвер, который, вероятно, купил в худшее время своего нервного расстройства, аккуратно его зарядил, тщательно прочистив патронник. Достал из шкафа служебный бланк и написал на нем:

«На имя его Величества императора!

Я совершил тяжкое преступление и чувствую себя недостойным занимать свой пост и, вообще, жить далее. Я вынес себе строгий приговор и в следующую минуту приведу его в исполнение собственной рукой.

Эйзенхардт Вена, 10 июня 1901 года».

Письмо было написано твердой рукой. Стояла четкая подпись.

На следующее утро его нашли мертвым».

В новелле описано совершенно замечательное стечение обстоятельств, и нужно сказать, что ее автор вполне мог предвидеть, какая связь стоит между тем, что видно здесь обычным сознанием, и тем, что происходит под порогом сознания, то есть видны духовные события, в которые вплетен человек. Не правда ли, извне видно только то, что совершается на физическом плане в физическом мире. А именно то, что советник осудил Марка и так далее. Если бы это не случилось так, что советник начал дряхлеть и потерял память, то, может быть, он и не увидел бы этого кусочка духовного мира, он бы не открылся ему. Тогда все осталось бы в подсознании. Как раз такая новелла послана в мир как бы для того, чтобы сказать: да, есть нечто за обычной жизнью, и в особых случаях это проявляется очень ясно. Но обычно люди не хотят обсуждать такие вещи конкретно, им неприятно подходить к такой реальности. В новелле же, поскольку она служит для развлечения, а не требует серьезной веры в то, что изложено, это может показаться интересным.

Мои дорогие друзья, то, что удерживает людей от желания познать духовный мир, это есть нечто, с чем они не знакомы. Дорога к духовному проходит в двух направлениях. В одном направлении мы как бы приподнимаем покровы природы и исследуем то, что лежит за явлениями внешнего мира. А в другом направлении мы как бы пробиваем покров собственной душевной жизни и исследуем то, что лежит за ним. Обычная философия также старается проникнуть за основы бытия, пытается решать мировые загадки. Посмотрим, как она это делает. Она наблюдает природу непосредственно или путем опыта и затем обдумывает это. Но когда понятия, полученные благодаря такому знанию из природы, накапливаются и их соединяют в различных комбинациях, то часто приходят к тому, что никак нельзя назвать действительностью. Через последующее обдумывание (Nachdenken) того, что представляется человеку, нельзя заглянуть за покров бытия. Я уже говорил в открытой лекции: наши вечные силы проявляются в нас тем, что сначала они создают нам орудие, и с этим орудием, с этим инструментом мы подходим к тому, что дает простое сознание. И когда мы образуем свое обычное сознание, то должны пользоваться этим орудием. Когда затем мы приобретаем опыт обычного сознания, то у нас уже имеется в готовом виде то, что было создано в нас вечными силами. За тайны природы мы проникаем не через размышление, совсем другим способом. Через медитацию, как я описал в моей открытой лекции, укрепляется мышление, и тогда как милость приходит откровение духовных миров и мы смотрим на природу совсем иначе. Совершенно иначе!

И человеческую жизнь мы видим по-иному. И тогда природа, какой-то процесс, вещь или событие, с которым мы встречаемся, — все это постигается иначе. Одновременно со всем этим возникает осознание: прежде чем ты, собственно⁰⁰_{1F}но, увидел розу, кое-что уже произошло. То есть ты видишь сначала представление, восприятие, но восприятие образова⁰⁰_{1F}лось прежде. В этом кроется духовное, в восприятии; в этом находится воспоминание, напоминание о предмыслении (Vordenken). Здесь кроется тайна, к которой можно подступ⁰⁰_{1F}ить с помощью духовного исследования.

Не правда ли, философ видит розу и затем философствует о ней через последующее обдумывание (Nachdenken); тот, кто хочет проникнуть в тайну розы, совсем не обязательно должен размышлять, так как ничего не происходит. Но видя, розу, он осознает, что, прежде чем она дошла до его чувственного созна⁰⁰_{1F}ния, произошел, разыгрался некий процесс. И тогда это приход⁰⁰_{1F}ит как воспоминание, которое предшествует созерцанию. То, что дается нам как воспоминание, это то, о чем мы знаем: ты совершил это, прежде чем пришел к чувственному созер⁰⁰_{1F}цанию. Все это предмысление (Vordenken) по отношению к внешней природе, которое остается бессознательным и которое возникает потом как воспоминание: вот чем оно определяет⁰⁰_{1F}ся. Все дело в том, что никаким последующим обдумыванием (Nachdenken) нельзя проникнуть в тайны природы, а только лишь предмыслением (Vordenken). Так же мало проникают в тайну того, что является содержанием души, если не обраща⁰⁰_{1F}ются к тому «наблюдателю», о котором я говорил.

Если вы вспомните, что в этой новелле советнику Эйзенхардту кусочек духовного мира открывается как раз тогда, когда этот человек замечает разрушение в себе самом, то можно усмотреть своеобразную иллюстрацию к тому, что я изложил. Когда с помощью упражнений в области мышления оно усили⁰⁰_{1F}вается так, что могут созерцать в духовном мире, тогда одновре⁰⁰_{1F}менно приходят к разрушению, к тому, что связано со смертью. Мистики всех времен выражали это тем, что говорили: «Прийти к вратам смерти». Это значит прийти ко всему тому, что являет⁰⁰_{1F}ся в человеческой жизни разрушающим. Итак, мы приходим к тому, что если действительно мы довели возможность своей медитации до той точки, что достигаем события посвящения, то мы знаем: «Ты стоишь у врат смерти. Ты знаешь, что в тебе есть нечто, что действует в тебе с самого зачатия и рождения, затем собирается вместе и становится явлением смерти, сбрасывани⁰⁰_{1F}ем физического тела». Тогда говорят себе: «Но все, что ведет к смерти, происходит из духовного мира. То, что проходит через субстанцию наследственности, соединяясь с ней, вышло из духовного мира». Мы видим находящегося в физическом мире человека и говорим себе: «Все, что выступает нам в его лице, что выражается в его словах,

словом, все, что он делает как физический человек есть выражение того, что он сам себе подготовил в духовном мире своей последней смертью и своим последним рождением». Внутри этого живет его душевное. Но из всего смысла этого рассуждения мы можем заключить, что то, что живет в человеческой душе между смертью и новым рождением, привлекает силы из духовного мира, чтобы в этом воплощении между рождением и смертью создать из человека именно то, чем и является человек. И тогда — если вы вспомните, как я представил это в своей открытой лекции, — действительно познаешь: «То, что усиливает волю в медитации в мышлении, может переживаться как развивающийся зародыш (Keim), который опять проходит через врата смерти, снова подготавливаясь в духовном мире к новому воплощению и таким образом в человеке совершается вечный процесс развития: из духовного мира выходит духовно-душевное, создает себе человека здесь. В этом человеке, как точка, снова возникает то, что является в жизни зародышем (Keim). Затем опять проходят через врата смерти — и так продолжается развитие». Таким образом, когда здесь перед собой мы видим человека, то действительно оказывается: таким, каков он находится перед нами, он был создан для духовного мира в своем качестве человека. С тем, что человеку дают родители как наследственность, соединяется то, что вышло из духовного мира, вынесено самим человеком. В духовном мире он был среди духовных сил, так же как здесь в физическом теле он находится среди сил природы. Он был среди тех духовных сил, вместе с которыми готовил себя к этой инкарнации. Действительно если мы видим перед собой человека в одной инкарнации, то будет так, как я показал это во второй драме-мистерии «Испытание души»: «Целые миры Богов действуют, чтобы представить человека». Между смертью и новым рождением действуют духовные силы, чтобы «вставить» человека в его бытие. Этот человек здесь есть цель духовных сил, которые действуют между смертью и новым рождением.

Видите, все это знает и выражает определенное научное направление — духовнонаучное направление. То, что я сейчас представил, один уважаемый человек выразил это так: «Телесность есть конец путей Божьих». Он хотел сказать, что в то время, когда мы находимся в духовном мире и вплетены в божественный мир между смертью и новым рождением, мы подготавливаемся к нашей телесности. Она есть конец «путей Бога». Он только не прибавил еще, что в телесном подготавливается новое начало, которое опять проходит через смерть и ведет к новому воплощению. Это выражение, что «телесность есть конец путей Бога», является даже лейтмотивом всех произведений, которые написал около столетия тому назад один замечательный человек, который снова и снова обращал свое внимание на то, что человеческое знание должно идти путем духовного познания, проникать в духовные связи. Так думал и говорил *Кристоф Этингер*. То, что он хотел сообщить,

можно найти у старых теософов. Этингер тоже хотел представить в своем роде теософию. Его издатель *Рихард Роте* написал прекрасные слова в конце предисловия к книге Этингера. Он хотел выразить, что в старые времена люди искали спиритуальных путей, но по-своему. И что придет время, и оно уже недалеко, когда с полным научным сознанием возьмутся за то, что, в сущности, всегда искали. Роте говорит: «То, что, собственно, хочет теософия, у древних теософов зачастую тяжело познать. И, что самое главное, если теософия сделается наконец вполне научной и получит ощутимые результаты, тогда они мало-помалу перейдут в общее убеждение... Но это лежит в лоне будущего, которое мы не хотим предвосхищать». Так говорил Рихард Роте, гейдельбергский профессор, о теософии Кристофа Этингера в ноябре 1847 года.

То, что искали как духовную науку, было всегда, но давалось в другом роде, чем сейчас. Сегодня человек должен искать ее уже иным способом, так, как это надлежит делать в наше время. И я часто высказывал, что теперь естественнонаучное мышление пришло к такому моменту, когда именно из естественнонаучного образа мыслей нужно искать научную форму для того, что в качестве науки жило в теософии всех времен. И если Роте, как издатель Этингера, говорит о том, что он думает: «Однако это покоится в лоне будущего», то в 1847 году будущим было нечто, что безусловно созрело в настоящем. Мы стоим сегодня перед временем, когда уже можно указывать (новеллу Альфреда фон Бергера «Советник Эйзенхардт» я привел лишь как пример), что человеческая душа действительно созрела, для того чтобы постепенно начать подходить к духовным истинам, только ей не достаёт мужества по-настоящему охватить эти истины.

Как я уже говорил, в две стороны ведут дороги в духовный мир, когда люди заглядывают за покровы природы. Почему же с таким трудом вступают на этот путь люди, которые привыкли мыслить научно и им надо было бы только приподнять это мышление описанным способом до своего внутреннего средства? Почему? Они говорят, что для человека существует граница познания: *ignorabimus!*

Почему же не хотят они вступать в духовный мир? Ах, да это лежит уже за порогом сознания!

Внутри сознания ссылаются на так называемую логическую основу, для того чтобы не заходить в духовный мир. Подводится логическая основа, которая достаточно известна. Но под этим логическим обоснованием скрывается истинная внутренняя основа: страх перед духовным миром. Только эта причина не доходит до сознания, этот страх подсознательно. И если бы это

поняли, если бы только познакомились с существованием этого неосознанного страха и поняли бы, что все, что высказывается и звучит относительного этого, есть только маска, скрывающая этот страх, то уже многое было бы познано. Это одно. Другое же состоит в следующем: как только попадают в духовный мир, то будут захвачены существами духовных Иерархий, как сами владеют своими мыслями. В духовном мире будут уподоблены мыслям. Этому внутреннему не противится наше душевное, оно боится оказаться захваченным духовным миром. Опять возникает некоторый род страха. И возникает страх бессилия: боязнь оказаться захваченным духовным миром так, как при рождении бывают захвачены физическим миром, его силами. Страх наружу и боязнь определенного бессилия в ситуации захвата со стороны духовного мира удерживают людей от приближения к духовному. Им хочется, как Бергер в своей новелле, иногда поплескаться в волнах духовного мира, но они хотят делать это безответственно и не имеют достаточного мужества действительно подойти к постижению духовного мира, что по-настоящему может случиться через упражнения внутреннего опыта, которые я уже много раз описывал, как и овладение тайнами природы может быть достигнуто путем внешних экспериментов.

Если к тому, что я говорил, вы прибавите то, что я приводил в одной из открытых лекций о связи между гениальными силами, которые вступают в жизнь, и ранними смертями, вызванными тем, что у человека отнимается его физическое тело — посредством пули или иным способом, например на поле брани, — если вы вспомните о том, что я приводил, когда говорил, что если силы изобретательства, гениальные силы выступают в человеке, то они являются следствием тех процессов, которые происходят, когда у человека отнимается его физическое тело, тогда перед вами здесь выступает нечто, что остается под порогом сознания. Но в мужестве, в том, каким образом человек жертвует собой для великой задачи времени, находится инстинктивное выражение того, что находится под порогом сознания и не может в полной мере охватываться сознанием. Однако в наше время уже имеется импульс к развитию того человеческого сознания, которое поднимается к пониманию духовного так, что человек может знать об этом. Я всегда подразумеваю этот смысл, когда указываю на то, что именно в великих событиях нашего времени во всем, что разыгрывается вне [порога] сознания, лежат значительные подсознательные процессы, и никогда события нашего времени не могут исчерпываться тем, что какой-нибудь историк будет рассказывать о них. Он не сможет постичь эти события в великой связи развития человечества. Больше, чем когда-либо, в них обитает надежда будущего, лежащая пока что в бессознательном. И поэтому как раз духовный исследователь может указать на будущее, чтобы в верном свете мирового целого рассматривать наши теперешние исторические события, указывая их духовные

подосновы. И с этой точки зрения все снова и снова встает перед душой то, что мы всегда произносим в конце наших рассм⁰⁰_{1F}трений:

Из мужества бойцов,

Из крови сражений,

Из страданий покинутых,

Из жертвенных деяний народа

Вырастет духовный плод —

Если души в духовном сознании

Направят свои помыслы

В царство духов.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 19 декабря 1915 года

ИДЕЯ РОЖДЕСТВА И ТАЙНА «Я»

Вспомним изречение, обращенное к нам из потаенных глубин земного развития:

Откровение божественного в вершинах бытия,

И мир тем людям на Земле,

Что проникнуты доброй волей.

И с приближением Рождества в этом году мы в первую очередь должны задуматься о том, какие чувства связывают нас с этим изречением и его глубинным общемировым смыслом? Тем глубинным общемировым смыслом, что воспринимается бесчисленным множеством людей так, что в нем звучит и отдается слово «мир», причем в такое время, когда этот самый мир обходит обширнейшие области нашего земного существования стороной. Какими мы вспоминаем данные слова в это время?

Первая мысль заключается в том, что, быть может, при теперешних обстоятельствах это раздающееся по всему миру восклицание должно нас затрагивать даже с большей интенсивностью, чем в другое время. Подумать только! Народы враждебно противостоят друг другу. Кровь, много крови льется на нашу Землю. Нам доводится наблюдать, ощущать бессчетные смерти вокруг. Безмерное страдание пронизывает окружающую нас атмосферу в области восприятий и ощущений. Ненавистью и антипатией веет в духовном пространстве, что с легкостью могло бы показать, насколько пока еще бесконечно, безмерно удалены в наше время люди от той любви, о которой желал возвестить тот, чье появление на свет празднуется на Рождество. Но одна мысль приходит на ум прежде всего: мы помышляем о том, как враг может противостоять врагу, соперник — сопернику, как люди могут взаимно причинять смерть один другому и как они могут проходить в одни и те же врата смерти с мыслью об этом божественном подателе света, о Христе Иисусе. Мы думаем о том, как на той Земле, по которой распространяются война, и боль, и раздор, могут быть едиными те, кто столь разъединен, поскольку в глубине сердец они несут свою связь с тем, кто явился в мир в день, когда

мы торжественно справляем Рождество. Мы думаем о том, как сквозь всю вражду, всю антипатию, всю ненависть повсюду в человеческие души может проникнуть из крови и ненависти: мысль о внутренней⁰⁰_{1F} связи с тем, кто связал сердца чем-то таким, что выше всего того, что когда бы то ни было могло разделять людей на Земле. Так что вот поистине мысль бесконечного величия, мысль бесконечной глубины восприятия, мысль о Христе Иисусе, который объединяет людей, какими бы разъединен⁰⁰_{1F}ными они ни были во всем, что связано с мирским.

И когда мысль такого рода приходит нам на ум, желание постичь ее с еще большей глубиной возникает именно в настоящий момент. Ибо тогда мы начнем догадываться, как много связано с этой мыслью из того, что должно сделаться великим, и мощным, и влиятельным в рамках человеческого⁰⁰_{1F}го развития, дабы человеческие сердца, человеческие души могли достигнуть многого как-то иначе, нежели достигают⁰⁰_{1F}ся теперь — на основе кровопролития.

Чтобы Он нас укрепил, чтобы Он сделал нас сильными, чтобы Он наставил нас в земном существовании в том, как действительно — наперекор всему разделяющему — воспри⁰⁰_{1F}нимать в наиподлиннейшем смысле слова рождественский благословляющий призыв: вот о чем должен вновь и вновь вопрошать тот, кто действительно ощущает свою связь с Христом Иисусом.

В истории христианства существует предание, с которым мы сталкиваемся вновь и вновь в более поздние эпохи, так как оно бытовало в определенных христианских местн⁰⁰_{1F}остях на протяжении столетий. Еще в древние времена в разных областях, преимущественно христианскими церква⁰⁰_{1F}ми, верующим предлагались изображения таинства Рожд⁰⁰_{1F}ства. Именно в ту древнейшую эпоху изображение таинства Рождества начиналось с чтений, а подчас и с постановки истории творения, той истории сотворения мира, какой она изложена в начале Библии. Вначале изображалось, причем именно на Рождество, как из глубин Вселенной разда⁰⁰_{1F}ется звучание Мирового Слова, как из Мирового Слова постепенно возникает творение, как к человеку присту⁰⁰_{1F}пает Люцифер, как вследствие этого человек начинает земное существование иначе, нежели то было предусм⁰⁰_{1F}трено для бытия изначально, до того, как на сцену высту⁰⁰_{1F}пил Люцифер. Исполнялась вся история искушения Евы и Адама, а затем показывалось, как именно человек оказывал⁰⁰_{1F}ся словно включенным в древнюю ветхозаветную историю. И лишь далее, по ходу дальнейшего представления прибав⁰⁰_{1F}лялось то, что с большей или меньшей обстоятельностью изображалось в спектаклях, в которые затем на протяж⁰⁰_{1F}нии XV, XVI, XVII, XVIII вв. вылились эти постановки во многих областях Центральной Европы, как мы только

что увидели это на небольшом примере.

Основываясь на бесконечно великой мысли о посвя⁰⁰_{1F}тительном празднестве Рождества, начало Ветхого Завета слилось в единое целое с таинственной историей Мистерии Голгофы. Так вот от того, что на основании этой идеи два священных повествования слились вместе, осталось совсем немного, а в современности, можно сказать, лишь одно – а именно то, что в нашем календаре перед наступлением Рождества значится день Адама и Евы.

Происхождение этого — в той же самой идее. Однако в более старые времена для тех, кто призван был постичь таинство Рождества и таинство Голгофы на основании более глубоких соображений и восприятий или углубленного позна⁰⁰_{1F}ния с помощью тех, что были их учителями, для этих людей вновь и вновь излагалась всеохватная символическая идея, идея о происхождении Креста. Тот Бог, который представ⁰⁰_{1F}ляется людям в Ветхом Завете, дает людям, олицетворяемым Адамом и Евой, заповедь: «Вы можете есть от всех плодов сада, но только не от тех, что растут на Древе Познания добра и зла». А поскольку они отведали с этого дерева, то были изгна⁰⁰_{1F}ны с первоначального места своего обитания.

А Древо (и это изображается самыми различными средствами) неким образом вошло в последовательность поколений, бывших теми изначальными поколениями, из которых возникла также и телесная оболочка Иисуса. А получилось это следующим образом (так это изображали в определенные эпохи): когда Адам, грешный человек, был погребен, это Древо в свою очередь выросло из его гробни⁰⁰_{1F}цы, при том, что сам он был из Рая удален. Вот это и дало толчок следующему ходу рассуждений: Адам покоится в могиле, то есть он, человек, изведавший грех, он, человек, соблазненный Люцифером, покоится в могиле, он соединил⁰⁰_{1F}ся с телом Земли. Но из его гробницы произрастает дерево, Древо, которое в состоянии теперь расти из Земли, с которой соединилось тело Адама. Древесина этого дерева переходит далее к другим поколениям, к которым принадлежит также Авраам, принадлежит также и Давид. И из материала этого дерева, которое таким образом стояло в Раю, а после вырос⁰⁰_{1F}ло из гробницы Адама, из древесины этого дерева был сделан крест, на котором распяли Христа Иисуса.

Вот идея, которую вновь и вновь разъясняли учителя тем людям, которые были призваны понять тайны Мисте⁰⁰_{1F}рии Голгофы исходя из более глубоких оснований. Глубокий смысл содержится в том, что в древнейшие эпохи (а смысл этот теперь же укажет нам на то, что он пригоден также и для нашего времени) в таких образах получали выражение весьма глубокие мысли.

Мы ознакомились с той идеей Мистерии Голгофы, что говорит нам: то существо, что проследовало через тело Иисуса, это существо излило то, что оно должно было принести Земле, излило это над Землей, излило в ауру Земли. То, что Христос привнес в Землю, оказалось с этих пор связано со всей телесностью Земли. После Мистерии Голгофы Земля сделалась в чем-то иной. В земной ауре живет то, что Христос принес на Землю с небесных высот. Если в этой связи мы устремим свой духовный взор на тот древний образ Древа, образ этот укажет нам всю эту взаимосвязь исходя из более возвышенной перспективы. Итак, с началом земного бытия в человека проник люциферический принцип. Человек, такой, каким он является теперь, при своем соединении с люциферическим принципом, принадлежит Земле, являет собой часть Земли. И если мы помещаем его тело в Землю, тело это оказы⁰⁰_{1F}вается не просто тем, что видит в нем анатомия, но в то же самое время это тело оказывается и внешней отливкой того, чем — в рамках земного — является человек в своей внутрен⁰⁰_{1F}ней сути. И на основе духовной науки мы можем уяснить, что к человеческой сущности относится не только то, что прони⁰⁰_{1F}кает через врата смерти в духовный мир, но также и то, что всей своей деятельностью, всеми своими земными поступка⁰⁰_{1F}ми связывает человека с Землей. Действительно, он связан с ней точно так же, как связаны с Землей те события, что обнаруживает как связанные с Землей геолог, минералог, зоолог и т.д. И когда человек проходит через врата смерти, для человеческого индивидуума первым делом оказывается заверше⁰⁰_{1F}но то, что связывает его с Землей. Однако внешняя наша форма, ее мы каким-то образом передаем Земле, она перехо⁰⁰_{1F}дит в тело Земли. Она несет в себе выражение того, чем сдела⁰⁰_{1F}лась Земля вследствие того, что в земное развитие вмешался Люцифер. То, что совершает на Земле человек, несет в себе люциферический принцип, человек вносит этот люциферический принцип в земную ауру. Из человеческих поступков, из человеческой деятельности проистекает, расцветает пышным цветом не только то, что изначально было предусмотрено в связи с человеком, из человеческих деяний происходит также и то, к чему примешалось люциферическое. Это пребывает в земной ауре. И когда мы теперь видим на гробнице соблазнен⁰⁰_{1F}ного Люцифером Адама — Древо, которое вследствие люциферического соблазна сделалось чем-то иным, нежели оно было изначально, Древом Познания добра и зла, мы видим также и все, что спровоцировал человек в силу того, что он оставил изначально состояние, что из-за люциферического соблазна он сделался иным и тем самым привнес в земную эволюцию нечто такое, что не было предусмотрено изначально.

Как мы видим, Древо растет из того, чем материальное тело является для Земли, что запечатлено в его земной форме и что дает человеку возможность предстать на Земле в более низкой области, нежели каким он был, когда еще не подда⁰⁰_{1F}лся люциферическому искушению. Из всего человеческо⁰⁰_{1F}го существования растет нечто

такое, что привнес в разви⁰⁰_{1F}тие человечества люциферический соблазн, люциферическое искушение. Когда мы стремимся к познанию теперь, мы стремимся к нему как-то иначе, нежели то было задума⁰⁰_{1F}но первоначально. Однако это позволяет проявиться тому обстоятельству, что то, что проистекает из наших земных деяний, оказывается иным, нежели каким оно могло быть согласно изначальному решению богов. Мы образуем такое земное существование, которое не таково, как это было преду⁰⁰_{1F}смотрено изначальным решением богов. Мы примешиваем в него нечто иное, относительно чего мы должны составить вполне определенные представления, если желаем правильно это понять. Нам следует сказать себе: «Я помещен в процесс земного развития. То, что я своими поступками привношу в земное развитие, приносит плоды. Это приносит плоды познания, которые достаются мне оттого, что я причастен познанию добра и зла на Земле. Это знание живет в разви⁰⁰_{1F}тии Земли, оно здесь присутствует. Однако, когда я взираю на это знание, оно становится для меня чем-то иным, нежели должно было быть изначальным. Оно становится для меня чем-то таким, что я должен исполнить как-то по-другому, когда Земля достигнет своего предназначения, когда Земля исполнит свою задачу. Я вижу, как из моих деяний произра⁰⁰_{1F}стает нечто такое, что должно преобразиться. Растет дерево, которое делается крестом земного существования, дерево, которое становится чем-то таким, к чему человек должен обрести новое отношение, ибо как раз старое-то отноше⁰⁰_{1F}ние и позволило этому дереву произрасти. Дерево креста, того креста, что произрос из люциферически окрашенно⁰⁰_{1F}го развития Земли, оно произрастает из гробницы Адама, из того человечества, которым стал Адам после искушения. Древо Познания должно сделаться древком креста, поскольку человеку следует заново воссоединиться с правильно позна⁰⁰_{1F}нным Древом Познания, каким оно существует теперь, дабы Земля достигла цели и исполнила задачу».

Зададимся вопросом (и здесь мы прикасаемся к важной тайне духовной науки): «Как, собственно говоря, обстоит дело с теми членами, с которыми мы ознакомились как с составны⁰⁰_{1F}ми членами человеческой природы?» Так вот, прежде всего в качестве высшего члена человеческой природы нам извест⁰⁰_{1F}но наше «я». К определенному возрасту, будучи детьми, мы выучиваемся выражать собственное «я». Мы завязыв⁰⁰_{1F}ваем отношение к этому «я» с какого-то времени и вплоть до момента, когда будем вспоминать об этом впоследствии. Об этом нам известно по самым разным духовнонаучным трактовкам: вплоть до какого-то момента это «я» само действовало в нас, формируя и преобразуя, вплоть до такого момента, когда мы обретаем осознанное отношение к нашему «я». У ребенка это «я» также имеется в наличии, однако оно действует в нас, поначалу оно формирует наше тело. Вначале оно творит при помощи сверхчувственных энергий духов⁰⁰_{1F}ного мира. После того, как мы прошли через зачатие и рожде⁰⁰_{1F}ние, оно продолжает еще

некоторое время, делящееся годами, трудиться над нашим телом, пока мы не овладеем своим телом как орудием настолько, что окажемся в состоянии сознательного постичь себя как единое «я». С этим вступлением «я» в человеческую телесную природу связана глубокая тайна. При встрече с человеком мы спрашиваем его: «Сколько тебе лет?» В качестве ответа он указывает свой возраст в годах, прошедших после его рождения. Как сказано, здесь мы касаемся некой тайны духовной науки, которая в ближайшее время будет становиться нам все яснее, но сейчас я хочу это только упомянуть, но уже скоро поведаю об этом подробно. Так что то, на что указывает нам человек в качестве своего возраста в какой-то определенный момент своей жизни, относится к его материальному телу. Он говорит нам не что иное, как то, что его материальное тело со времени рождения такое-то время пребывало в состоянии развития. Но само «я» в этом развитии материального тела участия не принимает. «Я» пребывает в неизменном состоянии.

И труднодоступная пониманию тайна в том-то как раз и заключается, что, собственно говоря, «я» остается неподвижно стоять ровно на том же самом месте, пока мы не вспомним о нем снова. Оно не изменяется вместе с телом, но пребывает в неподвижности. Как раз потому-то мы и наблюдаем его всегда перед собой, так что наше «я», когда мы устремляем на него взгляд, отражает наши переживания. «Я» не проделывает нашего земного странствия вместе с нами. Лишь когда мы прошли через врата смерти, нам приходится проделать обратный путь, называемый камалоккой, назад, вплоть до рождения, чтобы вновь повстречаться со своим «я» и далее снова взять его с собой в дальнейшее наше странствие. С годами тело продвигается вперед, а «я» остается на месте, оно продолжает стоять там же, где и было. Это трудно поддается пониманию, поскольку невозможно представить, чтобы что-то оставалось стоять во времени на месте, между тем как само время продолжает течь дальше. Но все же так оно и есть. «Я» продолжает сохранять неподвижность, причем оно сохраняет неподвижность по той причине, что, в сущности, это «я» не связано ни с чем тем, что доходит непосредственно до человека из земного существования, но продолжает сохранять связь с теми энергиями, которые мы именуем нашими энергиями в духовном мире. Это «я» хранится в духовном мире. По сути, оно остается там в той форме, какую ему придали, как мы это знаем, Духи Формы. Оно и должно сохраняться в духовном мире, поскольку в ином случае мы как люди ни за что бы не смогли в ходе своего земного развития вновь достичь изначальной цели и изначального предназначения Земли. То, через что человек прошел здесь, на Земле, благодаря своей адовой природе, чей отпечаток он уносит с собой в могилу, когда умирает в качестве Адама, все это пристегивается к материальному телу, эфирному телу и астральному телу, происходит от них. «Я» ожидает, ожидает

вместе со всем тем, что в нем имеется, на протяжении всего того времени, что человек проводит на Земле, и лишь наблюдает за дальнейшим развитием человека — как человек все это повторяет, пройдя через врата смерти, когда он проделывает весь этот путь назад. То есть в некотором смысле нашим «я» мы остаемся в духовном мире. Человечество должно это осознать. А осознать это оно смогло лишь вследствие того, что в определенный момент из тех миров, к которым принадлежит также и человек, из духовных миров спустился Христос и подготовил в теле Иисуса, как мы знаем вдвойне, то, что должно было служить ему в качестве тела на Земле.

Если мы правильно понимаем сами себя, на всем протяжении нашей земной жизни мы неизменно взираем на свое детство. И там, в нашем детстве, осталось то, что как раз и представляет собой наше духовное начало. Мы неизменно глядим туда, если только правильно себя понимаем. И для этого нужно было воспитать, подготовить человечество — взирать на то, к чему Дух, обращаясь сверху, мог сказать: «Пусти же ко мне детей!», не людей, связанных с Землей, но детей. Для этого и следовало воспитать человечество — через то, что ему было дано празднование Рождества, когда его добавили к Мистерии Голгофы, которой вообще-то лишь и должно было быть удостоено человечество по отношению к трем последним годам жизни Христа, когда Христос пребывал в теле Иисуса из Назарета. Этот праздник указывает на то, как еще в детстве Христос подготовил себе тело. Вот что и должно лежать в основе рождественского ощущения: знать, что, в сущности, человек всегда остается связанным через то, что осталось на месте в его росте, что осталось в небесных высотах, с тем, что приступает к нему теперь. В детском образе человек призван вспомнить о человечески-божественном, от которого удалился, снизойдя на Землю, но которое должно вернуться к нему вновь, человеку следует напомнить об этом детском начале в нем. Ему следует напомнить о том, что ему вновь принесло с собой детское начало. И верно, это было не просто, но именно в том, каким образом, на каких принципах развился этот праздник Всемирного Дитяти, праздник Рождества на просторах Центральной Европы, именно в этом-то мы и можем усмотреть чудодейственную, не знающую отказа и стойкую энергию.

То, что мы увидели сегодня, было лишь небольшой частью множества рождественских представлений. От старинных времен от той разновидности рождественских представлений, на которые я чуть намекнул, еще сохранилось какое-то число так называемых «райских представлений», которые также исполнялись на Рождество, когда, собственно говоря, воочию изображалась история творения. Еще сохранилась связь с действием о пастухах, о трех королях, приносящих свои дары. Очень и очень многое из этого

продолжало жить в многочисленных представлениях. Теперь они по большей части исчезли.

Приблизительно в середине XVIII в. начинается эпоха, когда крестьянские местности чахнут и умирают. Но просто поразительно понаблюдать то, как они жили. Тот самый *Карл Юлиус Шрёер*, про которого я вам неоднократно рассказывал, собрал в 50-е годы прошлого века в западно-венгерских областях такие рождественские действа — как в округе Пресбурга, так и подальше от него, вглубь Венгрии. Другие собиратели отыскивали такие рождественские действа в прочих местах, однако то, что удалось тогда отыскать Карлу Юлиусу Шрёэру из связанных с введением этих рождественских действ обычаев, производит особенно глубокое впечатление. Эти самые рождественские действа хранились там у некоторых семейств по деревням в рукописном виде как что-то особенно священное. Исполнялись они таким образом, что, собственно говоря, с наступлением октября люди начинали уже думать про то, что на Рождество это действо необходимо будет исполнить перед крестьянами того местечка. И здесь выискивали самых ладных юношей и девушек, и на это время они прекращали пить вино, употреблять алкоголь. Они больше не могли, как это и вообще практиковалось в таких местах, курить по воскресеньям, не могли предаваться также и прочим излишествам. Они на самом деле должны были, как говорится, «вести святую жизнь». Так что люди сознавали, что тем, кому на Рождество предстояло посвятить себя представлению такого действа, следовало находиться в некоем высоконравственном состоянии души. И уж точно такие действа должны были исполняться не на основании заурядного мирского настроения.

И затем они исполнялись — со всей той безыскусностью, с которой крестьяне могли исполнять нечто подобное, но при этом во всем исполнении безраздельно господствовала глубочайшая серьезность, бесконечная серьезность. Действам этим, собранным тогда Карлом Юлиусом Шрёэром, а ранее *Вейнгольдом* и другими в самых различных местностях, повсюду присуща эта глубокая серьезность, с которой было принято приступать к таинству Рождества. Но не всегда это было так. И нам достаточно отступить всего только на пару столетий вглубь, как мы наталкиваемся на нечто в высшей степени необычное. А именно как раз то, каким способом и на какой манер укоренялись эти рождественские действа по Центральной Европе, как они возникали и чем постепенно сделались, это нам показывает, каким всеодолевающим было воздействие идеи Рождества. И не сразу она была воспринята именно так, как я это только что изобразил: что к ней приступали со священным трепетом, с великой серьезностью, с жившим в восприятии сознанием значения этого события. Вовсе нет! Во многих местах, к примеру, все начиналось с

того, что перед каким-либо боковым алтарем той или иной церкви выставляли ясли (было это еще в XIV, XV вв., но восходит к еще более ранним временам). Итак, выставлялись ясли, то есть стойло, а в нем бык, ослик и младенец, а еще две куклы, представлявшие Иосифа и Марию. Так вот на первых порах исполнялось это с помощью примитивной скульптуры. Затем оно дало знать желание привнести сюда больше жизни, но прежде всего это исходило от духовенства. Священники одевались в костюмы, один Иосифом, второй — Марией, и вот они-то это и изображали — вместо кукол действие разыгрывали они. На первых порах они исполняли это даже на латинском языке, ибо в древней церкви придавали очень большое значение этому; тогда, как кажется, очень глубокий смысл вкладывали в то, чтобы те, кто смотрел или слушал, насколько это возможно, вообще не понимали, что происходит, а видели исключительно внешнюю мимику. Но им это уже больше не нравилось: теперь люди уже хотели понимать что-то из того, что исполнялось перед ними. И постепенно произошел переход к тому, чтобы переложить некоторые части на соответствующий язык, на котором говорили как раз в той местности. Наконец, в людях проснулась потребность также принять участие в этом, пережить все это самим. И все же само это дело им было все еще чуждо, оно все еще было от них удалено. Нужно лишь принять во внимание то, что, скажем, еще в XII, XIII вв. в наличии не имелось той степени короткого знакомства со священными тайнами, например Рождества, которую мы теперь почитаем чем-то само собой разумеющимся. Надо поразмыслить над тем, что из года в год люди слушали мессы, также и на Рождество служилась месса, которая начиналась приблизительно в 12 часов ночи, однако они не воспринимали Библии (она предназначалась для чтения лишь духовенством), так что тогдашним людям были известны лишь отдельные обрывки священной истории. И в самом деле, то было как бы ознакомление с тем, что некогда имело место, когда священнослужители — поначалу в драматической форме — исполняли перед ними это действо. На первых порах люди таким вот образом все это и узнавали.

Теперь необходимо сказать нечто такое, относительно чего нужно просить вновь и вновь: ни в коем случае не понять это превратно. Но показать это наглядно можно, поскольку все здесь соответствует истинной исторической правде. Эти рождественские действия возникали вовсе не из какого-то там мистериального настроения, вовсе нет, но из настоятельной потребности принять участие в том, что им изображалось, приблизиться к этому, вовлечься сюда своими действиями, также что-то совершить: это позволяло народу приступить непосредственно к делу. И в конце концов пришлось народу уступить и позволить людям также что-то здесь совершать. Надо было сделать все это более понятным для народа. Но растолковывание это совершалось постепенно.

Например, поначалу люди вообще не понимали того, как это возможно, что в ясельках лежит младенец. Такого вот младенчика в ясельках они просто никогда не видали. Да, прежде, когда они и не должны были это понимать, они с этим как-то примирялись. Но теперь, когда люди захотели при этом соприсутствовать, все это должно было быть им ясно, как день. И здесь перед ними выставляли одну только колыбель. Так-то и началось приобщение людей: когда все они проходили мимо колыбели, каждый подходил и немножко баюкал младенчика; так и получило развитие подобного рода участие. Попадались, впрочем, и такие местности, где поначалу все проходило очень чинно, но стоило там появиться ребенку, как поднимался дикий шум, все изо всех сил орали, танцами и криком изъясляя свою радость, ощущавшуюся ими в связи с тем, что младенец родился. И все это воспринималось всецело в том ключе, что имело своим источником желание подвигаться, желание пережить какое-то приключение. Но внутри этой истории крылось что-то столь великое, столь исполинское, что из всего этого мирского настроения (а поначалу это и было мирским настроением) постепенно развилось то священное настроение, о котором я только что говорил. Сам предмет излил свою святость на восприятие, которое поначалу вовсе невозможно было назвать исполненным святости. Как раз в средневековье люди только и должны были отвоевать священную историю Рождества. И они ее завоевали до такой степени, что при введении своих действий-постановок прошли такую вот напряженную нравственную подготовку.

Но что же в таком случае завоевало человеческие восприятия, что завоевало человеческую душу? Взгляд, брошенный на дитя, взгляд на то, что в человеке пребывает в святости, между тем как прочие три тела связываются с земным становлением. И пускай даже в отдельных местностях вифлеемская история приобретала карикатурные формы, все равно это соответствовало человеческой природе, чтобы развить в себе такой благоговейный взгляд на природу ребенка, который соответствует тому, что уже с самого начала наступило в христианском развитии. То было сознание, что то, что в человеке осталось на месте, когда он вступил в свое земное развитие, должно вступить в новую взаимосвязь с тем, что связалось с земным человеком. Так что он передает Земле то дерево, из которого должен получиться Крест, и уже с ним должен наладить новые взаимоотношения.

По сути, поистине всенародный характер в более старинные времена развития христианства в Центральной Европе носила исключительно идея Пасхи. И постепенное возникновение идеи Рождества имело место именно таким образом, как это изобразил я. Ибо то, что мы читаем в «Спасителе» («Heliand», повествующая о жизни Иисуса аллитерированная поэма на древнесаксонском языке. Создана предположительно в правление франкского короля Людвига Германца (843—876 гг.). Поэма насчитывает 6 000 строк, окончание сохранилось

частично.) или подобных произведениях, хоть и было сочинено отдельными авторами, однако еще никоим образом не сделалось народным.

Народность Рождества, она возникала так, как я это вам только что изложил, что в величественной форме указывает на то, как людьми овладела идея связи с детским началом, с чистым, подлинным детским, которое проявилось у ребенка Иисуса в новом образе. Если мы сопоставим эту интенсивность идеи с тем, что идея эта поначалу может существовать в душах как единственная в нашем земном существовании, которая объединяет всех людей, то она оказывается подлинной идеей Христа. Таким образом, идея Христа выражается в нас, она делается в нас тем, что постепенно должно в нас окрепнуть, если только дальнейшее земное развитие должно происходить в надлежащем направлении. Задумаемся же о том, как все еще далек человек в современном земном существовании от того, что на самом деле кроют в себе глубины идеи Христа.

В эти дни была издана книга (возможно, вы ее еще прочитаете) Эрнста Геккеля «Вечность; навеянные Мировой войной размышления о жизни и смерти, религии и теории эволюции». Нет сомнения в том, что книга Эрнста Геккеля — это книга, происходящая из самой серьезной любви к истине, и уж наверняка такая книга, в которой отыскивается самая доподлинная правда. О том, что призвана принести книга, возвещает, например, следующее. Она должна указать на то, что происходит теперь на Земле, как народы сосуществуют друг с другом в войне, в ненависти, когда что ни день свершаются смерти без числа. Все эти соображения, столь болезненно представляющиеся людским взорам, упоминает также и Эрнст Геккель, само собой разумеется, неизменно на том фоне, чтобы рассмотреть мир так, как он может его наблюдать со своей точки зрения (мы уже неоднократно говорили об этом, ибо даже будучи духовнонаучным исследователем, можно признавать Геккеля одним из величайших ученых), с той точки зрения, которая, как мы знаем, может привести и к чему-то иному, но ведет, однако же, к тому, что можно наблюдать на новых ступенях развития Геккеля как мысли. Итак, Геккель развивает свои навеянные войной соображения. Также и он говорит о том, как много крови проливается, сколь много смертей окружают нас теперь. И задается вопросом: может ли рядом со всем этим уживаться еще и идея религии? Существует ли хоть какая-то возможность верить (спрашивает Геккель), что миром правит какое бы то ни было мудрое Провидение, благой Бог, когда приходится наблюдать, как всякий день вследствие голых случайности, как он говорит, такое множество людей умирают, расстаются с жизнью в отсутствие вообще какой-либо причины, которую можно было бы обнаружить в какой бы то ни было связи с

каким бы то ни было мудрым мироправством, но лишь вследствие случая, как говорит он, что в данно⁰⁰_{1F}го человека попадает та или иная пуля, что с ним приключ⁰⁰_{1F}ается та или иная беда? Имеют ли, вообще, смысл все эти соображения относительно мудрости, эти идеи Провидения? Не должны ли как раз такие события, как вышеперечислен⁰⁰_{1F}ные, доказать, что человек при этом вынужден оставаться в стороне, и что он-то как раз представляет собой не что иное, как то, на что нам указывает поверхностная, материалисти⁰⁰_{1F}чески продуманная эволюционная теория, и что, вообще говоря, над всем земным существованием господствует не мудрое Провидение, но случай? Перед лицом этого, полагает Геккель, возможно ли что-то помимо иной религиозной мысли, нежели выказать смирение и сказать самому себе: «Человек здесь расстаётся со своим телом и растворяет⁰⁰_{1F}ся в целостной Вселенной?» Но если эта самая Вселенная, задает себе человек следующий вопрос (Геккель же им уже не задается), представляет собой не что иное, как игру атомов, то действительно ли эта жизнь человека перетекает в смысл земного существования? Как сказано, этого вопроса Геккель уже не ставит, однако в своей рождественской книге он как раз и дает ответ: именно такие события, что теперь столь болезненно нас затрагивают, именно эти события и указыв⁰⁰_{1F}ают на то, что нет никаких оснований верить в то, что мир пронизан и одухотворен благим Провидением или мудрым мироправством. Итак, смирение, свыкание с мыслью о том, что так уж все это устроено!

Итак, вот она — еще и такая рождественская книга! Рожде⁰⁰_{1F}ственная книга, задуманная чрезвычайно «правильно» и честно. Но книга эта основывается на весьма знаменательном предубеждении. Она основывается на том предубеждении, что не следует отыскивать смысла Земли в духовном аспек⁰⁰_{1F}те, что человечеству вообще запрещено отыскивать смысл в духовной сфере! Ведь, когда мы взираем лишь на внешний ход событий, мы такого смысла не наблюдаем. Тогда все обстоит именно так, как полагает Геккель. И на том, что жизнь эта не имеет никакого смысла, все так и должно остаться, так думает он. Смысла вообще отыскивать не следует!

Но не следует ли ожидать, что появится еще кто-то и скажет примерно так: «Если с внешней стороны все наши современные события выглядят именно таким образом, если мы так и будем указывать на то, что теперь в людей попадают пули без числа, сами же будем безучастно взирать на них, а смысла никакого в этом не видно, то не есть ли это указание нам как раз на то, что смысл следует отыскивать глубже? Это нам показывает, что отыскивать смысл следует не в том, что разыгрывается на Земле непосредственно теперь, полагая, что эти людские души гибнут вместе с телесным началом, нет, мы должны отыскать то, к чему

они теперь, проходя через врата смерти, приступают». Короче, мы можем себе представить, что вдруг кто-то появится и заявит: «Именно потому, что во внешнем не отыскивается никакого смысла, его необходимо разыскивать помимо внешнего, его следует искать в сверхчувственном».

Но намного ли отличаются те же самые обстоятельства в совершенно иной области? Для того, кто мыслит так, как рассуждает сегодня Геккель, наука Геккеля может сделаться поводом отвергнуть всякий смысл земного существования. Базируясь на ней, кто-то возьмется доказать, что в свете всех тех мучений, что свершаются ныне, вообще вся земная жизнь как таковая не имеет никакого смысла. Но если понимать ее так, как мы (что мы делали уже неоднократно), именно эта наука может стать отправной точкой для демонстрации того, какой глубокий и величественный смысл может нам открыться в общемировых событиях. Но для этого духовное начало должно быть действительно в мире. Мы должны быть в состоянии устанавливать связь с духовным. Но вот в сфере учености и науки люди все еще не в состоянии допускать воздействие на себя той силы, которая столь чудесно завоевала сердца и души, что по итогам воззрения на таинство Рождества, из прямо-таки светской трактовки возникло благоговейное его понимание. А так как в умы ученых это все вместиться еще не может, поскольку они пока что не в состоянии связать импульс Христа с тем, что наблюдают в окружающем мире, им невозможно отыскать для Земли смысл, подлинный смысл.

Так что необходимо сказать: наука со всеми ее великими достижениями, которыми столь гордятся ныне люди, сама по себе не в состоянии привести к такому мировоззрению, которое могло бы помочь людям достичь удовлетворения. Следуя своими собственными путями, наука может привести как к бессмыслице, так и к смыслу Земли точно так же, как и в любой другой области. Рассмотрим далее эту науку, с такой гордостью развивающуюся в последние столетия, и в первую очередь на протяжении XIX века. Эта внешняя наука с ее чудесными законами — рассмотрим ее со всем тем, что нас окружает: все это произведено на свет этой наукой. Мы больше не жжем ночники, как это делал еще *Гёте*, но зажигаем лампы и освещаем наши помещения совершенно иначе.

Давайте возьмем все то, что от этой науки живет в наших душах: все это как раз и возникло благодаря величайшему прогрессу науки, которым человечество вполне обоснованно гордится. Однако ныне, как раз вследствие того, что эта наука столь совершенна, она создает всеодолевающие орудия убийства. Ее прогресс служит разрушению точно так же, как и созиданию. Точно так же, как, с одной стороны, та наука, в приверженности к которой признается Геккель, может привести как к смыслу, так и к

бессмыслице, так и наука, добивающаяся столь великих результатов, может служить и созиданию, и разрушению. И вообще, когда бы все дело было лишь в этой самой науке, она из совершенно того же источника, с помощью которого созидает, производила бы на свет — в смысле дела разрушения — нечто все более и более чудовищное. В ней самой не отыскать того импульса, что заставляет человечество двигаться вперед. О, если бы хоть кто-то был в состоянии когда-либо это понять, лишь тогда мы смогли бы по достоинству оценить эту науку. Лишь тогда мы поняли бы, что в прогрессе человечества должно присутствовать еще и что-то другое, помимо того, чего человек в состоянии достичь благодаря этой науке! Ведь наука эта — что она, собственно, собой представляет? На деле она является не чем иным, как деревом, которое растет из гробницы Адама, и все ближе и ближе наступление того момента, когда люди наконец поймут, что наука — это дерево, которое растет из гробницы Адама. Так что настанет время, и люди поймут, что дерево это должно обратиться древесиной, то есть крестом человечества, и привести к благодати оно может лишь тогда, когда распято на нем будет то, что надлежащим образом связывается с тем, что лежит по другую сторону смерти, однако уже живет в человеке здесь. Я говорю про то, на что мы можем взирать в Святую Рождественскую ночь, если окажемся в состоянии надлежащим образом воспринимать эту Святую ночь в ее таинстве, — это может быть представлено взору и по-детски, однако скрывает в себе величайшие тайны. Так что, по сути, нет ничего удивительного в том, что народу можно сказать самые простые вещи: вот сюда явилось то, что властвует на Земле благодаря человеческой жизни, то, что, вообще говоря, не должно выходить за пределы детства! Это родственно тому, с чем человек испытывает родство как со сверхчувственным началом. Не удивительно ли то, что это, в самом наивысшем смысле сверхчувственно-незримое начало, могло так близко подойти к человеческим душам, к самым безыскусным душам, в столь простых образах?

Тем, кто превзошел ученость, еще только предстоит проделывать этот самый путь, который оставили за своими плечами эти незамысловатые человеческие души. А было ведь и такое время, когда младенца изображали не в колыбели, не в яслях, но представляли его спящим у креста. Дитя, спящее при кресте! Изумительно глубокий образ, выражающий всю без остатка идею, которую я хотел сегодня представить вашим взорам.

А разве идею эту, вообще говоря, изложить не просто? Как же! Попробуем отыскать источник тех импульсов, которые столь ужасно противостоят друг другу в современном мире! Откуда ведут происхождение эти импульсы? Откуда ведет происхождение все, что столь утяжеляет ныне человеческое существование, откуда все

это берется? Во всем том, чем мы делаемся начиная с того момента времени, вплоть до которого можем довести свои обращенные вспять воспоминания. Если же мы перевалим за этот момент, то проследуем до того мгновения, когда мы были призваны как дети, которые могут вступить в Царствие Небесное. Здесь-то это все и коренится: здесь в душах человеческих еще нет ничего, что проявляется теперь как ссора и свара. Вот так — просто — можно высказать эту идею. Однако в духовном смысле мы должны теперь взирать на то, что в человеческой душе имеется нечто первородное, что тем не менее превосходит все человеческие раздоры, всю человеческую дисгармонию.

Мы часто упоминали о древних мистериях, желающих пробудить в человеческой душе то, что позволяет человеку взглянуть в сверхчувственное, и мы говорили, что Мистерия Голгофы, доступная для всех людей, представила на сцену истории сверхчувственное таинство. Вообще говоря, то, что связывает нас с подлинной идеей Христа, на самом деле в нас присутствует, вследствие того что в нашей жизни все же возможны такие моменты (причем теперь в буквальном, а не в переносном смысле), когда мы, несмотря на все, чем являемся во внешнем мире, вживую можем проделывать все, что получили в бытность детьми. Мы будем способны на это лишь тогда, когда возвратимся вспять и вчувствуемся в то детское состояние, когда всмотримся в человека, каким он развивается в промежуток с рождения и до смерти, когда ощутим это в самих себе.

В последний четверг мне довелось прочитать общедоступную лекцию об *Иоганне Готлибе Фихте*. Я мог бы сказать и еще кое-что такое (тогда мне не удалось выразиться до конца понятно), что до конца разъяснило бы многое из того, что жило именно в этой, каким-то необычным образом благочестивой фигуре. Я должен был бы сказать, почему он стал именно таким, а не другим, и мне следовало бы сказать так: потому что, сделавшись стариком, он удержал в себе больше ребячества, чем прочие. В таких людях больше ребячества, чем в других людях. Они, такие люди, меньше старятся! В самом деле, в каждом из таких людей сохраняется больше из того, что было в них в детстве. И в этом-то и вообще состоит тайна многих великих людей, что они до самой глубокой старости способны в каком-то смысле оставаться детьми. И лишь когда они умирают, умирают, как дети, разумеется лишь в некотором смысле, уж тут-то приходится с жизнью побрататься.

К тому в нас, что живет таким образом в качестве ребячества, обращается таинство Рождества, обращается взор, устремленный на божественное дитя, которое было избрано, чтобы воспринять в себя Христа; мы взираем на него как на того, над кем уже парит Христос, который на самом деле ради спасения Земли прошел через

Мистерию Голгофы.

Осознаем в полной мере следующее: когда мы преда⁰⁰_{1F}ем Земле это отображение высшего человека в нас, наше материальное тело, это не есть исключительно материальный процесс. Здесь имеет место также и нечто духовное. Однако это духовное происходит надлежащим образом исключи⁰⁰_{1F}тельно вследствие того, что в ауру Земли влилось существо Христос, прошедшее через Мистерию Голгофы. Мы не в полной мере видим, что представляет собой вся эта Земля, если нам не видно, что со времени Мистерии Голгофы Земля находится в связи с Христом, с тем Христом, которого мы вполне можем упустить из вида, как и все вообще сверхчув⁰⁰_{1F}ственное, если будем ощущать себя вооруженными исклю⁰⁰_{1F}чительно в материалистическом смысле. Однако нам никак его не миновать в том случае, если Земля должна иметь для нас действительный, подлинный смысл. Так что все зависит от того, чтобы мы оказались в состоянии пробудить в себе то, что откроет нам доступ в духовный мир.

Превратим же для себя празднование Рождества в то, чем оно должно для нас быть в первую голову: в праздник, который не просто служит прошлому, но в праздник, который призван служить также и будущему, тому будущему, которое постепенно должно принести здесь для всего человечества появление на свет духовной жизни. Однако нам хотелось бы соединиться с пророческим мировосприятием, с проро⁰⁰_{1F}ческим предчувствием того, что такое появление на свет духовной жизни должно быть доведено до человечества и что влияние на будущее человечества должна оказать великая Рождественская ночь; я говорю о появлении на свет того, что придает Земле смысл в сфере человеческих идей. Тот самый смысл, который Земля объективно обрела вследствие того, что благодаря Мистерии Голгофы существо Христос связа⁰⁰_{1F}лось с земной аурой. Задумаемся на Рождество о том, как из непроглядной бездны тьмы в развитие человечества должен был вмешаться свет, свет духовной жизни. А тот старинный свет духовной жизни, что присутствовал здесь, постепен⁰⁰_{1F}но угасая, до Мистерии Голгофы, этот свет был обречен на гибель, и он должен был вновь возродиться, должен был быть рожденным после Мистерии Голгофы благодаря сознанию в человеческой душе: ведь эта человеческая душа зависит от того, чем сделался Христос для Земли вследствие Мисте⁰⁰_{1F}рии Голгофы.

И если постепенно будет становиться все больше таких людей, что в силах постичь Рождество в таком вот духовно⁰⁰_{1F}научном значении, это Рождество создаст в человеческих сердцах и душах такую энергию, что имеет смысл во все эпохи: как во времена, когда человечество может предаваться чувствам блаженства, но также и во времена, когда оно вынуж⁰⁰_{1F}дено предаваться чувству боли,

которое должно пронизывать нас сегодня, когда мы думаем о великих бедствиях современной эпохи.

То, как именно воззрение на духовное начало придает смысл Земле, уже было выражено поэтом в чрезвычайно изящной форме, и сегодня я прочитаю это вам:

Was meinem Auge diese Kraft gegeben,	Что глазу моему дало такую силу,
Dab alle Mibgestalt ihm ist zerronnen,	Что всякое уродство позабыто,
Dab ihm die Nachte werden heitre Sonnen,	Что темной ночью Солнце мне открыто,
Unordnung Ordnung und Verwesung Leben?	Порядком хаос стал, а жизнью — то, что сгнило?
Was durch der Zeit, des Raums verwornnes Weben,	Что сквозь времен туман и далее повороты
Mich sicher leitet hin zum ewgen Bronnen	Ведет уверенно к извечному истоку
Des Schonen, Wahren, Guten und der Wonnen,	По берегу истин, благ, красот, блаженств потока?
Und drin vernichtend eintaucht all mein Streben?	В нем растворятся, канув вглубь, мои заботы!
Das ist's: seit in Urania's Aug', die tiefe,	Да, это так: с тех пор, как в Урании взгляде
Sich selber klare, blaue, stille, reine	Увидел я пресветлый, чистый, синий
Lichtflamm', ich selber still hineingesehen;	Свет пламени, себя увидел разом,
Seitdem ruht dieses Aug' mir in der Tiefe	С тех пор тот взгляд живет в души моей окладе,

Und <i>ist</i> in meinem Sein, — das ewig Eine, <i>Lebt</i> mir im Leben, <i>sieht</i> in meinem Sehen.	Он <i>есть</i> в моей судьбе, всегда единый — <i>Душой</i> моей живет, и <i>видит</i> моим глазом.
--	--

А вот еще одно небольшое стихотворение:

Nichts ist, denn Gott, und Gott ist nichts, denn Leben,

Du weibest, ich mit dir weib im Verein;

Doch wie vermochte Wissen dazusein,

Wenn es nicht Wissen war' von Gottes Leben!

«Wie gern', ach! wollt' ich diesem hin mich geben,

Allein wo find ich's? Fliebt es irgend ein

Ins Wissen, so verwandelt's sich in Schein,

Mit ihm vermischt, von seiner Hull' umgeben.»

Gar klar die Hulle sich vor dir erhebet,

Dein Ich ist sie, es sterbe, was vernichtbar,

Und fortan lebt nur Gott in deinem Streben.

Durchschaue, was dies Streben überlebet,

So wird die Hülle dir als Hülle sichtbar,

Und unverschleiert siehst du göttlich Leben.

Вне Бога лишь ничто, а Бог — не что, как жизнь,

Ты ведаешь о том, и я — с тобою знаю,

Откуда ж знанью взяться, вопрошаю,

Когда б не знанье то про Божескую Жизнь?!

«О, если бы и мне в ту жизнь уйти до дна!

Но где ее найти? Она в науку льется,

А в ней — лишь призраком, виденьем обернется,

Смешалась с ней и в скорлупу облечена».

Но оболочка та тобой никак не станет,

Она лишь «я» твое; пусть то, что бrenно, мрет,

Пусть лишь Бог в твоём стремлении живет.

Предвидь, что устремленье по себе оставит,

И оболочка скорлупой предстанет снова,

И Божью Жизнь тогда увидишь без покрова.

Впрочем, людям не всегда дано понять, что им делать как раз с тем, что они рекомендуют для созерцания духовного, того, что сообщает Земле смысл. Этому не ведают не только материалисты. Также и другие, кто верит, что материалистами вовсе не являются, поскольку они без конца твердят: «Боже, Боже, Боже!» или «Господи, Господи, Господи!», также и они зачастую не имеют представления, как употребить во благо этих проводников ко всему духовному! Ведь что можно было бы поделаться с человеком, который говорит здесь: «Вне Бога лишь ничто! Все — это Бог! Повсюду, повсюду Бог!» Тот, кто сказал:

Предвидь, что устремленье по себе оставит,

И оболочка скорлупой предстанет снова,

И Божью Жизнь тогда увидишь без покрова —

уж он-то принялся бы отыскивать Бога во всем. Его, который повсюду желает видеть божественную жизнь, могли бы обвинить в том, что он не допускает до себя мир, что он его отрицает — его можно было бы назвать отрицателем мира! Его современники назвали его богоотступником и потому изгнали из университета. (Фихте был уволен из Йенского университета в связи с обвинением в атеизме: в статье в философском журнале он назвал Бога «нравственным миропорядком»).

Ибо те слова, что я вам прочитал, принадлежат Иоганну Готлибу Фихте. Он-то и являет собой пример того, как (если на протяжении всего земного существования в человеческих душах продолжает жить то, что камертоном начало звучать в душе в Мистерии Голгофы, а в связи с этой Мистерией Голгофы — в таинстве Рождества), как, говорю я, тем самым открывается путь, следуя которым мы можем отыскать то сознание, где наше собственное «я» сливается с «Я» Земли, ибо это «Я» Земли есть Христос. Ведь благодаря Христу мы развиваем в себе такую человеческую сторону, что должна усиливаться все больше и больше, если только Земле суждено проделывать тот путь развития, для которого она была предназначена изначально.

Так что мы желали бы прежде всего в духе нашего духовопознания, в данном, изложенном сегодня заново смысле, желали бы сделать своим импульсом идею Рождества, хотели бы попытаться — посредством того, что взираем на эту идею Рождества, — усматривать в происходящем вокруг нас не бессмыслицу земного развития, но также и в страдании и боли, и в раздоре и ненависти усматривать то, что в конечном итоге продвигает человечество вперед, заставляет его сделать — пусть крошечный — шаг вперед.

И важнее, чем выискивать причины, которые и без того уже могут быть сокрыты по причинам ангажированности, для того, что происходит теперь, важнее, чем отыскание причин, было бы направить свой взгляд на возможные последствия, на те последствия, в которых мы можем усмотреть благотворность, благодатность для человечества.

Права будет та нация, тот народ, который окажется в состоянии произвести из того, что окажется в силах произвести напоенная кровью почва, произвести из этого то, что окажется благотворным для будущего человечества. Но благотворное для человечества возникнет лишь тогда, когда люди отыщут путь к духовному миру; если люди не будут забывать, что речь должна идти не о каком-то временном Рождестве, но о Рождестве вечно длящемся, непрестанно продолжающемся рождении божественно-духовного в материальном земном человеке.

Мы хотели бы усвоить душой прежде всего эту святость мысли, хотели бы сохранить ее на то время, что соседствует с Рождеством, ведь также и в своем внешнем протекании она может быть символом светового развития. Тьма, та высшего градуса земная тьма, какой она только может быть на Земле, имеет место в эти дни, в это время года. Но если в эту годину глубочайшей внешней тьмы Земля живет, то мы ведь знаем, что душа Земли переживает свой свет, она начинает в максимальной степени бодрствовать.

Непосредственно за Рождеством следует время духовного бодрствования, и с этим периодом духовного бодрствования должно быть связано воспоминание о духовном пробуждении, произошедшем в развитии Земли благодаря Христу Иисусу. С этим и связано то, что празднование таинства Рождества было назначено именно на это время.

Мы желали бы соединить свои души с идеей Рождества в этом космическом и одновременно нравственно-земном значении, а затем, будучи укрепленными, усиленными этой идеей так, как это для нас возможно, устремить свой взгляд на все это, желая

надлежащего продолжения событий, но желая должного также и всему происходящему в настоящий момент.

И поскольку мы начинаем оживлять в своей душе то, что можем почерпнуть для собственного укрепления именно из данной Рождественской ночи, мы еще раз взираем на духов-хранителей тех, кто в непростых обстоятельствах должны вовне вступить за великие современные события:

Духи ваших душ, деятельные стражи,

Ваши крылья могут донести

Нашу молитвенную любовь

Вверенным вашей защите земным людям,

Чтобы соединенное с вашей властью

Наше моление помощью лучилось

Душам, которых оно с любовью ищет.

А для тех, кто в это время тяжких для человека задач уже — вследствие великих требований современности — прошел через врата смерти, произнесем эти слова еще раз в таком варианте:

Духи ваших душ, деятельные стражи,

Ваши крылья могут донести

Нашу молитвенную любовь

Вверенным вашей защите людям сфер,

Чтобы соединенное с вашей властью

Наше моление помощью лучилось

Душам, которых оно с любовью ищет.

Тот же Дух, что прошел через Мистерию Голгофы, Дух, возвестивший себя в качестве благодати и прогресса Земли в том, что также и Мистерии Рождества люди будут понимать все лучше, да пребудет Он с вами и с вашим тяжким долгом!

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 21 декабря 1915 года

ЗАТМЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ И БЕСПОРЯДОЧНОЕ МЫШЛЕНИЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Сегодня нам хотелось начать с одного северного стихотворения, которое когда-то уже было представлено в этой ветви. Все содержание этого сочинения связано с Рождеством и примыкающим к нему временем. В стихотворении говорится о легендарном *Олафе Эстесоне* и излагаются факты, как этот Олаф Эстесон (Olaf Asteson), легендарная личность, совершенно особым образом провел 13 дней, примыкающих к Рождеству и оканчивающихся явлением Христа. При этом мы должны вспомнить, что в мире народных легенд живет воззрение о существовавшем прежде в человечестве примитивном ясновидении. Содержание стихотворения сводится к следующему: Олаф Эстесон приходит в рождественскую ночь к дверям храма и погружается там в состояние, похожее на сон, и, словно дитя примитивного народа, в этом состоянии сна, состоянии примитивного ясновидения в течение так называемых 13 ночей он приобщался тайнам духовного мира.

Мы знаем, что в эти дни на Земле царит крайний физический мрак. Внешне все как бы замерло в физическом бытии Земли, физический облик Земли словно застыл, нет вегетативного роста и прорастания, но именно в это время пробуждается душа Земли, именно в это время она находится в полном бодрствовании. Когда человеческая душа сливается теперь своим духовным сущностным ядром (Wesenskern) с тем, что переживает дух Земли, тогда душа человека, имеющая в себе примитивные природные состояния, может получить возможность видения в духовном мире, которое человечество еще должно будет постепенно завоевать своим стремлением к духовному. И мы видим, как этот Олаф Эстесон переживает по сути то, что мы снова приходим из духовного мира. Называем ли мы это Бруксвалином (Brooksvalin), камалокой или душевным миром, употребляем ли мы для этого иные образы, чем в песне об Олафе Эстесоне, не это важно. Важно то, что мы видим, что человечество в своем душевном развитии исходило из древнего примитивного ясновидения, связываясь таким образом с духовным миром. Мы знаем, что это должно было быть потеряно, чтобы человек мог завоевать то мышление, то сознательное отношение к миру, через которое он мог бы вновь развить и выработать новое высшее видение духовного мира. Я хотел бы подчеркнуть, что это тот же духовный мир, который покинуло примитивное ясновидение и который должен быть открыт новым

развитием видения. Но человек уже прошел состояние, благодаря которому он совершенно иначе может вживаться в духовное. Теперь важно развивать ощущение того, что с изменением состояния Земли в течение года действитель⁰⁰_{1F}но связано внутреннее духовное развитие духовно-душевных существ, которые связаны с Землей так же, как душа человека с его физической сущностью. И тот, кто считает Землю тем, за что ее выдают геологи, тем, чем хотели бы ее считать и другие представители естественных наук с их нынешним матери⁰⁰_{1F}алистическим образом мыслей, тот знает о Земле столько же, сколько человек может знать о другом человеке, модель которого сделали бы из папье-маше, не наполнив ее тем, что душа вливает во внешнюю природу человека. То, что дается нам внешними естественнонаучными дисциплинами о Земле, есть только оттиск из папье-маше. И тот, кто не может осознать, что между зимним и летним состоянием Земли имеется душев⁰⁰_{1F}ная разница, уподобляется тому, кто не видит разницы между сном и бодрствованием. Те великие существа природы, среди которых мы живем, проходят через такие же духовные превра⁰⁰_{1F}щения, как и сам человек, который является микрокосмическим отпечатком великого макрокосма. И на этом основыва⁰⁰_{1F}ется то, что сопереживание, духовное сопереживание природы имеет известное значение. И тот, кто сможет обладать созна⁰⁰_{1F}нием того, что именно в эти 13 ночей с душой Земли проис⁰⁰_{1F}ходит нечто, что может быть пережито в некотором подража⁰⁰_{1F}нии, у того будет один из путей, которым можно вживаться в духовные миры все больше и больше.

Чувство этого сопереживания того, что живет в великом мировом бытии, нынешний человек утерял. Теперешний человек, пожалуй, только тем и отличает зиму от лета, что зимой раньше зажигают лампы и бывает холодно, а летом — тепло. То, что в прежние времена люди действительно имели сопереживание с природой, выразалось в том, что они могли рассказать, хотя и в образном виде, что, когда идет снег, тогда по Земле проходит некое существо, а когда шумит буря, то по Земле проносятся некоторые существа. Всего этого матери⁰⁰_{1F}алистическое сознание людей, конечно, не понимает. В глуб⁰⁰_{1F}чайшем смысле этого слова человек может снова срастись со всем этим, если направит свой взгляд на то, о чем еще повеству⁰⁰_{1F}ют старые сказания, особенно такие глубокие, как «Песнь об Олафе Эстесоне», которая так прекрасно рассказывает, как простой примитивный человек в состоянии физической бесс⁰⁰_{1F}знательности вырастает в яркий свет духовного видения. Сейчас нам хотелось бы провести перед нашими душами это сказание, которое жило в старые прошедшие времена и было снова начертано из народных воспоминаний. Это одно из прекра⁰⁰_{1F}нейших сказаний Севера, поскольку оно чудеснейшим спосо⁰⁰_{1F}бом говорит о великих мировых тайнах, благодаря которым человеческая душа связана с мировой душой.

(Следует рецитация «Сновидческой песни Олафа»

Эстесона», см. стр. 93).

Мои дорогие друзья, так как сегодня мы еще можем быть вместе, то сможем поговорить о том, что может быть полезно кому-нибудь, если он немного окинет взглядом все, что в течение ряда лет мы приобрели в духовном знании.

Мы знаем — и это часто подчеркивалось в открытых лекциях последних лет, — что в основе того, что находится перед нашими внешними чувствами как внешний человек, лежит духовное сущностное ядро человека, которое до известной степени состоит из двух частей. С одной стороны, мы познакомились с тем, что выступает перед духовным оком, если это духовное око приобретает нужный опыт, который обычно называют «предстоянием перед вратами смерти». Другой член внутренней жизни человека выступает перед его душой, когда человек замечает, что для всех его волевых переживаний имеется внутренний наблюдатель, тот наблюдатель, который присутствует всегда. Так что мы можем сказать: человеческое мышление, если мы углубим его медитацией, показывает, что в человеке внутри его собственного духовного сущностного ядра всегда имеется нечто, что по отношению к внешнему физическому телу содействует разрушению человеческого организма, тому разрушению, которое наконец приводит к смерти. Из этих рассмотрений мы знаем, что собственная сила мышления находится не в чем-то созидательном, а в чем-то в известной мере разрушающем. Благодаря тому, что мы умираем, тому, что мы развиваем в течение жизни свой организм между рождением и смертью, тому, что он может раствориться, разделиться на мировые элементы, мы в состоянии выработать, создать новый орган, благодаря которому мы можем развивать благородный цветок нашего физического бытия — мышление. Но внутри человеческой жизни, этой жизни между рождением и смертью, лежит как бы жизненный зародыш (Lebenskeim) для будущего, зародыш, приспособленный к прохождению через врата смерти, а именно то, что развивается в волевом течении и даже может быть замечено как охарактеризованный выше наблюдатель.

Как сказано, нужно будет снова и снова повторять, что духовное видение проводит там перед душой человека не что-то, что развивается лишь благодаря духовному видению, а то, что всегда наличествовало там, всегда имеется там в наличии, и то, что люди именно нашей современной эпохи пока не должны видеть. Можно даже сказать: должны не видеть. Ибо развитие духовной жизни именно в последние десятилетия приобрело такой ход, что тот, кто предаётся тому, что сегодня в наш материалистический век называется «духовной жизнью», будто простирает покров над тем, что живет внутри человека. Те идеи и понятия, которые более всего развиваются в наше время, сильнее всего скрывают то, что есть в

человеке действительно духовного. Для того чтобы правильно укрепить себя для исполнения нашей особой задачи, поскольку мы находимся в духовной науке, нам следует указать на особенно темные стороны современного развития так называемой «духовной жизни», которые тоже должны иметься в наличии, как во внешней природе должна присутствовать и тьма, которые нужно воспринимать, чье бытие нужно осознавать. В определенной мере в отношении духовной жизни мы переживаем сейчас темное время культуры. Великие достижения культуры, которыми столь гордится человечество этого мрачного века, мы можем признать достойными уважения, но все же по отношению к духовным вопросам остается неизменным, что те понятия и идеи, которые создаются и господствуют сейчас, зачастую закрывают доступ тому, что живет в душе человека. И особенно это касается тех людей, которые наиболее усердно проникаются такими понятиями. И позвольте упомянуть следующее.

Наше время особенно гордится ясным мышлением, которое считают принадлежностью научного обучения. Как особенно гордится этим, скажу я вам, наш век! И горды отнюдь не тем, что сейчас все люди поистине испытывают желание как можно больше думать. Нет, это приводит к тому, что люди говорят: теперь в наш век нужно много думать, если желают что-то узнать о духовном мире. Даже подумать об этом так и то трудно! Разве одни теологи еще считают нужным думать об этом! Итак, наш век очень продвинул, но сильна вера в авторитеты, значит, нужно прислушиваться к тем, кто думает о духовном, — к теологам! Наше время очень продвинуто в отношении правовых понятий, оно стремится думать о правом и неправом, о добре и зле. Наш век есть век мышления. Но это представление не приподнимается над верой в авторитеты, это не приведет к тому, чтобы каждый захотел бы сам задуматься о том, что есть правое и неправое. Об этом за нас думают юристы. И пока мы не вышли из века веры в авторитеты, мы предоставляем просвещенным юристам думать о том, что хорошо, что плохо, что правое и что неправое.

Все это также верно в отношении телесных отношений, телесного лечения! Верят в авторитет врачей и уже совсем не знают, что вредно, что полезно для лечения. Такое же можно проследить на всех поприщах. Однако наше время не имеет многих задатков, чтобы отчаиваться подобно Фаусту:

Я философию постиг,

Я стал юристом, стал врачом...

Увы! с усердием и трудом

И в богословье я проник —

И не умней я стал в конце концов,

Чем прежде был...

Глупец я из глупцов!

Из этого следует только одно, что не желают того, о чем заблуждался, но так хотел знать Фауст! Не желают ничего знать о том, что хорошо знают на всех попрощах другие, которые прекрасно решают все вопросы о том, что хорошо и что плохо для человека. Наше время так гордится нашим мышлением, что, например, тот, кто когда-нибудь заглядывал в какую-то философскую книгу — я даже не рискну утверждать, что речь идет о чтении Канта, но, может быть, это будут выдержки из Канта, — уже утверждает, что все, что говорит духовная наука, это грешит против не подлежащих отмене установлений Канта. Часто приходится слышать, что весь XIX век работал над развитием человеческого мышления, над выработкой этого человеческого мышления в критическом смысле. Многие люди считают себя «критическими мыслителями», хотя совсем чуть-чуть наслышаны о таких вещах. Например, сегодня есть люди, которые говорят, что человек безусловно ограничен в своем познании, так как он может воспринимать внешний мир только своими чувствами (Sinne); но чувства (органы чувств) могут дать только то, что они вырабатывают в себе, человек воспринимает мир таким, как он воздействует на его органы чувств, и не может тем самым заглянуть за предметную сторону мира, ибо он не может проникнуть за пределы своих чувств, переступив их границы. Таким образом, человек мог бы получать только образы действительности! И многие люди из глубины этой философии говорят, что человеческая душа имеет перед собой только образы мира, потому она никогда не может прийти к «вещи в себе». То, что мы можем получить через наши органы чувств, через наши глаза, уши и так далее, можно сравнить только с зеркальными образами. Действительно, если имеется зеркало, и в нем появляются образные очертания, образ одного человека, образ другого, и мы созерцаем эти образы, то мы имеем такой образный мир. Теперь приходят философы и говорят: «Как человек, который не видит второго человека непосредственно, а только в отраженном образе имеет образ мира, который не созерцается человеком как «вещь в себе», так и образы, которые создаются о всем внешнем мире, есть только образы». Световые и цветовые лучи попадают в наши глаза, воздушные волны в наши уши — и все это образы, образы, образы!

Результатом века критики стало то, что человек в своей душе прочерчивает только образы и при этом сквозь эти образы никогда

не придет к «вещи в себе».

Бесконечно остроумны — сейчас я говорю серьезно — были выводы философов XIX века, что человек имеет только образы и не сможет прийти к «вещи в себе». Ибо откуда возникает, собственно, критический пессимизм, эта настойчивость убеждения, что это ведет, как говорится, к «границам познания»? Все это происходит оттого, что мышление нашего столь просвещенного века очень небрежно, узко, оно педантично создает себе понятия и уже не может через них переступить, держит их перед собой, как деревянного прыгуна (HampeImann). И находят не более того, что может дать этот деревянный человечек. Можно даже сказать, мышление нашего времени невероятно огрубело, даже одеревенело.

Я хочу прояснить всю эту историю с образной природой нашего мировоззрения и тем, что называют критическим мышлением, прогрессивным мышлением, как раз через сравнение с отражением в зеркале. Это, собственно, правило, когда люди исходят из того, что мир, каким имеет его человек в чувственном бытии, является только тем, что производит на него впечатление, набрасывает картины в его душе. И это хорошо, что человечество дошло до таких вещей через критическую философию, через кантианство. Однако продолжим наше рассмотрение, углубившись в это сравнение восприятия человеком мира с отражением в зеркале. Пусть теперь перед зеркалом стоят два человека, но мы будем смотреть не на людей, а на их отражения в зеркале. Таким образом, у нас есть картина мира благодаря тому, что прочертила наша душа как образы мира, у нас есть образы, которые мы сравниваем с двумя людьми, чьи зеркальные отражения мы созерцаем. Но кто-нибудь, кто никогда не видел людей, а только их отражения, мог бы философствовать: «Я ничего не знаю о людях, мне знакомы только их мертвые отражения». Так заключают критические философы. И они останавливаются на этом. Они опровергли бы сами себя, если бы чуть отодвинулись от своего деревянного паяца мышления, от мертвого мышления к живому. Потому что, если я нахожусь перед зеркалом, и в зеркале передо мной стоят два человека, и я вижу, что один из них награждает другого изрядной оплеухой, а у второго от этого удара возникают кровоподтеки, тогда я был бы совершенным глупцом, если бы сказал себе: «Это одно отражение ударило другое». Напротив, должно быть ясно, что я вижу не только отражение, но через отражение — реальные процессы. У меня нет ничего кроме зеркального отражения, но за ним я вижу реальные события. То есть критическая философия схватывает одну мысль, что «все, что мы видим, это как бы отражение в зеркале», но она уже не мыслит, что в отражении есть нечто, что за ним живет. И если охватить эти образы живым способом, тогда это дает нам больше, чем просто

образы, тогда это укажет на то, что есть «вещь в себе», что есть реальный внешний мир.

Еще можно задаться вопросом, о чем думали люди, давшие такую «критическую» философию?

Мышление в определенном высоком смысле пребывает в наше время в небрежении. Оно совсем запущено. Остановились на «критицизме» мышления. Я не раз упоминал, что этот критицизм, эта критическая философия в нашей культуре даже продвинулись вперед и один человек в честном порыве — все они «почтенные господа», а честный порыв привел одного из них до того, что он — дошел до «Критики языка».

Фриц Маутнер написал «Критику языка», это три толстых тома. Да еще философский словарь, состоящий из двух еще более увесистых томов. И целая плеяда журналистов, к коим относится и сам Маутнер, подобно стаду баранов сочли эти произведения великими. Так в наше время, когда вера в авторитеты не имеет «никакого значения», очень многие, исходившие с точки зрения партийности — как и газеты, в которых работал журналист Фриц Маутнер, — сочли это за значительное произведение. Ибо «сегодня не имеется никаких авторитетов и веры в них».

Теперь, смотрите, Маутнер дошел до того, что заявил, что человек образует себе существительные, прилагательные и так далее, но они не означают ничего действительного. Во внешнем мире уже не переживают того, что означают слова. Люди вживаются в слова так, что, собственно, не имеют мыслей и душевных образов, а только — слова, слова, слова. Человек находит себя в языке, язык дает запас слов. И поскольку человек привыкает опираться на слова, он приходит к знакам вещей, даваемых в словах. Это должно стать теперь чем-то значительным. И если пролистать три тома Маутнера — если вам придет однажды идея наказать этим испытанием свою душу, — то можно заключить, что издатель был в высшей степени смысленый малый, намного смысленней, чем все его современники. По-другому и не выразиться. И, несомненно, тот, кто сидит за его книгами, смысленнее остальных.

Так Маутнер пришел к тому, что человек имеет только знаки, знаки. Он дошел до еще большего. Видите ли, он дошел до того, чтобы сказать следующее: человек имеет глаза, уши, осязание — ну, у человека много чувств. Однако человек мог бы иметь, например, как полагает Маутнер, не только глаза, уши и чувство осязания и обоняние, но еще и совсем другие чувства. Он мог бы иметь еще орган чувств помимо глаз. Тогда другими чувствами он

воспринимал бы мир по-другому, так же как он воспринимает образы глазами. И так давалось бы еще многое, что не дается современному человеку. Теперь Маутнер, этот критический философ, чувствует себя настро⁰⁰_{1F}енным даже немного мистически и говорит: безграничное богатство мира дается нам только через наши чувства. И он называет эти чувства «случайными» (Zufallsinne), поскольку⁰⁰_{1F}ку думает, что это — случайность мировой истории, что у нас только такие чувства. Были бы другие — мы видели бы мир иначе. Лучше всего сказать: у нас случайные чувства, значит мир, случаен! Но мир необъятен. Это прекрасно звучит! Один из последователей Маутнера выпустил брошюру «Скепсис и мистика». В этой брошюре он замечательным образом обращается к тому, что могло возникнуть только в глубине души мистика, если не верить более тому, что чувства (органы чувств) случайны. Там мы находим прекрасные слова. На стр. 12 своей книги он пишет следующее:

«Мир течет на нас. Парой жалких дырок наших случайных чувств мы принимаем то, что можем схватить, и приклеиваем это, присоединяя, к нашему старому запасу слов, так как у нас больше нет ничего другого, чем мы могли бы его удержать. Однако мир течет дальше, и наша речь струится дальше, но не в том же направлении, а по случайностям истории языка, для которой нельзя установить законы».

Тоже мировоззрение! Что хочет оно? Оно высказыва⁰⁰_{1F}ет следующее: «Мир необъятен, но у нас имеется некото⁰⁰_{1F}рое число случайных органов чувств, туда втекает мир». Что совершаем мы с тем, что втекает туда? Что делаем мы с этим согласно случайной болтовне данного господина? Мы вспоминаем о том, что господа называют памятью, присоединяем ее, привязываем, приклеиваем ее к словам, которые достались нам посредством языка, и язык прох⁰⁰_{1F}дит своим чередом дальше. Итак, мы говорим в словесных знаках о том, что получили благодаря случайным органам чувств от втекающего в нас необъятного мирового бытия.

Какое остроумное мышление! Я снова говорю серьезно, мои дорогие друзья, это очень остроумное мышление. Все-таки в наше время нужно быть весьма смышленным человеком, чтобы так думать. И об этих людях можно сказать не только, что они почтенные люди, несомненно, что все они являют⁰⁰_{1F}ся весьма почтенными, но и то, что они являются при этом значительными мыслителями. Но они полностью опута⁰⁰_{1F}ны мышлением нашего века, мышлением нашей эпохи, и у них не хватает воли разорвать путы этого мышления и вырваться из него.

Я устроил себе род «рождественского траура» — радостью это

назвать нельзя, это может быть только рождественской печалью — и решил рассмотреть некоторые из этих вещей; и я выписал для себя мысль, которая сформирована как раз по образчику рассмотрений этого мыслителя, выдержки из которого я вам только что прочел. Посмотрим, что же вышло.

«Мир течет на нас. Парой жалких дырок наших случайных чувств мы принимаем то, что можем схватить, и приклеиваем это, присоединяя, к нашему старому запасу слов, так как у нас больше нет ничего другого, чем мы могли бы его удержать. Однако мир течет дальше, и наша речь струится дальше, но не в том же направлении, а по случайностям истории языка, для которой нельзя установить законы».

Я применил эти мысли к другому предмету, но именно эти же мысли, эту же мыслительную форму; и тогда получил⁰⁰_{1F} следующее: «гениальность Гёте струится на бумагу парой жалких форм его случайных букв, бумага принимает то, что она может ухватить, и дает на себе отпечатать то, что она может принять согласно старому запасу букв, потому что больше ничего нет, чем бы можно было напечатать. Гениаль⁰⁰_{1F}ность Гёте, однако, течет дальше, и отпечаток сочинения на бумаге тоже струится вперед, но не в том же направлении, а по случайностям, в какие буквы могут группироваться, для которых нельзя установить законы».

Это точно такие же мысли, я тщательно выверял каждое слово, это те же самые мысли! Если кто-то полагает: «необы⁰⁰_{1F}ятный мир течет на нас, мы принимаем его парой случайных органов чувств, насколько это у нас получается, приклеива⁰⁰_{1F}ем (вклеиваем) его к нашему словарному запасу; мир течет дальше, наша речь струится в другом направлении, согласно случайностям истории языка, и так протекает человеческое познание», то это будут те же самые мысли, когда кто-нибудь говорит: «гениальность Гете течет сквозь 23 случайных буквы, поскольку бумага может принимать только это; но гениаль⁰⁰_{1F}ность Гете все же никогда не остается внутри этого, она необы⁰⁰_{1F}ятна! Случайные буквы не могут принять ее, и она устремля⁰⁰_{1F}ется дальше. То, что остается на бумаге, тоже струится дальше и группируется теперь согласно образованиям, в которые могут группироваться буквы и чьи законы нельзя познать!» Если теперь эти весьма смысленные господа сделают свои заключения: «итак, то, что мы получаем из мира, есть резуль⁰⁰_{1F}тат передачи случайных чувств и нельзя дойти до того, что лежит в глубине, в основе мира», тогда это было бы совер⁰⁰_{1F}шено так, как если бы кто-нибудь размышлял о том, как же может воспринимать человек то, что жило в гениальном Гете. Потому что совершенно ясно: перед нами только группиров⁰⁰_{1F}ка 23 случайных букв. И ничего иного здесь нет! Точно такие же мысли присутствуют у этих господ, только они этого не замечают. Следуя их мысли, нужно сказать: «ничего,

ничего, ничего человек не может знать о гениальности Гете, разве не видишь ты, что от нее к тебе ничего устремиться не может? Тебе не дано получить ничего иного, чем то, что дают различные группировки из 23 случайных букв». Смысла в этом столько же, сколько смысла в болтовне этих господ о возможности и невозможности познания мира. Точно столько же смысла во всем этом мышлении — и не в мышлении простаков, а в мышлении тех, кто является сегодня весьма смышленным и толковым, но не имеет воли вырваться из оков мышления нашего века.

Но это имеет и другую сторону. Мы должны ясно понимать: мышление, которое выступает нам навстречу, как в приведенных выше примерах, устанавливая границы познания, это мышление и есть мышление современной эпохи. Это мышление царит сегодня, оно живет повсюду. И если вы возьметесь читать ту или иную философскую книгу, кажущуюся очень глубокой, якобы призванную разрешить (или раскрыть) великие мировые загадки, или станете читать газету, вы обнаружите, что повсюду правит именно такое мышление. Правит род и способ такого мышления. Оно правит миром. Его впитывает человек сегодня за своим утренним кофе — не именно сегодня, поскольку сегодня в газетах не дозволено пребывать мнениям, но тогда, когда мнения в газетах смогут пребывать. Человек впитывает сам род такого мышления. Появляется все больше и больше дневных газет, внутри которых пребывают мнения. Да и во всей ткани нашей социальной жизни живет этот тип мышления. Я пытался выявить это мышление в философском развитии, но можно выявить эти мысли во всевозможных жизненных отношениях: во всем, о чем размышляет сегодня человек, живет это мышление. И поскольку оно живет, это служит причиной того, что люди не могут развивать волю, чтобы действительно ощущать то, что, к примеру, хочет дать духовная наука. Ибо это не остается непонятным тому мышлению, которое является действительным мышлением. Однако, само собой разумеется, то, что может дать духовная наука, никогда не поймут люди, которые, скажем, устроены под ракурсом Фрица Маутнера. По этому образцу устроено теперь мышление многих людей. Это мышление крепко вошло в современную науку. Этим ничуть не преуменьшаются большие достижения и значение науки, не в этом дело, а в том, как в наше время во всей нашей культуре живет душевное. Нашему времени не хватает, не достает возможности быть подвижным в мыслях, действительно следовать тому, чему надо следовать, чтобы понять то, что может дать и сообщать духовная наука.

Но нас могут теперь спросить: но как же происходит, что может быть написана такая книга, которая находится передо мной — «Скепсис и мистика» Густава Ландауэра, книга, вся пропитанная самодовольством. Читая такую книгу, можно и самому пропитаться

этим настроением самодовольства, царящим в ней, как и читая «Критику языка» Маутнера или статью из его же «Философского словаря». Ибо как это происходит?

Я мог представить себе очень смышленных людей, взявших в руки и прочитавших такую книгу, которые скажут: «О, какой основательный и толковый человек!» И они будут правы, ведь г-н Маутнер очень толковый человек. Но это ничего не объясняет. Ибо смышленность выражается в том, что определенным логическим способом пробалтываются понятия, а потом они снова образуются уже каким-то другим способом.

Можно на том или ином поприще быть очень смышленным, необычайно толковым, но если входить в жизнь, которая поддерживается сознанием духовного познания, тогда развивается необходимое отношение к миру, что ты все время должен идти вперед, каждый день ты должен совершенствовать свои понятия и ты обязан развить в себе доверие, что в своих познаниях ты можешь идти гораздо дальше, чем приняло думать. У того, кто написал такую книгу, было душевное чувство (Gefuhl), что таким образом он очень толков 21 декабря 1915 года. «Я толков, и благодаря своей смышленности я достиг чего-то совершенно определенного. Я вписываю сейчас это в книгу. То, каков я есть сейчас, это я и записываю в книгу, ибо я очень толков 21 декабря 1915 года! Затем книга будет закончена и передаст мою смышленность!» Вот такого душевного чувства у познающего по-настоящему нет. Напротив, у него есть чувство продолжающегося становления, непрестанной необходимости очищать и развивать все понятия на более высоком уровне. И, как правило, затем у него нет такого чувства: «Ах, 21 декабря 1915 года я был очень толков; я пишу книгу, которая являет собой пример моей толковости», спустя месяцы или годы книга будет закончена. Но, когда кто-то пишет книгу, в действительности он не оглядывается на ту смышленность, которая была у него в начале, когда к написанию книги он только приступал, но благодаря книге возникает чувство: как мало ты, собственно, занимался делом и как необходимо тебе самому согласно тому, что ты сам туда вписал, развиваться дальше. Такого прохождения — путем познания (Sich-auf-den-Weg-der-Erkenntnis-Begeben), такой постоянной внутренней работы над собой наш материалистический век более почти не знает. Часто надеются это узнать, но в действительности этого более не знают. И посмотрите, наши глубочайшие основы можно обозначить словами: эти люди так необузданно тщеславны! Я говорил: такая книга пропитана тщеславием. Она весьма толкова, но и необычайно тщеславна. Тон внутренней скромности и даже смирения, которые должны сопутствовать пути познания, как только что было представлено, у таких людей большей частью совершенно отсутствуют. Этого вообще нет, если безусловно «налегают» на смышленность, бывшую

21 декабря 1915 года. Никакой речи о смирении в данном случае идти не может.

Теперь вы скажете: однако, люди были бы тупы, если бы становились толковее и не старались придерживаться смышлености. Они не занимаются верхними слоями своего сознания (OberbewuBtsein), однако опускаются в подсознание (UnterbewuBtsein). Они не учатся отличать то, что как истинное живет в подсознании, от того, что вводит их в заблуждение в верхнем сознании. Такова люциферическая природа человека, которая ведет современного человека к тому, что он хочет находиться на определенной ступени ума и рассматривать все и судить обо всем только оттуда. Но если таким образом нести в себе Люцифера и вместе с ним оглядывать мир только так, то это неизбежно приведет к Ариману, и тогда люди видят этот внешний мир, конечно, только материалистически. Если начинают рассматривать мир «с Люцифером в теле», то, созерцая его, неизбежно встречаются с Ариманом. Потому что они оба ищут друг друга в человеческом общении с этим миром. Поэтому возникает такое мышление, такое высокомерное заносчивое мышление, которое не может сообразить, что если употребляешь слово, то это только знак для обозначения того, что это слово означает. Маутнер сделал грандиозное открытие, что нет существительных. Вообще никаких! Они не имеют действительности, разумеется, нет! Не правда ли, вы постигаете какое-нибудь явление, которое мыслите закрепленным на миг, и называете его каким-либо существительным. Конечно, существительные не есть действительность и прилагательные тоже. Все это так. Но, если теперь я соединяю существительное и прилагательное, если я приведу в течение речь, тогда они выразят реальность и действительность. Затем образ внутри образной природы, в том, что является образом, превосходит сам себя. Все отдельные слова не имеют никакой действительности, но мы же говорим не отдельными словами, напротив, мы произносим слова фразами, в их связях. Когда мы говорим, то не просто выговариваем слова, мы ищем взаимосвязь слов, тогда мы находимся в несомненной действительности. Сегодня нужно написать три тома, добавив к этому еще двухтомный словарь, чтобы с бесконечной смышленостью ума высказать людям все эти вещи, когда просто не замечают того, что отдельные слова являются только знаками, а связь слов не просто нечто характерное, а вводит в реальность. Сегодня нужно употребить так много мудрости и невероятной смышлености, чтобы «засвидетельствовать», как говорится, необычайную глупость.

То, что в «Критике языка» Маутнера, даже в критике мышления, изживается глупость, было бы еще не так плохо. Но то же мышление, которое изживает себя в подобных глупостях, в этих

слишком умных и смысленных глупостях, это же живет и во всем остальном мышлении, которым облада⁰⁰_{1F}ет современное человечество. И надо сказать, если мы хотим принять на себя задачу, которую ставит перед нами наше духовное движение, тот, кто хочет стать духовно знающим, должен достичь того, чтобы знать свою эпоху и находиться к ней в правильном отношении. Я хочу сказать, что к практике мировоззрения нашей духовной науки принадлежит стремле⁰⁰_{1F}ние выйти из того мышления, которое я сегодня охарактери⁰⁰_{1F}зовал, чтобы вы не старались идти с ним в ногу, чтобы попрос⁰⁰_{1F}бовали принимать мышление несколько иначе. Мы придем к пониманию духовной науки гораздо легче, если уберем со своей дороги те препятствия, которые пришли в современную духовную культуру оцепенелого, окаменевшего мышления. Прежде всего надо удалить из собственной души ту непоко⁰⁰_{1F}лебимую веру в различные авторитеты, которая кроется теперь в человеческой душе, когда она мнит себя свободной от всяких авторитетов. Это принадлежит к внутренней практике нашей духовной науки. И все более будет необходимо, чтобы по меньшей мере находились люди, которые понимали бы современное положение дел и могли бы его охарактериз⁰⁰_{1F}овать, как я сделал это сегодня, и могли бы не только видеть это мышление насквозь, но и принимать его везде и всюду с полной ответственной серьезностью. Дело только за этим. Не нужно выставлять это внешне напоказ, но уже и то хорошо, если будет иметься некоторая часть людей, которая сумеет поставить себя так, что будет знать свое жизненное место.

Мы могли видеть, как в некоторых областях жизни наша эпоха буквально категорически требует, чтобы мы пришли к оживлению мышления. Вызовем перед своей душой вкратце то, что мы уже много раз подробно разбирали. В начале нашего летоисчисления на Землю пришло то Существо, которое мы часто характеризовали как Существо Христа. Оно прошло через жизнь человеческого организма и соединилось с земной аурой. Тем самым Земле был возвращен смысл ее дальней⁰⁰_{1F}шего развития, который она утратила из-за люциферического искушения. Разыгралось Событие Голгофы. Ясновидя⁰⁰_{1F}щие натуры, которые большей частью были ясновидящи⁰⁰_{1F}ми в старом стиле, описали это событие в Евангелиях. Ап. Павел, который получил ясновидение иным путем, — тем, что мы называем событием в Дамаске, — увидел Христа в духе, в то время как он долго отвергал Его, когда слышал о Нем на физическом плане, он описал Мистерию Голгофы. Из этих описаний множество людей создали и нашли связь своих душ с Христовым Событием. Через эту связь отдел⁰⁰_{1F}ных людей и распространилось христианство. Сперва оно жило под землей. В древнем Риме, внизу под землей, христи⁰⁰_{1F}ане, которые осознали в своей душе импульс Христа, испол⁰⁰_{1F}няли свою службу Богу. Вверху происходит то, что стоит на высоте культуры эпохи Рима, что, собственно, является содержанием культуры этого периода времени. Но несколь⁰⁰_{1F}ко

столетий спустя то, что происходило внизу в катакомбах, некогда скрытое и презируемое, наполняет собой мир. А то, что составляло содержание эпохи, древняя римская духовная культура, исчезает. Христианство же распространяется.

Но теперь пришло время, когда люди начинают думать, какими они стали смысленными, какими они стали свободными от всяких авторитетов. Появились мыслители, которые стали проверять Евангелия — честные мыслители, толковые мыслители. Все они весьма «почтенные люди». Они докопались до того, что в Евангелиях нет исторических свидетельств. В течение десятилетий они подвергали их серьезной критической разборке и пришли к выводу, что в Евангелиях нет настоящих исторических подтверждений, что Христос когда-либо жил на Земле. Ничего нельзя возразить против их усердной работы и столь серьезной критики. Кто не знает о них и о их прилежности? Кому неизвестна их несомненная толковость? Нет никаких оснований с легким сердцем пренебрегать этой критической мудростью. Но что же имеется, собственно говоря, в действительности? Но что же означает это по существу? Нам ясно, что люди совершенно не понимают, о чем идет речь. Почему нельзя описать жизнь Христа в Евангелиях так, чтобы историки могли подтвердить его существование, как, скажем, они могут сделать это по жизнеописанию Фридриха Великого? Так удобно Христос не может быть дан человеку, но и не должен. Верно, что эти критические труды о Евангелиях осуществлены толково и прилежно, как верно и то, что именно таким способом и не должно доказываться бытие Христа, ибо это было бы материалистическим доказательством. Во всем, что можно доказать внешним образом, во всем этом замешан Ариман. Но Ариман не должен участвовать в доказательствах, касающихся Христа. Поэтому и нет никаких исторических документов и доказательств. И человечество должно узнать, что, несмотря на то что Христос жил на Земле, люди должны находить Его внутренним познанием, а не историческими преданиями. Христово Событие должно доходить до человека духовным образом, здесь не должно примешиваться ничего от материалистических исследований истины. Не должно примешиваться ничего материалистического.

Величайшее событие земного развития никогда не может быть доказано материалистическим образом, равно как и для мировой истории человеку следует сказать: ваши материалистические доказательства, то, что, вообще, в материалистический век может выступать в качестве доказательства, — это верно только для того, что касается области материи. Для духовного вы не должны да и не смеете требовать материалистических доказательств. Там позволено быть правыми даже тем, кто перемалывает исторические документы. Именно в отношении Христова События нашему веку

нужно понять, что к Христу можно прийти только духовным способом. Могут позволять себе высказываться о том, что он существует. Но действительно найти Христа могут только духовным способом. Важно задуматься о том, что Событие Христа — это такое событие, о котором люди, не желающие допустить духовное познание, будут ошибаться и жить в ошибочных представлениях.

Это удивительно. Когда высказывают то, что я сейчас произнес, что Христос может познаваться духовным способом, а также то, что исторически находимо, может быть познано также духовным образом, тогда определенные люди ломают голову, будто это уж и вовсе невозможно, и если это высказывает кто-то один, то это не может быть истинным! Я же повторял это много раз. Теперь среди наших многоуважаемых антропософских друзей есть такие, что тут или там в разных неподобающих местах позволяют себе пропитаться многим, поскольку они еще не несут это в сердце и душе и не излили в свой образ мыслей и взгляды то, что имеют в душе. Я сказал однажды одному человеку, — это, конечно, относится к личным замечаниям, но, может быть, я могу позволить его себе сейчас, — что в моем юношеском развитии лично я не исходил из чтения Библии, а занимался естественными науками и как особо важное я рассматриваю, что, идя таким путем, я убедился во внутренней истинности того, что написано в Библии, раньше, чем прочитал ее: я испытал на самом себе, что духовным путем найти содержание Библии можно раньше, чем находить это потом уже внешним образом.

Конечно, это носит личный характер, но может служить иллюстрацией. Это мое замечание дошло до одного человека, который никак не мог взять в толк, как такое, вообще, бывает, ибо он был, прошу прощения, теологом. Он никак не мог это понять. Он захотел объяснить это в лекции своим слушателям, поступив следующим образом. В одной книге он прочитал, что однажды я прислуживал в церкви (министрантом). Министранты — это мальчики, помогающие при службе, исполняющие мелкие поручения. И тогда этот человек решил: «тот, кто делал это, не мог не познакомиться с Библией. Невозможно, чтобы этого не было. Просто Штейнер упустил из виду, что он точно знал Библию. А позже к нему это знание Библии вернулось». Да, но это дело имеет одну закавыку, можно сказать, загвоздку. Во-первых, вся история неверна, но людей сейчас ничуть не смущает придерживаться чего-то, что фактически неверно. Во-вторых, министранты при мессе занимаются не чтением Библии, а изучают требник; они не имеют дел с Библией. Но самое важное, что в этой истории нужно принять во внимание, будет следующее. Этот человек даже не представляет себе, что может существовать духовное само по себе. Он может представить только такую ситуацию, когда к духовному

приходят, привязываясь к буквам, и через буквы. Очень важно, чтобы вы поняли это практически. Потому что наше духовное движение не может иметь успеха, пока не только внешним образом, но из самой глубины нашей душевной сущности мы не найдем в себе мужества выступать за все, что может быть связано со смыслом и значением нашего мировоззрения. Можно сказать, что по отношению к такому единению с духовным миром наблюдается самый низкий уровень, и именно в наш век. Меньше всего чувствуют себя связанными с духовным миром те люди, которые считают себя самыми просвещенными. И это нужно говорить не как укор или в качестве критики, а тем самым просто констатируется определенный факт. Поэтому в наше время особенно важно оживить в себе внутреннее понимание. И особенно в отношении тех важных мировых символов, которые встречаются нам во всем — и это реальные символы, а не пустой звук, — например, во всем, что окружает Мистерию Рождества. Потому что эта Мистерия так глубоко связана с природой человека, что она может быть пережита без всяких букв и учений, которые написаны. Мы должны уметь оживить Мистерию Рождества во всяком жизненном положении и особенно в нашей собственной душе.

Когда мы пробуждаем в нашей душе Мистерию Рождества, мы говорим себе: Святая ночь напоминает нам о схождения Христа Иисуса на земной план, о возрождении в человеке того, что было потеряно благодаря соблазну Люцифера. Это возрождение происходит на разных ступенях. И одна ступень — та, на которой мы находимся. Для нашего дальнейшего развития должно возродиться то, что было утеряно. Должно возродиться чувство единения человеческого сердца с духовным миром; должен родиться Христос в нас — это лишь другое обозначение этого. То, чего мы хотим в нашем движении, к чему мы стремимся, тесно связано с Мистерией Рождества. И мы должны помнить об этом не только раз в году, когда на один или два дня мы украшаем елку, любуемся ею и при этом приобщаемся ко всему возвышенному, но нам следует помнить, что Мистерия Рождества проходит через все наше бытие и проявляется во всем, что нас окружает.

В заключение я хотел бы в качестве такого символа привести то, что написал из ощущений Рождества один значительный, давно умерший поэт.

«Наши церкви празднуют различные праздники, которые проникают вглубь до людских сердец. Но трудно представить себе более чудесный праздник, чем Троица, и более святой и серьезный, чем Пасха. Печаль и уныние Страстной недели и торжество Воскресения сопутствуют нам всю жизнь. Один из прекрасных праздников отмечается церковью почти в середине зимы, когда ночи всего длиннее, а дни короче, когда солнце стоит над

горизонтом ниже всего, а поля покрывает снег, — это праздник Рождества. Во многих странах сочельник называют Христовым вечером, у нас он называется Святым вечером, а следующий день — Святым днем, ночь же между ними — Рождественской ночью. Католическая церковь празднует Христов день как день рождения Спасителя с величайшим торжеством. Во многих местностях уже в полуночный час начинаются празднества, которые сопровождаются звоном колоколов, наполняющим тихий зимний воздух, окрестные жители спешат в храм со своими свечками или по темным, известным им тропам спускаются с заснеженных вершин мимо заиндевевших лесов и сквозь поскрипывающие на морозе сады спешат в церковь, откуда раздаются праздничные песнопения и которая со своими высокими светящимися окнами возвышается посреди деревни в окружении заледеневших деревьев».

Он пишет дальше, чем является этот праздник для детей. Он описывает, как в одной старой отдаленной деревне жил сапожник, который взял себе жену не из своей, а из соседней деревни; как дети этой семейной пары знают о Рождестве, о празднике то, что известно всем детям: собственно, только то, что им говорили, что Святой Христос принес им тот или иной подарок. И поскольку к вечеру они уже устают от подарков и впечатлений, то ложатся спать в этот день пораньше и не слышат полночного рождественского звона. Итак, эти дети еще не слышали ночных колоколов.

Дети часто наведываются в соседнюю деревню. Когда они уже подросли, то стали посещать свою бабушку в соседней деревне самостоятельно. Бабушка очень любит своих внуков, как это часто случается, бабушки любят внуков крепче, чем папа или мама. Поэтому внуки — всегда желанные гости у бабушки, которая была уже слаба. Рождественским днем, который обещал быть прекрасным, детей отослали к бабушке. Дети вышли до обеда, и, судя по расстоянию между деревнями, после обеда они должны были уже вернуться, чтобы найти вечером дома наряженную для них ёлку. Но днем погода испортилась, хотя утро ничего плохого не предвещало. Дети попали в ужасную метель. Они ошиблись вершиной. Сбились с пути и оказались в совершенно непроходимой местности в вихрях снежной бури.

И автором прекрасно описано, как повели себя в этой ситуации дети. Какое природное явление увидели они в ночи. Желательно, чтобы я зачитал вам это место новеллы, ибо его невозможно пересказывать, а лучше услышать, как оно записано: это относится буквально к каждому слову. Дети оказались прямо на ледяной плоскости, попав внутрь глетчера. Представьте, какое впечатление оказало это на детей. Итак, рассказ продолжается.

«Тут на глазах у них стало кое-что происходить. Когда они сели, на небе среди звезд стал пробиваться бледный свет, который образовал слабую дугу вокруг звезд. Она начала мерцать зеленоватым светом, который потихоньку стекал вниз. Дуга становилась все ярче и ярче, пока не затмила собой все звезды. И в других частях неба возникло сияние, как бы посланное от дуги, все мерцало зеленым, это тихое сияние нежно и подвижно распространялось меж звезд. Затем возникли снопы разноцветного света на верху дуги, словно зубцы короны, и горели. Корона ярко сияла на небе на фоне звезд, слегка искрилась, нежно вздрагивая, двигалась по широкому пространству. Сгустилась ли субстанция непогод⁰⁰_{1F}ды из-за неслыханного снегопада так, что она излилась в эти затихшие, немые, великолепные потоки света, или этому была другая причина непостижимой природы: постепенно свет стал слабеть, сначала угасли снопы, все постепенно и незаметно стало уменьшаться, и на небе снова ничего не было, кроме тысяч и тысяч обычных звезд». Дети просидели так всю ночь. Они совсем не слышали звона колоколов внизу. Вокруг них был снег и лед, звезды и ночное явление в высях, о которых они ничего не слышали до этого. Ночь прошла. О детях забес⁰⁰_{1F}покоились. Всеи деревней стали их искать. Детей нашли и привели домой. Все остальное я хочу опустить, только скажу, что дети почти оцепенели от холода и их отправили в постель. И им сказали, что они получают свои рождественские подарки. К ним пришла мама. И об этом рассказывается так.

«Дети были оглушены суетой. Им дали немного поесть и отправили в кровать. Позже, уже вечером, когда они немного пришли в себя, некоторые соседи и друзья дома собрались в избе и судачили о происшествии, мать сидела у кровати Санны в спальне и поглаживала ее. Девочка произнесла: «Мама, сегод⁰⁰_{1F}ня ночью, когда мы сидели на горе, я видела Святого Христа».

Это удивительный рассказ. Ведь детям раньше ничего не говорили о празднике Рождества, они провели такую ужасную ночь на горе в снегу, видя вокруг только лед и звезды над головой и такое необычайное природное явление в ту рожде⁰⁰_{1F}ственскую ночь. Их нашли, привели домой и девочка говорит: «Мама, сегодня ночью я видела Святого Христа!» «Видела! Видела! Она его видела!» — так сказала она.

Есть глубочайший смысл, когда говорят — что мы часто подчеркивали в связи с нашей духовной наукой, — что Христа можно найти не только обязательно там, где Его находят в развитии земного времени, исторически находящимся в начале нашего летоисчисления, там, где Его показывает наш культ, нет, Христа можно найти везде, когда мы оказываемся перед важны⁰⁰_{1F}ми событиями жизни, в серьезнейшие моменты жизни мира! Тогда мы

можем найти Христа. И мы, ученики духовной науки, сможем Его найти, если мы достаточно убеждены, что все наши старания должны быть направлены на то, чтобы в человеческом развитии снова родился Дух, и чтобы это духовное, которое может родиться из особой деятельности человеческих душ и сердец, произошло на основе того, что вступило в человеческое развитие и родилось благодаря тому, что исполнилась Мистерия Голгофы. Это то, что мы должны воспринять и воспитать в это время года. Мои дорогие друзья, можете сравнить все, что мы сегодня говорили о тех днях, к которым мы сейчас приближаемся, когда найдете верное внутреннее состояние души в отношении становления земного бытия и тканя внешних событий, — сможете ли найти подобное в состояниях сна и бодрствования человека. В эти дни Рождества Христова вы можете пережить глубокое вживание в происходящее вовне, и тогда вы сможете все более и более ощущать истину слова: «Христос — здесь!» Как Он сам сказал: «Я с вами до скончания земных времен!»

Вы всегда найдете Его, если только будете искать. Такова должна быть мысль, которая укрепит нас, придаст нам новые силы при проведенном именно в нашем смысле празднике Рождества. Примите эту мысль и постарайтесь найти в ней то, что в нашем движении мы должны рассматривать как собственное содержание, истинную глубину, которая заложена в нашем духовнонаучном стремлении, во всех наших усилиях в этом направлении.

Обратившись к нашему времени с такой укрепленной душой, чтобы верным образом находиться по отношению к этому времени, как мы хотели бы делать это сейчас повсюду, с тем всеобщим рассмотрением, которое мы имеем о духовном мире, с душевным чувством, которое может появиться у нас из такого рассмотрения, укрепляя нашу душу, обратим теперь свой взор на дух тех, кто находится сейчас среди событий на полях великих сражений:

Духи ваших душ, деятельные стражи,

Ваши крылья могут донести

Нашу молитвенную любовь

Вверенным вашей защите земным людям,

Чтобы соединенное с вашей властью

Наше моление помощью лучилось

Душам, которых оно с любовью ищет.

И к тем, кто уже перешел врата смерти:

Духи ваших душ, деятельные стражи,

Ваши крылья могут донести

Нашу молитвенную любовь

Вверенным вашей защите людям сфер,

Чтобы соединенное с вашей властью

Наше моление помощью лучилось

Душам, которых оно с любовью ищет.

И тот Дух, о котором мы хотели вспомнить именно в эти дни, тот Дух, чье существо со смирением и преданностью мы хотели бы принять в свое собственное существо, тот Дух, о котором мы вели речь и наглядно показали, как Он определяет⁰⁰_{1F} себя для своего земного бытия благодаря святому праздни⁰⁰_{1F}ку Рождества, тот Дух, который прошел затем через Мисте⁰⁰_{1F}рию Голгофы, да пребудет Он с вами и вашим тяжким долгом.

Обложка издания «Сновидческой песни», опубликованной в 1929 году в Париже на русском языке

«УЛАФ ОСТЕЗОН. ПЕСНЬ О СНЕ»

I. Послушай песнь мою.

Я петь желаю

О юноше проворном.

Он звался Улаф Остезон

О долгом сне его

Я песнь тебе слагаю.

II. Заснул в Рождественский он вечер

И крепкий сон объял его.

И он не мог проснуться.

И на тринадцатый лишь день

Проснулся утром он.

Он звался Улаф Остезон.

О долгом сне его

Я песнь тебе слагаю.

Заснул в Рождественский он вечер

И спал он очень долго.

Не мог проснуться он.

И на тринадцатый лишь день

Он с птицами проснулся.

Он звался Улаф Остезон.

О долгом сне его

Я песнь тебе слагаю.

Не мог он проснуться никак,

Пока на тринадцатый день

Не озарило светило вершин.

Тогда он оседлал коня

И быстро он помчался к церкви.

Он звался Улаф Остезон.

О долгом сне его

Я песнь тебе слагаю.

Уже священник

Служил прихожанам мессу,

Когда у врат церковных
Сел Улаф, чтобы сновиденья
Ночей своих поведать,
Которые всю душу
Ему заворожили.

Он звался Улаф Остезон.
О долгом сне его
Я песнь тебе слагаю.

И старые, и молодые
Внимательно слушают речи
О сновидениях волшебных.

Он звался Улаф Остезон.
О долгом сне его
Я песнь тебе слагаю.

III. «Заснул в Рождественский я вечер,
И крепкий сон объял меня,
И я не мог проснуться,
Пока на тринадцатый день

Все в церковь не пошли.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

Был вознесен я до поднебесья.

И был я ввергнут в глубь морскую.

И кто б со мной пошел,

Тот бы недолго веселился.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

Был вознесен я до поднебесья

И был затем в болота ввергнут.

И созерцал я ад ужасный,

И видел райский свет.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

И был я ввергнут в земные недра.

Богов потоки там рокотали.

Я не умел их созерцать.

Но мог расслышать я их рокот.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

И конь мой вороной не ржал,

И псы не лаяли мои,

И птицы по утрам не пели,

И чудеса я созерцал.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

В духовном я должен был краю

Пустынным полем проезжать.

Пурпурный плащ мой разодрался,

И на ногах сломались ногти.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

К Гильярскому мосту попал я.

Висит он в высях.

Ветр вокруг гуляет.

Обит он золотом червонным

И гвозди острые имеет.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

И был змеей я ужален,

И был я укушен псом.

Встал бык мне поперек дороги.

Все трое на мосту стояли,

Грозны, свирепы и страшны,

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

Хотел кусаться пес.

Змея хотела жалить.

Был бык бодлив и бешен.

И никого чрез мост они не пропускали,

Кто истины чуждался.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

И через мост я перебрался.

Он узок: голова кружилась.

Я увязал в болотах,

Но выбрался из них.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

Я увязал в болотах.

Казалось, что они без дна.

Когда же по мосту я шел,

Почувствовал во рту я землю,

Как мертвые в своих могилах.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

Я к водам подошел,

В которых словно пламя

Сияли ярко льдины.

И просветил мой разум Бог

Так, что я вод избег.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

И я побрел тропею зимней,

И справа видел я луну,

И в Божий рай я заглянул,

Издалека сиявший.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

И там я Богоматерь

В сиянии увидел,

И в Бруксвалин поехать

Она мне повелела.

— Там суд над душами, — сказала Она.

Луна была

Светла и в даль пути тянулись.

IV. Я пребывал в иных мирах,

В скитаньях многоночных.

И ведомо лишь Богу,

Сколь много скорби видел я,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

И юноша мне повстречался там.

Он на Земле убил ребенка.

На собственных руках он должен

Носить его с собою.

По пояс в тине он стоит,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

И там же я увидел старца.

Он оловянный плащ носил.

Так был наказан он

За лютую земную скупость,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

И увидал людей

Я в огненной одежде.

Так поплатились

Они за бессердечность,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

И я детей увидел,

Что уголья имели под ногами.

Родителей они не почитали,

За что и страждут ныне,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

И посетить пришлось мне там же

Ту хижину, где ведьмы

Без устали должны трудиться

В крови, что пролили они,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

И с севера толпою дикой

Верхом явились злые духи,

Ведомы князем ада,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

И с севера толпа

Была недоброю и страшной.

Князь ада ехал впереди

На вороном арабе,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

Но всадники иные

Бесстрастно появились с юга.

Их вел Архангел Михаил

С Христом Иисусом вместе,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

Грехом отягченные души

От лютой боязни дрожали,

И слезы струились ручьями

Как плод их греховных деяний,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

Архангел Михаил стоит

И взвешивает души

Он на весах бесстрастных.

И Сам Судья стоит за ним,

Судья миров, Иисус Христос,

Где души в Бруксвалине

Должны предстать перед Судьею.

V. Блажен, кто нищему в сей жизни

Босому обувь дал.

Он голой пятой не будет

Брести по тропе тернистой.

Весы там справедливы.

Там правда мира

Глаголет и звучит.

Блажен, кто нищему в сей жизни

Насущный подал хлеб.

Его не искушают

Псы в мире том ином.

Весы там справедливы.

Там правда мира

Глаголет и звучит.

Блажен, кто нищего в сей жизни

Пшеницей наделил.

Его не тронут

Рога быка в том мире,

Когда к Гильярову мосту он подойдет.

Весы там справедливы.

Там правда мира

Глаголет и звучит.

Блажен, кто нищего в сей жизни

Одел и приютил.

Его не заморозят

В суровом Бруксвалине льды.

Весы там справедливы.

Там правда мира

Глаголет и звучит.

VI. И старые, и молодые

Внимательно слушают речи

О сновидениях волшебных.

Ты крепко спал и долго.

Проснись же, Улаф Остезон!

ПРИМЕЧАНИЯ

Все лекции этого тома (т. 157а) Полного собрания сочинений Рудольфа Штейнера (ПСС) читались им в Берлине. В том городе, где с начала столетия Рудольф Штейнер начал свою деятельность для духовной науки и где помимо всего прочего он проживал до 1914 года. Поэтому берлинская ветвь является старейшей и оставалась единственной, которой Рудольф и Мария Штейнер руководили сами вплоть до основания Всеобщего Антропософского общества в 1923 году.

С 1914 года основная деятельность Рудольфа Штейнера сосредоточилась на постройке здания Первого Гётеанума и поэтому переместилась в Дорнах близ Базеля, откуда он в последующие годы совершал свои лекционные туры, в основном по Германии. В ноябре второго года Первой мировой войны он предпринял такую поездку в Берлин, где прочитал сначала три первых (из изданных в данном томе) лекции для членов ветви, и потом уехал через Ульм и Штутгарт в Мюнхен, где 17 ноября 1915 года скончалась многолетняя сотрудница и руководитель ветви г-жа София Штинде, а затем снова вернулся в Берлин. Там в декабре 1915 года он находился вплоть до Рождества, прочитал пять открытых лекций в Доме архитекторов, а также – четыре последние лекции, вошедшие в этот том, для членов берлинской ветви.

Открытые лекции были изданы в томе «Из среднеевропейской духовной жизни», ПСС 65. Лекция 19 декабря 1915 года, прочитанная для членов берлинской ветви в последний (четвертый) Адвент перед Рождеством 1915 года, включена в наше издание впервые, поскольку хронологически она принадлежит к этим берлинским лекциям. *(То, что в 1919 году ее не издали в первом выпуске цикла, пожалуй, можно объяснить, скорее, тем, что речь идет о тематически выпадающей из общего рассмотрения рождественской лекции, прочитанной по окончании рождественского действия (вертепа), чем тем, что она уже была издана в 1916 году как отдельная публикация.)* В виде отдельной брошюры она появлялась неоднократно, последний раз в Дорнахе в 1977 году. Кроме того, внутри с/с Рудольфа Штейнера она занимает свое место в томе «Духовное объединение человечества благодаря импульсу Христа», ПСС 165.

Источники текста. Лекции были застенографированы членом кельнской ветви г-жой Хеддой Хуммель, последние четыре лекции еще и г-жой Хеленой Финк из Дорнаха. Ясный текст, по меньшей мере частично, был установлен в совместной обработке этих

записей. Использовались только стенограммы Хелены Финк.

Заглавие тома. Название тома, как и названия отдельных лекций, были даны Марией Штейнер, которая позаботилась о большеформатном издании манускрипта в 1919 году. Второе издание 1960 года выпустил Роберт Фриденталь. Для 3-го издания в 1981 году текст был заново просмотрен, а издание снабжено подробным оглавлением и комментариями.

Труды Рудольфа Штейнера, изданные в полном собрании сочинений (ПСС) на немецком языке, приводятся в применениях согласно своим библиографическим номерам. Для русского издания указаны труды Штейнера, выпущенные на русском языке в течение последних лет. Русские издания имеют те же самые библиографические номера.

Русское издание лекций данного тома (ПСС 157a) осуществлено по изданию 1981 года (Rudolf Steiner. «Schicksalsbildung und Leben nach dem Tod», Rudolf Steiner Verlag, Dornach, Schweiz, 1981). Текст «Сновидческой песни Олафа Эстесона» (перевод на русский с немецкого перевода песни, сделанного Рудольфом Штейнером) приводится по изданию Песни на русском языке: «Улаф Остезонь. Песнь о сне», Париж, «Иероглиф», 1929 (права Философско-Антропософского издательства, Гётеанум, Дорнах).

При издании шести лекций из семи были использованы имевшиеся машинописные переводы, которые были сверены, дополнены и исправлены по немецкому изданию О. Прониной. Лекцию 19.12.1915 специально для данного тома перевел И. Маханьков.